

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2024 Том 16 № 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2
<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал
Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук,
профессор кафедры всеобщей
истории факультета гуманитарных
и социальных наук, Российский
университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

**Заместитель главного
редактора**

Куделин А.А., кандидат историче-
ских наук, заведующий кафедрой
всеобщей истории, Российский
университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат истори-
ческих наук, доцент кафедры
всеобщей истории, Российский
университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбушан, профессор, Университет имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Редакторы англоязычных текстов *С.А. Михайлов, Ю.С. Медведев*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 15.06.2024. Выход в свет 30.06.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,43. Тираж 500 экз. Заказ № 621. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2024 VOLUME 16 NUMBER 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities «Conversations about important things», State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Translation Editors *S.A. Mikhailov, Yu.S. Medvedev*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСТОК-ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

- Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.** Идея халифата в контексте Первой мировой войны: диалог и противостояние Востока и Запада..... 125
- Сидорова Г.М.** Колониальная политика Бельгии в XIX–XX веках 142

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Китинов Б.У., Кодунова Е.А.** Хун Сюцюань и религиозная идеология в Тайпинском восстании 1850–1864 гг. 152
- Старшинов А. С.** Милитаризация культуры в период правления Пак Чонхи (1961–1979) на примере военного кинематографа Республики Корея 165
- Матвеев Ф.Ю.** Основные векторы внешней политики эмирата бану халид во второй половине XVII – первой половине XVIII в. 187
- Гизбулаев М.А.** Сведения арабского географа ал-Мукаддаси о Кабке в X в. 201

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

- Каткова Е.Ю., Глуценко А.И.** Американский фактор в межкорейских отношениях в 2012–2023 гг. 211
- Се Ипин.** Украинский фактор в международной политике: позиция Китая 226

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Тарасова А.С.** Развитие концепции приграничного сотрудничества в российской и зарубежной историографии 240

CONTENTS

EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V. The Idea of Caliphate in the Context of the World War I: Dialogue and Confrontation between East and West 125

Sidorova G.M. The Colonial Policy of Belgium in the 19th–20th Centuries 142

ORIENTAL STUDIES

Kitinov B.U., Kodunova E.A. Hong Xiucuan and the religious ideology of the Taiping Rebellion in 1850-1864 years 152

Starshinov A. S. Militarization of Culture during Park Chung-hee’s Rule (1961–1979): Focusing on South Korean War Movies 165

Matveev F.Y. The Main Vectors of the Foreign Policy of Bani Khalid Emirate in the Second Half of the 17th – the First Half of the 18th Century 187

Gizbulaev M. The Arab Geographer Al-Muqaddasi’s Reports on the 10th Century Qabq 201

WORLD TODAY

Katkova E.Yu., Glushchenko A.I. American Factor in Inter-Korean Relations in 2012–2023 211

Xie Yiping. The Chinese view on the Ukrainian factor in the international policy 226

HISTORIOGRAPHICAL STUDY

Tarasova A.S. Evolution of the Concept of Cross-Border Cooperation in Russian and Foreign Historiography 240

ВОСТОК-ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-125-141

EDN: GBMSWR

Научная статья / Research article

Идея халифата в контексте Первой мировой войны: диалог и противостояние Востока и Запада

С.А. Кириллина , А.Л. Сафронова , В.В. Орлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

 kirillina@iaas.msu.ru

Аннотация. Значимость темы исследования предопределяется актуальностью халифатизма как феномена общественной мысли в истории ислама. Цель данного исследования — анализ региональной специфики восприятия института халифской власти в центре и на периферии исламского мира в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Военные неудачи Османской империи и торжество западных колониальных держав по-новому поставили перед мусульманскими мыслителями вопрос о контурах идеи общины-уммы как формы духовного и политического объединения правоверных. Авторы сосредоточили внимание на развернувшихся в этой связи дискуссиях о самой возможности единства уммы и перспективах халифата в изменившихся условиях мировой геополитики. В содержательном идейном диалоге защитников и противников османской власти проявились оригинальные модели «арабского халифата» и «османского халифата», позже противопоставленные халифатистами идеям секулярной государственности. Опираясь на материалы исторических источников, авторы проанализировали интеллектуальное творчество и политические позиции Мухаммада Рашида Риды (1865–1935), Али Баш Хамбы (1876–1918), Абул Калам Азада (1888–1958) и выявили эклектический характер их идеологических и политических реакций на ослабление власти османского султана-халифа. Доказано, что особенности традиционной политической культуры Ближнего Востока, Северной Африки, Южной Азии стали решающим фактором, обусловившим различную трактовку задач халифата в основных ареалах распространения

© Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ислама. Кроме того, уточнены характер и механизмы влияния османских разведывательных служб на развитие философско-идеологического оправдания халифской власти в среде мусульманских интеллектуалов.

Ключевые слова: халифат, младотурки, Первая мировая война, Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия

История статьи: Поступила в редакцию: 04.09.2023. Принята к публикации: 01.12.2023.

Для цитирования: *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Идея халифата в контексте Первой мировой войны: диалог и противостояние Востока и Запада // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 125–141. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-125-141>

The Idea of Caliphate in the Context of the World War I: Dialogue and Confrontation between East and West

Svetlana A. Kirillina , Alexandra L. Safronova , Vladimir V. Orlov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 kirillina@iaas.msu.ru

Abstract. The significance of the research topic is predetermined by the importance of Caliphatism as a phenomenon of social thought in the history of Islam. The purpose of this study is to analyze the regional specifics of the perception of the institution of Caliphal power in the center and on the periphery of the Islamic world during the First World War (1914–1918). The military failures of the Ottoman Empire and the triumph of the Western colonial powers forced Muslim thinkers to redefine the idea of the community (*ummah*) as a form of spiritual and political unification of the adherents of Islam. The authors focused on the ongoing discussions about the opportunities for Islamic unity and the prospects of the Caliphate in the changing conditions of world geopolitics. The original models of the “Arab Caliphate” and the “Ottoman Caliphate”, later opposed by the Caliphatists to the ideas of secular statehood, manifested themselves in the meaningful ideological dialogue between the defenders and opponents of the Ottoman government. Based on historical sources, the authors analyzed the intellectual work and political positions of Muhammad Rashid Rida (1865–1935), Ali Bash Hamba (1876–1918), Abdul Kalam Azad (1888–1958) and identified the eclectic nature of their ideological and political reactions to the weakening of the power of the Ottoman Sultan-Caliph. It is proved that the specific features of the traditional political culture of the Middle East, North Africa, and South Asia have become a decisive factor that led to a different interpretation of the tasks of the Caliphate in the main areas of Islam. In addition, the nature and mechanisms of the influence of the Ottoman intelligence services on the development of the philosophical and ideological justification of the Caliphal power among Muslim intellectuals have been clarified.

Keywords: Caliphate, Young Turks, World War I, Middle East, North Africa, South Asia

Article history: Received: 04.09.2023. Accepted: 01.12.2023.

For citation: Kirillina SA., Safronova AL., Orlov VV. The Idea of Caliphate in the Context of the World War I: Dialogue and Confrontation between East and West. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):125–141. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-125-141>

Введение

В первые десятилетия XX в., на заре формирования контуров современного исламского мира халифат¹ как политико-идеологический конструкт встал перед лицом двух вызовов со стороны колониальных европейских держав. В годы Первой мировой войны правительство Франции попыталось спроектировать подконтрольный ему «магрибинский халифат» на западе арабского мира, тогда как на Ближнем Востоке колониальная элита Великобритании планировала претворить в жизнь идею создания «арабского халифата», используя наработки арабских идеологов реформаторского или националистического толка и антиосманской направленности. Со своей стороны, османские власти в противостоянии британскому натиску сосредоточились на выстраивании линии обороны путем защиты законности и авторитета «османского халифата», век которого неминуемо подходил к концу².

Колониальный вызов предвоенных и военных лет поставил перед сложным выбором и жителей восточного крыла мусульманской ойкумены — индийских мусульман. На формирование их идентичности значительное воздействие оказали панисламские идеи, распространившиеся в южноазиатском регионе в последней четверти XIX в. Они помогали преодолеть комплекс отдаленности от традиционных центров мусульманской культуры на Ближнем и Среднем Востоке и утрянности некогда высокого статуса в самой Южной Азии во времена Делийского султаната и державы Великих Моголов [1].

Политическая «игра в слова»: национальное и религиозное содержание представлений о халифате

Султан Абдул-Хамид II (1842–1918), который на протяжении своего длительного правления (1876–1909 гг.) неизменно подчеркивал неизбывную значимость института халифата, применял для легитимации своей власти как падишаха и халифа все возможные средства, в том числе мощную общегосударственную пропагандистскую машину, лояльные исламские институты, включая корпус улама³ и суфийские братства, а также влиятельных интеллектуалов. Халифат служил основой для его генеральной стратегической установки на реализацию идеи единения ислама (*иттихад-и ислам*), основанной

¹ *Халифат* (араб. *аль-хилафа*) — государство, возглавляемое халифом. Халиф (араб. *халифа*) — первоначально титул светского и духовного главы арабского государства, позже — титул правителя, претендовавшего на роль главы мусульманского мира.

² Последний халиф из османской династии Абдул-Меджид II (1868–1944) заступил на этот пост в 1922 г., став после упразднения султаната единственным халифом в истории Османской империи, не носившим одновременно титул султана. Однако уже в 1924 г. декретом Великого национального собрания республиканской Турции халифат был упразднен, и Абдул-Меджид отправился в изгнание.

³ Араб. ‘улама’ (ед.ч. ‘алим) — мусульманские теологи, хранители религиозной традиции, блюстители канонического права.

на панисламской платформе и нацеленной на политическую и культурную интеграцию мусульман — как османских подданных, так и тех, кто проживал за пределами Османского государства [2. Р. 9–12; 3]. Не менее важным элементом стратегии Абдул-Хамида II в направлении сплочения *дар аль-ислама*⁴, узаконивания своего лидерства в мусульманском мире и укрепления ключевого для халифского звания статуса «хранителя двух священных запретных городов» (*хадим аль-харамайн аш-шарифайн*) Мекки и Медины стали его неустанные усилия по защите святой земли ислама в Западной Аравии. Это нашло выражение в строительстве Хиджазской железной дороги (1900–1908 гг.) — мегапроекта, воплощавшего панисламские амбиции султана и направленного на расширение хаджа, а также в наращивании инвестиций в экономику аравийской «колыбели ислама» (подробнее см.: [4; 5]).

Тот факт, что Абдул-Хамид II, задействовав институт халифата и умело маневрируя между европейскими державами, упорно продвигал идею исламского единения, вызывал в Европе все возрастающую обеспокоенность. При этом главным оппонентом османского султана-халифа выступила Великобритания, которая наряду с Францией рассматривала халифат как реальную угрозу своему колониальному присутствию в мусульманском мире.

В 1908 г. в Османской империи победила младотурецкая революция. В апреле 1909 г. Абдул-Хамид II был низложен и лишен сана халифа, а на его место заступил безвольный и апатичный Мехмед V Решад (1844–1918; даты правления: 1909–1918 гг.), который уже никак не влиял на политическую ситуацию в метрополии. Однако после свержения самодержавия младотурки, осознавая весомость фигуры халифа в международной политике, предпочли сразу не отказываться от использования халифской титулатуры — по крайней мере, при заключении международных договоров. Последней попыткой младотурок подчеркнуть идеологическую ценность статуса халифа стала их санкция Мехмеду V Решаду издать в начале Первой мировой войны *фетву*⁵ об объявлении священной войны (*джихада*) державам Антанты (11.11.1914). В ней он как халиф призвал всех мусульман выполнить свой священный религиозный долг и сражаться против англо-франко-российского альянса. Однако эта фетва, оглашенная в мечетях и распространенная по дар аль-исламу, была встречена с явным равнодушием. Так, в арабском мире мусульмане не испытывали никакого желания участвовать в Первой мировой войне и жертвовать собой во имя чуждых им европейских и турецких интересов.

Тем не менее союзники по Антанте, встревоженные тем, что османский халиф продолжал оставаться авторитетом в глазах последователей ислама, в общих чертах договорились о том, что халифат в его османском

⁴ *Дар аль-ислам* («обитель ислама») — территория, на которой, согласно нормам мусульманского права, осуществляется верховенство шариата как юридической системы.

⁵ *Фетва* (араб. *фатва* — «разъяснение») — богословско-правовое заключение по различным юридическим вопросам, вынесенное на основе шариата.

варианте должен уйти в небытие, а пост халифа следует «вернуть» арабам. Как промежуточный вариант в 1915 г. в британском и российском посольствах в Стамбуле даже обсуждался утопический проект преобразования халифата в лишенное светской власти карликовое государственное образование наподобие Ватикана, базирующееся либо в Стамбуле, либо в Дамаске [6. С. 343].

Среди союзников именно Великобритания проявила наибольший энтузиазм в отношении проекта создания «арабского халифата» под ее непосредственным надзором. Она контролировала гигантские территории с мусульманским населением на Индийском субконтиненте и в Северной Африке, а именно в Египте, который в канун британской оккупации в 1882 г. был одной из богатейших и обширных арабских провинций Османской империи. В последней четверти XIX и в первой четверти XX в. британские правительственные чиновники, их советники по внешнеполитическим вопросам, так же, как спецслужбы, работавшие на Форин-офис представители академического востоковедного сообщества и журналисты развернули кампанию по дискредитации «османского халифата» как «незаконного» с точки зрения мусульманского права института. Они делали упор на том, что Османы силой «захватили» халифат, придав ему наследственный, а не выборный характер, а также на том, что халифом должен быть непременно араб-курайшит — выходец из родного племени пророка Мухаммада, а не представитель дома Османов.

В русле антиосманской и проарабской парадигмы действий Великобритания взяла курс на поддержку сепаратистских устремлений в арабском мире, патронируя прежде всего мекканского шерифа Хусейна ибн Али⁶ и Саудилов, вождь которых Абд аль-Азиз (Ибн Сауд)⁷ при активном содействии Лондона стал самым могущественным лидером уже в послевоенной Аравии⁸.

Еще накануне «Великого арабского восстания» 1916–1918 гг. Хусейн ибн Али, на которого Британия уповала как на союзника в деле подрыва «османского халифата», строил тайные планы по отделению Западной Аравии от Османской империи. В 1916 г. он провозгласил себя «королем Хиджаза», также объявив себя «потомственным хранителем священных городов (Мекки и Медины)». Хотя вплоть до конца своего нахождения во власти Хусейн не упоминал о реставрации «арабского халифата», современникам было ясно, что принятая им титулатура «служитель священных городов» (*хадим аль-харамайн аш-шарифайн*) была ничем иным, как важной прерогативой халифа.

⁶ Хусейн ибн Али аль-Хашими (1853–1931), шериф Мекки (1908–1916 гг.), основатель и первый король Хиджаза с 1916 по 1924 г. из династии Хашимитов.

⁷ Абд аль-Азиз (Ибн Сауд) (1875–1953) — эмир Неджда в 1902–1926 гг.; король Неджда и Хиджаза в 1926–1932 гг.; первый король Саудовской Аравии в 1932–1953 гг.

⁸ О претензиях Ибн Сауда на роль лидера всех мусульман-суннитов и предпринятых им после Первой мировой войны шагах, направленных на «деполитизацию» движения за халифат, см. [7].

В 1924 г., в последний год своего правления, уже после отмены османского халифата, он все же титуловал себя «халифом мусульман», что, впрочем, не вызвало резонанса в арабском мире. Саудовские отряды, изгнавшие Хусейна из Мекки, положили конец притязаниям Хашимитов на халифат.

В предвоенные годы «арабский халифат» как политико-идеологический конструкт явился продуктом, с одной стороны, британской колониальной политики на арабской периферии Османской империи, а с другой — зарождавшегося арабского национализма. Направленная на сохранение целостности империи политика младотурок, которая основывалась на доктрине османизма с турецким националистическим подтекстом и перспективой отуречивания народов империи, оттолкнула арабских интеллектуалов Сирии, а позднее и Египта, усиливая их националистические умонастроения. После государственного переворота 1913 г. и перехода власти в Турции в руки младотурецкого «триумvirата» — Энвер-паши, Талаат-паши и Джемаль-паши — арабские националисты полностью разочаровались в «благоначинаниях» младотурецкого режима. В том же году на состоявшемся в Париже первом Арабском конгрессе они приняли политическую программу арабского национального движения и высказались в пользу административной автономии арабских провинций Османской империи [8. Р. 283–284].

В это же время жившие в более свободном в отношении цензуры Египте видные арабские идеологи, чьи взгляды представляли собой амальгаму исламских реформаторских и националистических идей, активно пропагандировали тезис, согласно которому халифом может быть избран только арабский лидер, а сам халифат — это прежде всего политический институт. Среди них особо выделялся египетский алим Мухаммад Рашид Рида (1865–1935), неистовый опровергатель османской трактовки халифата. Суммировав и систематизировав свои халифатистские предпочтения, он в 1922 г. опубликовал свой программный трактат — «Аль-Хилафа ау аль-имама аль-‘узма» (Халифат, или Верховный имамат) [9], который стал настоящим манифестом халифатистов. В нем Рида призывал восстановить «подлинную» концепцию халифата, которой, как он считал, нет равных среди других форм правления [10. Р. 153–186; 11. С. 69–83], и подчеркивал неоспоримые преимущества арабов перед турками в деле его возрождения [12]. По его убеждению, османы, не будучи курайшитами, узурпировали халифский титул и превратили халифат в институт репрессий и насилия. Египетский теолог рассматривал как возможные кандидатуры на халифский пост ваххабитского предводителя Абд аль-Азиза (Ибн Сауда), йеменского имама Яхью⁹ и мекканского шерифа Хусейна, с которым лично встречался как член египетской делегации, прибывшей в Западную Аравию

⁹ Яхья бен Мухаммад Хамид ад-Дин (1869–1948) — с 1904 г. имам зейдитов Йемена, с 1918 г. — правитель независимого Йеменского королевства.

в 1916 г., чтобы выразить солидарность с его решительным шагом — провозглашением независимости Хиджаза [13. С. 198].

В итоге бурных событий Первой мировой войны, несмотря на все дружные усилия арабских халифатистов, успех «Великого арабского восстания», вынужденное провозглашение Великобританией в 1922 г. независимости Египта и достижения Саудидов на пути объединения Аравии проекту «арабского халифата» так и не было суждено воплотиться в жизнь. Это, однако, не привело к тому, что вопрос о халифате был окончательно снят с международной повестки дня — как на Востоке, так и на Западе.

Идея халифата в Магрибе: тайная война османских специальных служб и французской дипломатии

В Магрибе вопрос о необходимости и легитимности халифата с начала Первой мировой войны приобрел характер противостояния разведывательных и политико-дипломатических структур Франции и Османского государства. Здесь концепция «арабского халифата» использовалась французскими колониальными кругами для дискредитации османских оппонентов и улучшения облика Франции во мнении мусульман Северной Африки и Сахеля. Наиболее удачной кандидатурой на пост халифа в Париже полагали султана Дальнего Магриба (Марокко) Мулай Юсуфа ибн Хасана (1912–1927 гг.). Этот правитель, согласно условиям Фесского договора о протекторате (1912 г.), сохранил свои формальные прерогативы и принадлежал к шерифской¹⁰ династии Алауитов. Между Алауитами и Османами в XVII–XIX вв. сложились неоднозначные отношения, приводившие к дипломатическому соперничеству и оспариванию суверенитета друг друга [14]. Относительная неудача османских призывов к джихаду против войск Антанты, бурные перипетии схватки британцев и турок за Дарданеллы, перспектива скорого, как тогда казалось, захвата Стамбула войсками Антанты побуждали Париж к формированию альтернативного халифата под своим патронажем. Эту идею в 1914 и начале 1915 г. продвигал маршал Франции и основатель протектората в Марокко Л.-Ю. Лиотэ¹¹ при поддержке министра иностранных дел Т. Делькассе¹². В пользу такого решения говорила и активная политическая работа британского правительства с Хусейном ибн Али и Саудидами на Ближнем Востоке.

¹⁰ *Шерифы* (араб. мн. *ашраф, шурафа'*) — потомки пророка Мухаммада, пользующиеся особым почитанием в арабо-мусульманском мире.

¹¹ Луи-Юбер Лиотэ (1854–1934) — французский военачальник, маршал Франции (1921 г.), крупный идеолог и практик колониализма, первый генеральный резидент Франции в Марокко (1912–1925 гг.).

¹² Теофиль Делькассе (1852–1923) — французский государственный деятель, дипломат, министр колоний в 1893–1895 гг., министр иностранных дел в 1898–1905 и 1914–1915 гг., морской министр в 1911–1913 гг.

Однако проект создания «арабского халифата» на западных рубежах мусульманского мира так и не удалось реализовать. К этой неудаче привели провал Дарданелльской операции Антанты зимой 1915–1916 гг., осторожная политика Мулай Юсуфа, не желавшего ассоциировать свои халифские претензии с покровительством французских колонизаторов, слабая реакция на пропаганду «марокканского халифата» у населения Алжира и Туниса, и даже терминологическая неоднозначность понятия *халиф/халифа* в магрибинских диалектах арабского языка¹³. Косвенным свидетельством отказа Л.-Ю. Лиотэ и французского правительства от провозглашения халифата в Магрибе стало тайное соглашение Сайкса–Пико (1916 г.), которое передало Франции контроль над Сирией и Ливаном в обмен на предоставление Британии свободы маневра (в том числе и в реализации планов создания «арабского халифата») в Египте, Аравии, Ираке и других восточных арабских территориях.

Тем не менее, попытка Парижа придать духовное руководство миллионам мусульман Магриба и Сахеля была всерьез воспринята младотурецким руководством в Стамбуле. В 1914 г. комитет «Единение и прогресс» учредил «Особое формирование» (*Тешкилят-и махсуса*) под общим руководством одного из триумвиров — Энвер-паши. Агенты этой разведывательной и пропагандистской структуры распространяли воззвания Мехмета V как в османских провинциях, так и в мусульманских странах, находившихся под контролем Антанты. Османские военные миссии с 70-х гг. XIX в. тесно сотрудничали с Сенусией — основанным Мухаммадом ибн Али ас-Сенуси (1787–1859) обновленческим религиозным братством, которое пользовалось влиянием в Алжире, Тунисе, Ливии и сахарских территориях (Чад, Борну и др.) [16. С. 264]. Энвер-паша, командовавший османскими войсками в Ливии в ходе Триполитанской войны (1911–1912 гг.), и вождь сенуситов Ахмад аш-Шариф поддерживали дружеские отношения. Более 300 «братьев»-сенуситов прошли подготовку в османских военных училищах и руководили нападениями на британские силы в Египте из Ливийской пустыни [17. Р. 321–322; 18. Р. 55]. Сотрудники османской миссии, секретно расположившиеся на юге Испании, содействовали марокканским партизанам Ахмада ар-Райсуни¹⁴ в их вооруженном сопротивлении французской колонизации [19. Р. 457–461].

¹³ В Магрибе титул *халиф* или *халифа* нередко носили представители племенных и городских верхушек. Однако в североафриканском контексте он относился не столько к духовно-политическому преемнику Пророка, сколько к султанским наместникам в провинциях [15. С. 28]. В традиционном Марокко он особенно часто использовался для обозначения официальных представителей султана в столицах страны — Марракеше, Фесе и Мекнесе, а позже и в городе-порте Танжер, где располагались европейские дипломатические миссии.

¹⁴ Ахмад ар-Райсуни (ар-Райсули) (1871–1925) — вождь племенной конфедерации джбала в Рифе (Северное Марокко), организатор партизанской борьбы против франко-испанского колониального присутствия и султанской власти.

В своих операциях, направленных против задуманного в Париже «арабского халифата», османская разведка сделала ставку на симпатии к стамбульскому султану-халифу со стороны жителей Северной Африки. В алжирском и тунисском обществах начала XX в. образ Османской империи как глобальной защитницы дела ислама еще далеко не померк. Об этом говорит примечательное событие, произошедшее в 1911 г. в Алжире. Здесь из-за налоговых злоупотреблений колониальной администрации тысячи жителей г. Тлемсен, а также крестьян-*феллахов* из регионов Тебесса и Айн-Бейда повторили маршрут последних алжирских янычар XIX в. и героя антифранцузского сопротивления Абд аль-Кадир Алжирского (1808–1883). Они добровольно выселились в Малую Азию и Сирию [20. С. 435]. Другим кадровым резервом *Тешкилят-и махсуса* для подрывной работы в Магрибе оставались те местные мусульманские интеллектуалы, которые придерживались националистических и проосманских взглядов. Среди них выделялись своими знаниями и политической культурой лидеры младотунисского движения, по своим ценностям и устремлениям родственные младотуркам.

Наиболее известным противником «арабского халифата» в Магрибе зарекомендовал себя тунисский адвокат и активист движения младотунисцев Али Баш Хамба (1876–1918), который активно выступал против французского господства. В марте 1912 г. администрация протектората добилась его ареста и высылки из Туниса. Али выехал в Стамбул, где к нему присоединился его младший брат Мухаммад. Их имущество в Тунисе было конфисковано бейской полицией. Первоначально братья отказались от контактов с родиной, заявив, что «есть растения, которые можно сломать, но не согнуть» (цит. по: [21. С. 139]), и публиковали статьи антиколониального содержания в турецкой прессе. Однако с началом мировой войны Али выдвинул лозунг вооруженной борьбы и создания Североафриканской республики [22. С. 31]. В 1915 г. младотурецкое руководство назначило Али Баш Хамбу главой *Тешкилят-и махсуса*, и в османской спецслужбе возросло количество агентов и сотрудников из Северной Африки. Часть из них во главе с Мухаммадом Баш Хамбой обосновалась в Женеве, где они в 1916–1918 гг. издавали проосманский «Магрибинский журнал» (*La Revue du Maghreb*). Другая часть магрибинцев на османской службе подвизалась в Берлине. Здесь они трудились на благо германской разведки, разрабатывавшей планы «революционизации» исламского мира и антиколониального джихада [23. С. 39–40; 24. С. 98–99].

В берлинской диаспоре авторитетом пользовались тунисские богословы, преподаватели столичного исламского университета аз-Зейтуна — шейхи Исмаил ас-Сафайихи (1856–1918) и Салих Шариф ат-Туниси (1869–1920), а также египетский журналист и публицист тунисско-турецкого происхождения Абд аль-Азиз Джавиш (Шавиш) (1876–1929). Их воззвания, памфлеты

и трактаты носили пропагандистский характер и восхваляли османский халифат, а сами авторы усматривали преступный умысел в любых попытках оспорить его руководство мусульманами. Так, ат-Туниси в своей брошюре «Правда о Священной войне», опубликованной в Берне в 1916 г., именовал руководителей держав Антанты «подлинными варварами, слугами Сатаны» и призывал мусульман Северной Африки «подняться всем как один и следовать за знаменем халифа из блистательной семьи Османа вместе с его верными союзниками-немцами» (цит. по: [25. Р. 158–159]). В сентябре 1916 г. магрибинские сотрудники *Тешкилят-и махсуса* приняли участие в берлинском слете панисламистов. Здесь под патронажем германских востоковедов исламские ученые из Ирана, Центральной Азии, Афганистана и Северной Африки коллективно «переиздали» фетву османского шейх-уль-ислама Хейри-эфенди от 11 ноября 1914 г., призывавшую мусульман к борьбе за дело османского халифа [26].

Параллельно братья Баш Хамба организовали в южных провинциях Туниса несколько племенных бунтов под эгидой шейхов Сенусийи и при технической помощи кайзеровской агентуры (осень 1915 и весна 1916 г.). В 1917 г. Али Баш Хамба начал формировать в Стамбуле «североафриканскую бригаду» джихадистов и предпринял дипломатические шаги по перспективному признанию будущей Североафриканской республики. Однако военно-политический крах «центральных держав» обесценил все его усилия.

Столкновение представлений об «арабском халифате» у французских колонизаторов и об «османском халифате» на службе османских и германских военных не привело в Северо-Западной Африке к значительным военным успехам. Как Франция, так и Османское государство стремились использовать мобилизационный потенциал халифского призыва для сплочения магрибинцев и координации их оппозиции. Однако успех восстания Хусейна (1916–1918 гг.) и фактический раздел османских ближневосточных провинций по договору Сайкса–Пико предопределили маргинальный характер и низкую результативность халифатистского призыва с обеих сторон.

Сторонники халифата Южной Азии в выборе ориентиров: лабиринт между Османской и Британской империями

Направления поисков историко-культурной идентичности мусульманской общины Южной Азии предопределили два обстоятельства: падение Могольской империи и превращение Индии в британскую королевскую колонию вслед за подавлением сипайского восстания 1857–1859 гг. Потеря высшей государственной власти, освященной исламом, сделала актуальным обращение южноазиатских мусульман к идейному наследию и общественной мысли Ближнего и Среднего Востока. Идеи халифатизма послужили источником вдохновения для исламских мыслителей Индии,

сыграли заметную роль в становлении мусульманских общественно-политических движений и выработке принципов консолидации общины. Как и на Ближнем Востоке, исламская община Южной Азии была этнически разнородной и регионально разъединенной, политически пестрой и конфессионально не единой. Она включала в себя суннитов и шиитов, а также представителей мистико-аскетического течения в исламе (суфиев), что предопределило идейный спектр исламских движений Индостана. Сунниты составляли большинство [27; 28].

Начиная с последней четверти XIX в., политическое развитие Османской империи вызывало живой интерес в Британской Индии. На поддержку Османов были сориентированы самые различные мусульманские движения и организации [29]. Их стремление к интеграции с мусульманским миром усилилось в результате Триполитанской и Балканских войн (1911–1913 гг.) на фоне вовлечения Великобритании в антиосманскую деятельность Антанты накануне и во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Впоследствии расчленение территорий Османской империи по Севрскому договору (1920 г.) вызвало в Индии опасения по поводу судьбы халифа как главы суннитов и хранителя мусульманских святынь. Идея признания законности прав османских халифов на верховенство в общине суннитов получила широкое распространение среди мусульман Британской Индии. Она соединила в себе панисламские и антибританские мотивы и стала составной частью борьбы индийских мусульман за создание независимой государственности [30; 31].

Ориентация индийских мусульман на османского падишаха как на духовного главу была вызвана историческими и политическими причинами и содержала внутренние противоречия. С одной стороны, она предопределила настрой исламских лидеров Южной Азии в пользу халифатизма на «османской», а не на «арабской» культурной основе. С другой стороны, приоритетный характер связей исламской общины Индии с Османами нес в себе антибританскую направленность, но судьбы индийских мусульман находились в руках британских колониальных властей. Для многих представителей общины диалог с Великобританией и лояльность короне сулили реальные выгоды и представлялись залогом процветания мусульман Британской Индии.

Соответственно, индийские мусульмане, принадлежавшие к различным идейным течениям в исламе, занимали неодинаковые позиции в вопросе о правах османских султанов на звание халифа и духовное главенство в суннитском мире. Последователи Барелвийской школы¹⁵ и Алигархского

¹⁵ Барелвийская школа — религиозно-политическое движение, возникшее в Индии в 20-е гг. XIX в. под воздействием идей Сайида Ахмеда Барелви, сходных со взглядами Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба в Аравии.

движения¹⁶ были против признания этих прав. Мнения в Деобандском движении¹⁷ разделились: значительная часть деобандцев скептически отнеслась к притязаниям турок, в то время как близкие к Деобанду «Общество улама Индии» (*Джамият ул-улама-и Хинд*) и «Собрание ученых» (*Надват ул-улама*) заняли проосманскую позицию и примкнули к халифатистскому движению [32]. В Мусульманской лиге¹⁸ и других мусульманских кругах накануне и в годы Первой мировой войны возобладали леворадикальное крыло в лице его ведущих идеологов, таких, как Абул Калам Азад¹⁹, Мухаммад Али Джаухар²⁰ и Шаукат Али²¹, что привело к существенному распространению идей панисламизма, особенно посредством созданных или поддерживаемых ими печатных органов, таких, как «Мусульманская газета», «Комрад», «Заминдар», журнал «Аль-Хилаль» (Полумесяц).

Используя вовлеченность индийских мусульман в дела Османского государства, британские власти привлекли исламских деятелей Индии для того, чтобы предотвратить вступление османов в войну на стороне Германии. Так, лидер мусульман-исмаилитов и основатель Мусульманской лиги Ага-хан III (1877–1957) был приглашен в качестве посредника на переговоры с турецким послом в Лондоне Тевфик-пашой [33. Р. 132–133]. Президент мусульманской организации «Слуги Каабы» Абдул Бари 31 августа 1914 г. направил султану Мехмеду V Решаду телеграмму, в которой указывалось: «Учитывая веру и преданность индийских мусульман халифату, мы почтительнейше просим Ваше Величество или поддержать Британию, или сохранять нейтралитет в этой войне» (цит. по: [34. С. 51]). Когда же Османская империя все же вступила в войну на стороне Германии, панисламские организации в Британской Индии выступили с критикой младотурецкого правительства и позиционировали свою лояльность британской короне.

Вскоре радикальные панисламисты из Деобандского дар ул-улама, руководимые его главой Махмудом аль-Хасаном (1851–1920) и его ближайшим

¹⁶ Алигарское движение возникло на основе колледжа в Алигархе (1875 г.), в котором была воплощена идея современного мусульманского образования.

¹⁷ Деобандское движение развивалось на базе Деобандского *дар аль-улама* (араб. букв. дом знаний) — крупнейшего в Индостане мусульманского религиозного и академического центра, основанного улама-ханифитами в 1867 г., и отстаивало во главе со своим лидером Махмудом аль-Хасаном традиционалистский комплекс ценностей.

¹⁸ Всеиндийская мусульманская лига — политическая партия, основанная в 1906 г. для защиты интересов мусульман Южной Азии, впоследствии призывавшая к выделению из состава Британской Индии мусульманского государства.

¹⁹ Абул Калам Азад (1888–1958) — индийский политический деятель, журналист, писатель и ученый, лидер движения за независимость Индии, сторонник индусско-мусульманского единства.

²⁰ Мухаммад Али Джаухар (1878–1931) — индийский мусульманский активист, журналист и поэт, один из лидеров халифатистского движения.

²¹ Шаукат Али (1873–1938) — индийский мусульманский политик, активист халифатистского движения, старший брат Мухаммада Али Джаухара.

сподвижником и учеником Убайдуллою Синдхи (1872–1944), занялись подготовкой вооруженного антианглийского восстания среди пуштунских племен. Они получили в этом поддержку со стороны Германии и Афганистана. В августе 1915 г. Убайдулла Синдхи направился в Кабул по поручению Махмуда аль-Хасана с целью убедить афганского эмира Хабибуллу поддерживать османов в войне. Халифатисты Мухаммад и Шаукат Али оказывали финансовую поддержку руководителям заговора. Из воспоминаний деятеля Мусульманской лиги Чоудхури Халикуззамана известно, что после вступления Стамбула в войну братья Али отправились в зону расселения пуштунских племен на северо-запад Индостана и выступали там с призывами к вооруженной борьбе против англичан [35. Р. 30–32].

Панисламизм нашел сторонников не только в среде мусульманских деятелей провинций Британской Индии, но и среди правителей мусульманских княжеств на территории Южной Азии. Мусульманские князья, которые (как и абсолютное большинство их подданных) были суннитами, после исчезновения Могольской империи считали османского султана-халифа высшей религиозной инстанцией. Мусульманские правители княжеств Индостана (навабы, султаны, ханы, вали, мехтары, джамы) ежегодно делали богатые пожертвования для поддержания святынь Мекки и Медины, регулярно совершали хадж. Особой поддержкой идеи панисламизма пользовались в крупнейшем индийском княжестве Хайдарабад, а вслед за ним и в Рампуре, Бхопале, Наванагаре, Калате и в ряде других княжеств, ориентированных на политику правителя (*низам*) Хайдарабада. Низам Осман Али-хан (1886–1967, правил в 1911–1948 гг.) был приверженцем защиты прав халифа и османской государственности. Он стремился во всем подражать османским порядкам и следовал культурным стереотипам абдулхамидовской эпохи.

Низам Хайдарабада де-факто считался главой общины суннитов в Индии, и именно к нему обратился в 1914 г. вице-король лорд Ч. Хардинг (1858–1944, вице-король в 1910–1916 гг.) с просьбой призвать своих единомышленников проигнорировать призыв османского халифа к джихаду и выступить на стороне Великобритании. Низам, как и другие князья-мусульмане, оказался в трудном положении. «Первая мировая война была периодом испытаний для мусульман, так как Турция была на другой стороне. Они чувствовали себя беспомощными и не могли ничего поделать», — отмечал Джавахарлал Неру [36. С. 104]. Интересный комментарий по этому поводу дает американский историк С. Уолперт в биографическом очерке о М.А. Джинне²²: «В ноябре 1914 г., когда султан Османской империи решил связать судьбу и могущество своей страны с державами, противостоящими

²² Мухаммад Али Джинна (1876–1948) — мусульманский политик Британской Индии. Почитается в Пакистане как отец-основатель пакистанской государственности и великий вождь (*каид-и а'зам*).

Великобритании, лояльность мусульман Индии подверглась серьезному испытанию. Султан, считавшийся главой исламского мира и „наместником Аллаха“, почитался далеко за пределами Османской империи. Британская разведка опасалась, что низам Хайдарабада, ведущий князь Индии, вскоре попытается закупить турецкие винтовки для возможного использования в ходе „панисламского восстания“ в Южной Азии. Однако подобные слухи оказались беспочвенными» [37. С. 37].

Низам, заинтересованный в сохранении близких и доверительных отношений с британским королевским домом, с одной стороны, и недовольный изменениями во внутренней политике Османской державы с приходом младотурок — с другой, занял проанглийскую позицию, чем снискал особое расположение короля Георга V [38. С. 35]. Он издал манифест, ориентировавший мусульман Индии на полную поддержку британской короны в войне, и обеспечил успех вербовочной кампании среди мусульманской части населения. В манифесте, в частности, говорилось: «В связи с начавшейся войной в Европе да будет всем известно, что мусульмане Индии готовы всецело поддержать усилия британской короны, которая неизменно обеспечивала им стабильность и процветание. Британское правительство всегда было и будет самым надежным другом ислама, защищающим интересы своих подданных-мусульман» [39. С. 6].

В конечном итоге мусульмане Южной Азии, хранившие память о временах своего бывшего величия, когда они держали под контролем просторы субконтинента и диктовали свою волю численно превосходящим их индусам, а также другим конфессиональным группам региона, трансформировали этот опыт предков в концепции возрождения могущества мусульманских династий и расширения их участия в управлении мусульманским миром.

Заключение

Бурные перипетии и многослойные интриги эпохи Первой мировой войны способствовали концептуализации двух противостоящих версий идеи халифата. Даже тогда, когда Османская держава встречала свои последние дни, стамбульский двор и младотурецкие лидеры непрерывно держали в поле зрения непрекращавшиеся нападки на «османский халифат». Османские элиты в 1914–1918 гг. расценивали поборников «арабского халифата» как марионеток европейских спецслужб, неблагонадежных подданных, если не заговорщиков. В Стамбуле полагали, что арабский национализм не только расшатывает основы империи или нацелен на ее расчленение и уничтожение, но и намеренно препятствует интеграционным процессам в дар аль-исламе в целом. На деле, как это случилось в Магрибе, происходило и обратное — так, неприятие младотунисцами излишеств французского

господства привело их в ряды османской разведки, с которой они быстро нашли общий язык.

Как бы отвечая на духовно-политические вызовы военных лет, Южная Азия породила исламских мыслителей, получивших отклик за пределами своего субконтинента. Их идейное наследие уже после войны обрело трансграничное звучание и оказалось востребованным как при их жизни, так и до настоящего времени. Тем не менее, следует отметить растущее расподобление панисламистов-халифатистов, приверженцев идеи всемирного халифата, и сторонников «мусульманского национализма», выступавших за создание отдельной государственности для мусульман Южной Азии.

Проосмански настроенные интеллектуалы — защитники «османского халифата» приложили много сил и энергии для того, чтобы опротестовать аргументы своих оппонентов и с помощью извлечений из священных исламских текстов доказать их слабость или несостоятельность. Их призывы к опоре на халифат Османов как на единственный институт, способный сплотить разноликие мусульманские народы в единую *умму*, канули в лету, как только сам османский халифат ушел в небытие. Но даже в «темный исторический час», когда европейцы вступали в Стамбул, колониализм находился в зените, а безвольные султаны-халифы готовились уступить свое место вождям республиканского секуляризма, идея халифата оставалась болевой точкой мусульманской идентичности. Универсализм представлений о халифате и многозначность священных текстов дали возможность новым исламским идеологам выразить свои чаяния в их ближневосточном, североафриканском и южноазиатском вариантах.

Библиографический список

1. *Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2005. 286 с.
2. *Landau J.M.* The Politics of Pan-Islam: Ideology and Organization. London: Clarendon Press, 1990. 438 p.
3. *Deringil S.* The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909. London; New York: I.B. Tauris, 1998. 260 p.
4. *Landau J.* The Hejaz Railway and the Muslim Pilgrimage: A Case of Ottoman Political Propaganda. Detroit: Wayne State University Press, 1971. 294 p.
5. *Özyüksel M.* The Hejaz Railway and the Ottoman Empire: Modernity, Industrialisation and Ottoman Decline. London; New York: I.B. Tauris, 2014. 300 p.
6. *Ardıç N.* Islam and the Politics of Secularism: The Caliphate and Middle Eastern Modernization in the Early 20th Century. London; New York: Routledge, 2012. 390 p.
7. *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* В поисках потерянного времени: Конгресс исламского мира 1926 года в Мекке // Электронный научно-образовательный журнал История. 2023. Т. 14. № 10. С. 1–20.
8. *Hourani A.* Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press, 1983. 406 p.

9. *Рида Мухаммад Рашид*. Аль-Хиляфа ау аль-Имама аль-'узма (Халифат, или Верховный имамат). Каир: Аль-Матба'а аль-джадида, 1975. 246 с.
10. *Kerr M.H.* Islamic Reform: The Political and Legal Theories of Muhammad 'Abduh and Rashid Rida. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1966. 249 p.
11. *Enayat H.* Modern Islamic Political Thought. The Response of the Shi'i and Sunni Muslims to the Twentieth Century. London: Macmillan Press, 1982. 225 p.
12. *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Халифатизм в эпоху крушения Османской империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 327–337.
13. *Kayali H.* Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1997. 291 p.
14. *El-Moudden A.* The Idea of the Caliphate between Moroccans and Ottomans: Political and Symbolic Stakes in the 16th and 17th Century-Maghrib // *Studia Islamica*. 1995. Vol. 8. № 2. P. 103–112.
15. *Ardıç N.* The «Maghreb Caliphate» between Colonialism and Panislamism // Proceedings of the International Congress on «The Maghreb and the Western Mediterranean in the Ottoman Era». Rabat, 12–14 November 2009. İstanbul: IRCICA, 2013. P. 21–33.
16. *Karpat K.* The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. New York: Oxford University Press, 2001. 533 p.
17. *Abun-Nasr J.* A History of the Maghrib in the Islamic Period, Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 455 p.
18. *Kramer M.* Islam Assembled. The Advent of the Muslim Congresses. New York: Columbia University Press, 1986. 250 p.
19. *Burke E.* Moroccan Resistance, Pan-Islam and German War Strategy, 1914–1918 // *Francia*. Munich, 1975. Vol. 3. P. 434–464.
20. *Lacoste Y., Nouschi A., Prenant A.* L'Algérie: passé et présent. Le cadre et les étapes de la constitution de l'Algérie actuelle. Paris: Éditions sociales, 1960. 462 p.
21. *Mahjoubi A.* Les origines de mouvement national en Tunisie. 1904–1934. Tunis: Publications de l'Université de Tunis, 1982. 698 p.
22. *Видясова М.Ф.* Тунис. Маршрут в XXI век. М.: Садра, 2018. 696 с.
23. *Жерлицына Н.А.* Страны Магриба в Первой мировой войне: между лояльностью метрополии и панисламистскими симпатиями // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 39–45.
24. *Tlili B.* La Grande Guerre et les questions tunisiennes: le groupement de la *Revue du Maghreb* (1916–1918) // *Cahiers de Tunisie*. 1978. № 26 (101–102). P. 91–108.
25. *Abd al-Mawla M.* Jihad et colonialisme. La Tunisie et la Trpolitanie (1914–1918): de la guerre sainte à la guerre juste. Tunis: Éditions Tiers-Monde, 1987. 180 p.
26. *Heine P.* Salih ash-Sharif at-Tunisi, a North African Nationalist in Berlin during the First World War // *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée*. 1982. Vol. 33. P. 89–95.
27. *Ahmad A.* Studies in Islamic Culture in the Indian Environment. Oxford: Clarendon Press, 1964. 311 p.
28. *Hardy P.* The Muslims of British India. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 315 p.
29. *Shukla R.L.* Britain, India and the Turkish Empire. 1853–1882. New Delhi: People's Publishing House, 1973. 262 p.
30. *Communal and Pan-Islamic Trends in Colonial India*. Ed. by M. Hasan. New Delhi: Manohar, 1985. 444 p.
31. *Islam and Indian Nationalism: Reflections on Abul Kalam Azad*. Ed. by M. Hasan. New Delhi: Manohar, 1992. 189 p.
32. *Minault G.* The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India. Delhi: Columbia University Press, 1982. 294 p.
33. *Aga Khan.* The Memoirs of the Aga Khan: World Enough and Time. New York: Simon and Schuster. 1954. 367 p.

34. Пономарев Ю.А. История Мусульманской лиги Пакистана. М.: Наука, 1982. 302 с.
35. *Khaliquzzaman Ch.* Pathway to Pakistan. Lahore: Longmans, Pakistan Branch, 1961. 432 p.
36. Неру Дж. Открытие Индии / пер. с англ. В 2 кн. Кн. 2. М.: Политиздат, 1989. 507 с.
37. *Wolpert S.* Jinnah of Pakistan. Karachi: Penguin Books, 2005. 480 p.
38. *Copland I.* The Princes of India in the Endgame of Empire. 1917–1947. Cambridge: Cambridge University press, 2002. 391 p.
39. Ruling Princes and Chiefs of India. A Brief Historical Record of the Leading Princes and Chiefs of India together with a Description of Their Territories and Methods of Administration. By Sir W. Lawrence. Reprint Edition. Lahore: Sang-e-Meel Publications, 2005. 416 p.

Информация об авторах:

Кириллина Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1), e-mail: kirillina@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0001-5769-3715 ELibrary SPIN-код: 2492–5979

Сафронова Александра Львовна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1), e-mail: alsafronova@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0003-1554-3449 ELibrary SPIN-код: 6189–7121

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1), e-mail: orlov@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0002-2649-5422 ELibrary SPIN-код: 6318–4102

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-142-151

EDN: FVUJFD

Научная статья / Research article

Колониальная политика Бельгии в XIX–XX вв.

Г.М. Сидорова

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация
Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация
Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация
✉ gal_sid@mail.ru

Аннотация. Колониальная политика бывших европейских метрополий в Африке служит предметом споров и в XXI столетии. Мнения различных авторов противоречивы. Одни утверждают, что колонизаторы принесли цивилизацию африканским народам, другие считают, что в результате насаждения инородной для аборигенов культуры, их развитие задержано во времени. Цель исследования — доказать, что колониализм нанес колоссальный ущерб народам Конго, а бывшая метрополия, сначала в лице одного короля Леопольда II, а затем Королевства Бельгии, использовала рабский труд местного населения и их ресурсы лишь для единственной цели — обогащения. Анализ источников и литературы о колониальном периоде Конго, включая свидетельства как европейских, так и африканских очевидцев событий, переписки чиновников с бельгийским королем, а также труды авторитетных отечественных авторов, подвел к выводу о том, что хотя эпоха колониализма и канула в Лету, ее прошлое продолжает накладывать отпечаток на современное развитие ДР Конго — одной из беднейших стран Африки. В этом и заключается парадокс одной из самых богатых природными ресурсами стран континента и ее низким уровнем жизни ее народов. В исследовании впервые используются уникальные материалы, собранные конголезским ученым Мутамбой Макомбо, а также труды конголезского историка Исидора Ндавелы.

Ключевые слова: колониализм, Конго, Королевство Бельгия, Леопольд II, каучук

История статьи: Поступила в редакцию: 22.01.2024. Принята к публикации: 19.02.2024.

Для цитирования: Сидорова Г.М. Колониальная политика Бельгии в XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 142–151. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-142-151>

© Сидорова Г.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Colonial Policy of Belgium in the 19th–20th Centuries

Galina M. Sidorova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Relations, Moscow,
Russian Federation

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ gal_sid@mail.ru

Abstract. The essence of the colonial policy of former European metropolises in Africa are still being debated in the twenty-first century. The opinions of various authors contradict each other. Some argue that the colonizers brought civilization to the African peoples, others believe that as a result of the introduction of a culture alien to the aborigines, their development was delayed in time. The purpose of the study is to prove that colonialism caused colossal damage to the peoples of the Congo, and the former metropolis, first in the person of only King Leopold II, and then the Kingdom of Belgium, used the slave labor of the local population and their resources only for the sole purpose of enrichment. Analyzing the sources and literature on the colonial period of the Congo, including the testimonies of both European and African eyewitnesses of the events, the correspondence of officials with the Belgian king, as well as the works of authoritative domestic authors, it is concluded that although the era of colonialism has sunk into oblivion, its past continues to leave an imprint on the modern development of the DR Congo, one of the poorest countries in Africa. This is the paradox of one of the continent's most resource-rich countries with a however low standard of living. For the first time, the study references unique materials collected by the Congolese scholar Mutamba Makombo, as well as the works of the Congolese historian Isidore Ndaywel.

Keywords: colonialism, Congo, Kingdom of Belgium, Leopold II, rubber

Article history: Received: 22.01.2024. Accepted: 19.02.2024.

For citation: Sidorova GM. The colonial policy of Belgium in the 19th-20th centuries. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):142–151. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-142-151>

Введение

Среди отечественных и зарубежных исследователей время от времени возникают дискуссии о «благе или вреде» наследия, оставленного колонизаторами. Для нас важен взгляд «изнутри», мнение самих африканцев об их историческом прошлом. Конголезский ученый, профессор Киншасского университета (ДР Конго) Жан-Мари Мутамба Макомбо Китачима — один из тех, кто собрал и обобщил уникальные материалы по истории своей страны. Другой достойный упоминания также конголезский историк Исидор Ндайвел э Нзием, автор многочисленных работ по Конго, среди которых выделяется многостраничная «История Конго». Для изучения истории

Конго представляют интерес работы отечественных ученых-африканистов, включая В.А. Субботина, написавшего немало интересного о Конго и его народах, а также А.С. Орловой, Ю.Н. Винокурова и А.З. Зусмановича, наиболее полно изложивших историю создания Независимого государства Конго. Так, в книге А.З. Зусмановича «Империалистический раздел Конго» обстоятельно показана дипломатическая борьба европейских держав в бассейне р. Конго. Дополняют картину колониального прошлого этой центральноафриканской страны известные журналисты того времени. Например, автор «Собаки Баскервилей» англичанин А. Конан Дойл, как и его современник американец Адам Хохшильд, были глубоко возмущены политикой Бельгии в отношении африканских народов и пытались доказать варварское отношение цивилизованной страны к аборигенам. Нельзя сказать, что А.Конан Дойл относился к колониальным народам как равным с европейскими. Он считал их низшей расой, однако был поражен правлением бельгийского короля Леопольда II и отношением местных управленцев к сборщикам каучука. Английский публицист Э.Д. Морель издал в 1906 г. книгу о Конго «Красный каучук», где красный цвет ассоциируется с цветом крови. Не остались в стороне американский писатель Марк Твен и французский журналист Пьер Миль. Они оживили историю и представили на суд читателей многочисленные доказательства рабства и насилия в Африке в период правления в Бельгии короля Леопольда II.

Сопоставляя факты из различных источников о бесчинствах бельгийских властей на африканском континенте, автору удалось выяснить первопричину жестокого обращения с местным населением и истинные цели колонизаторов, якобы выполнявших цивилизаторскую миссию в Африке.

Завоевание Центральной Африки

Освоение Центральной Африки европейцами, а именно современной территории Демократической Республики Конго (ДР Конго), было связано прежде всего с поиском новых источников сырья, которые требовались для развивающейся промышленности Европы. Обогащение за счет богатых природных ресурсов африканского континента было выгодным, а продажа тропических продуктов, включая каучук, хлопок, пальмовое масло, слоновую кость и многое другое, на европейских рынки сулила немалые выгоды. Из записок майора из Кайены следует, что «вся колониальная администрация первый делом должна была охранять примитивные народы, подчиненные власти и силе белого человека, единственной целью которого было производство и обогащение. В связи с этим были неизбежны злоупотребления, сначала в Англии, потом в Бельгии» [1. С. 54]. Бельгийская система управления, по мнению бельгийского журналиста Пьера Дейя, представляла собой сочетание «доброй тирании» [2. Р. 175–177]. Она заключалась в принуждении

аборигенов к торговле, стоившей многим из них потери здоровья, а иногда и жизни. В то время как выгода европейцев была очевидной — колониальные товары заполняли европейские склады без особого труда и затрат. По словам Конан Дойла, «Конго стало местом бойни, одной из самой кровавой нашей эпохи» [3. С. 16]. Историк Ндайвел э Нзием утверждает, «конголезцы слишком поздно осознали, что их земли захватывают пришельцы с европейского континента» [4. С. 267].

В конце XIX — начале XX вв. бельгийские пионеры-открыватели активно приступили к исследованию Центральной Африки. Среди них были военные, инженеры, врачи, географы, священники, которые направляли свои отчеты в Бельгию для анализа ситуации и возможных оперативных захватов так называемых свободных земель [5]. Как правило, инициатором экспедиций в Конго был сам король Бельгии Леопольд, который единолично, в результате различных махинаций, завладел Конго, и которое впоследствии назвал независимым государством. Одни из самых известных — экспедиции Г. Стенли, которые первопроходец подробно описал в своей книге «В джунглях Африки» [6], а также походы в район Катанги его соратника капитана Стера [7. С. 69]. Король управлял Конго с помощью приближенных советников, в то время как сам никогда не был на африканской земле. По выражению А. Хохшильда, «он никогда не слышал ни криков людей, не видел их разоренных домов или растерзанной плоти» [8. С. 19].

После Берлинской конференции 1884–1885 гг. на территории Конго с каждым годом становилось все меньше белых пятен — свободных от завоеваний европейцами. Создавая Независимое государство Конго (НГК), в теории было независимым от Бельгии, однако управление обоими предполагалось одним и тем же человеком — бельгийским королем. Однако возникла проблема. По бельгийской конституции (ст. 62) король не мог быть одновременно главой двух государств без получения одобрения обеих палат парламента. В результате такое согласие, правда без особого энтузиазма, было получено 28 апреля 1885 г.. Отныне король Бельгии мог быть сувереном Конго, но отношения между Бельгией и новым государством в Африке строились исключительно на личных интересах бельгийского короля [9. С. 13]. У бельгийского монарха был план «эффективной оккупации» всей территории Конго и более того, он намеревался захватить часть английских владений в сторону Нила — в Судане, с целью «прирезать» земли к своим северным владениям. Однако его остановило упорство англичан, которые не намеревались уступать кому бы то ни было «права» на свои территории. В 1888 г. в письме к своему агенту Штрауху король указывал на необходимость организовать экспедиции в пограничные с португальскими владениями местности. В ответ Штраух сообщил королю о принятых мерах по основанию на территории Верхнего Конго военного лагеря численностью в 500–600 чел. [10. С. 223].

Леопольд рассчитывал последовательно оккупировать области Арувими, Ломами, Кванго и Убанги.

В те времена на этих территориях проживали многочисленные племена с самобытным образом жизни, тысячелетними устоями общины, и которые не хотели мириться с законами белых пришельцев. Леопольд поставил задачу военного разгрома сопротивлявшихся вождей племен в восточных районах и распространение власти бельгийцев на эту часть бассейна Конго. Миссия была успешно выполнена, а ее командиры были щедро вознаграждены. Так, в 1889 г. монарх пожаловал одному из организаторов экспедиции лейтенанту Верелену Данису титул барона и одалжил его сподвижников. Барон Данис, инспектор района Уэле, по прозвищу «Fimbo mingi» (перевод с языка лингала, тот, кто чинит суровые наказания), получивший указания от Леопольда отвоевать территорию Ладо у англичан, действовал решительно и жестоко. Вот показания одного из местных заключенных. «Нас заставляли выполнять тяжелую работу под различными предложениями. За малейшее опоздание или малую провинность на нас или на наших жен взваливали непосильную ношу. Мы были на грани срыва, кормили только подножным кормом из леса. В дополнение к этому инспекторы опустошали дома до последней курицы, похищали жен и детей» [11. С. 46].

Бельгийский депутат Эмиль Вандервельде изложил свою точку зрения на леопольдовскую систему, которая просуществовала с 1891 по 1906 г. [12]. Он считал, что свободных земель в Конго никогда не было, поскольку каждая деревня, каждое племя хорошо знали границы охоты, рыбной ловли или собирательства. Именно поэтому «свободные земли» — это была лишь теория. В то время как король провозгласил Конго своей собственностью, из этого следовало, что местные жители лишались законного права на эксплуатацию своих исконных земель. Например, собранный аборигенами каучук им не принадлежал, а если они и пытались его продавать, то «преследовались за воровство» [12]. Международная комиссия по расследованиям, которая находилась в Конго, с 5 октября 1904 г. по 21 февраля 1905 г., с осуждением отнеслась к злодеяниям, совершенным властями Бельгии в тот период. «Зверства и пытки, которым подручные Леопольда II подвергали многострадальное население Конго, далеко превосходили все испытываемые ими когда-либо муки» [10. С. 201]. О жестоких рейдах против туземцев также писал в своем письме к Леопольду в 1890 г. некий Р.С. Филиппс, манчестерский торговец: «У меня не хватает точных слов, чтобы обрисовать Вашему Величеству жестокие действия Ваших солдат во время рейдов. Первыми в сражение вступают солдаты из кровожадных каннибалов бангала, которые не дают пощады ни старикам, ни грудным младенцам. Имеются факты, когда они доставляли головы жертв на экспедиционные суда белым офицерам, а также поедали тела убитых детей» [13. С. 308]. Большинство

солдат НГК из «Форс публик» — бельгийской колониальной армии по происхождению были рабами или неоплатными должниками, для которых вербовка представляла единственное средство избежать неволи [14. С. 23]. По свидетельствам местных жителей, многие были убиты «охотниками на людей» [15. С. 27].

Принятие палатой общин Бельгии резолюции о НГК в 1903 г. привело к публичным выступлениям известных общественных деятелей против политики Бельгии. Великобритания, проведя расследования в Конго, призвала участников Берлинской конференции к созыву новой конференции в связи с сообщениями о бесчеловечном обращении с конголезцами. Была разослана циркулярная депеша, в том числе и в Россию. Русский министр иностранных дел В.Н. Ламздорф представил 5 декабря 1903 г. царю Николаю II доклад, в котором отмечалось, что у России нет никакого повода вмешиваться в сущность спора» [16. С. 112]. Царь наложил резолюцию: «Вполне согласен» [16. С. 112]. В отчете царю также говорилось, что Россия, хотя и принимала участие в Берлинской конференции, у нее нет в бассейне Конго ни политических, ни торговых интересов, а потому она не назначила туда своих консульских представителей. Таким образом, не имея возможности проверить справедливость обвинений Бельгии в Конго, для императорского правительства «не было никакого повода вмешиваться в сущность спора» [16. С. 112]. В результате Россия заняла выжидательную позицию, оставив депешу лондонского кабинета без ответа.

Сбор каучука и репрессии

Европейцы использовали рабский труд африканцев везде, где это было возможным, в том числе и на каучуковых плантациях. Эксплуатация каучуконосов более всего обогащала казну НГК. Каучук стал преобладать в экспорте НГК после 1880 гг., когда первый этап формирования государства считался условно завершенным. Марк Твен в своем обличительном памфлете, направленном против Леопольда, обвиняя короля в убийстве 15 млн конголезцев, писал в 1905 г., называя монарха «жадным, скупым, циничным и кровожадным» [16. С. 96]. Журналист Э. Морель, будучи чиновником английской паровой компании, часто посещал бельгийский порт Антверпен и задавался вопросом, почему уходящие из Конго корабли принимают на борт крупные партии оружия, а возвращаются нагруженные каучуком [16. С. 96]. Ответ был известным — оружие было необходимо для карательных экспедиций для поимки беглых рабов.

Для работы на каучуковых плантациях использовали принудительный труд жителей местных деревень, причем оплату за их работу предоставляли не мобилизованным людям, а их вождям. В случаях неповиновения африканцев колониальные власти устраивали набеги на их селения и силой уводили

трудоспособное население на плантации. При этом нормы «повинностей» устанавливали произвольно. Чем выше норма, тем больше было вознаграждение у колониальных администраторов. Из свидетельств местных жителей следует, что за непокорность или невыполненную норму на плантациях каучука их убивали, отрубали кисти рук и обрезали уши [10. С. 124]. В 1920 г. властями НГК был принят указ об установлении режимов оккупации в районах, население которых оказывало длительное и упорное сопротивление. Суть оккупации состояло в том, что местные власти, комиссары дистриктов, имели право действовать самостоятельно, без извещения и запроса верховной власти. Позднее, в 1930-е гг., была введена другая форма репрессий — так называемые военные прогулки, которые совершали хорошо оснащенные армейские отряды [17. С. 164].

Строительство железной дороги

Один из пионеров-открывателей Конго Г. Стенли был убежден, что «без железной дороги Конго не стоит ни одного пенни» [1. С. 47]. После длительного изучения вопроса в администрации короля было принято решение о строительстве железной дороги с востока на запад протяженностью 388 км, которая должна была соединить Леопольдвиль (совр. Киншаса) и порт Матади. Особо была изнурительной прокладка железной дороги первые 16 км близ Матали в горах. Приходилось копать траншеи при температуре 50 градусов, что подтачивало здоровье рабочих и делало их более восприимчивыми к тропическим болезням. Об изнурительном труде местных рабочих свидетельствуют записки очевидца Р.Ж. Корнета. В одной из которых он пишет: «Долина М'Позо представляет собой огромное кладбище: там погребены сотни от непосильного труда измученных людей. Зловещее место внушает один лишь ужас: болезни, безысходность и в результате — гибель» [18]. Р.Ж. Корнет с точностью хорошего наблюдателя описывает панику людей, пытавшихся любыми путями уйти из «проклятой долины». По его словам, люди бежали ночью, «пробираясь через овраги, карабкаясь по отвесным скалам, задыхались, и падали обессиленными, оставаясь умирать как животные, в непроходимой чаще леса» [18]. Непоправимой была и судьба людей, срывавшихся в реку, кишасшую крокодилами. А те, кто не успевал убежать, вновь вставали утром по тревоге, и вновь продолжалась изнурительная работа, которая из-за природных условий продвигалась слишком медленно. «Раздраженные черные люди, кричали и выли, бросая под ноги их надзирателям тела тех, кто скончался ночью. Одни выкрикивали проклятья даже угрозы, другие, на коленях, скрестив руки, молили о пощаде, чтобы их отправили в родные края, предлагая взамен, все что имели, включая заработок» [18]. Трагедии и несчастья аборигенов отражались в их устном творчестве. Например, в песне-жалобе короля Бомбило есть такие слова: «Пришли

белые! Они сожгли наши хижины. Они отняли наше оружие. Они захватили в плен наших жен, дочерей» [12. С. 312].

Пробивать дорогу через вековые деревья и заросли было нелегким делом. Одну такую вымостил гвардии полковник Тавастьерна. Он вспоминал, с каким трудом прокладывалась дорога среди чащи леса: «Напорешься на эбонитное дерево, вот и пили! Полдня пройдет, пока ствол в десять дюймов перепилишь. Будете смеяться, но главный инженер решил обогнуть иным путем роци из ста пятидесяти стволов» [19. С. 3]. Он же отмечает, что тяжелый тропический климат особенно пагубно действовал на женщин. Однако обыватели Европы нисколько не представляли себе Африку или изучали ее по кинофильмам. Далеким континент представлялся им иначе, чем была суровая действительность. Справедливыми кажутся слова другого очевидца событий, который с горечью констатировал: «Когда вы смотрите «тропическую» фильму и видите белокурую восемнадцатилетнюю красавицу в пробковом шлем в белых, великолепных рейтузах, не верьте, это не Африка, а Голливуд» [19. С. 3].

Эхо колониализма в современном Конго

Как современные конголезцы относятся к своему колониальному прошлому? По-разному. Если историки и писатели акцентируют свое внимание на исторических фактах, то рядовые жители нередко винят в своем низком уровне жизни белого человека в целом. Автору статьи пришлось наблюдать в ходе работы в ДР Конго один любопытный эпизод. Утром 7 февраля 2005 г. в столице Киншасе на одном из постаментов возникла (из запасников архива) бронзовая конная статуя бельгийского короля Альберта I. Однако появившись внезапно, монумент весом в 3 тонны также загадочным образом исчез, не простояв и одних суток. Оказалось, его убрали по решению конголезских властей, которые вдруг вспомнили о колониальных временах о жестокости колонизаторов и сочли неуместным водружение памятника на бульваре Независимости. Столичная пресса, в свою очередь, напомнила конголезцам, сколько людей погибло на каучуковых плантациях под плетками надсмотрщиков, и приводила цитаты из книги А. Хохшильда «Привидения короля Леопольда: история алчности, террора и героизма в колониальной Африке». Рядовые же киншасцы отнеслись к инциденту проще, сочтя загадочное исчезновение статуи колдовством [20. С. 251].

Заключение

Проанализированные отечественные и зарубежные источники, различные точки зрения на проблему колониализма свидетельствуют о том, что колонизация разрушала африканские большесемейные общины, различные

коллективы, связанные узами взаимопомощи и едиными культурами. Более того, насильственное внедрение европейских порядков и образа жизни подавило на какое-то время их культурные обычаи. Она исказила их представления о добре, зле и равенстве людей. Но традиции оказались стойкими. Они не ушли в прошлое, а лишь застыли во времени. Сразу после обретения независимости в 1960 г. конголезцы не только начали строить свою демократию, но и начали возродить свои культурные ценности в различных сферах. По замечанию И. Ндавела, конголезцы стали возвращаться «к своим корням». Например, обращения «мадам», «месье» были заменены на «маму» и «папу». Стали возрождаться местные кулинарные особенности. Перестали быть экзотическими дичь, мясо буйвола, слона, бегемота, крокодила, черепахи змеи, гусениц, а также отдельных видов насекомых, включая кузнечиков, крылатых муравьев и термитов. Их использование объяснялось данью предкам [2. С. 707]. Хотя Конго значительно продвинулось по пути демократии — проходят легитимные выборы президента и вертикали власти, конголезцы продолжают жить по законам предков, преклоняются перед силами природы и сохраняют власть традиционных вождей. И чтобы ни говорили о цивилизаторской миссии европейцев, очевидным становится тот факт, что их появление на африканской земле носило целенаправленный эксплуататорский характер. У африканцев свой стиль жизни, свои богатые традиции и культура. Ряд государственных мер по сохранению культурного наследия Конго, проведенного Мобуту Сесе Секо (правил 32 года) и его последователями, способствовали сохранению конголезской идентичности и стали важным фактором в формировании конголезской нации.

Библиографический список

1. *Mutamba Makovbo J.M.K.* L'histoire du Congo par les textes : dès origines à 1884 // Kinshasa: Editions Universitaires africaines, 2008. Т. I. 215 p.
2. *Daye P.* Problèmes Congolais // Les Ecrits. Bruxelles-Paris. 1943. P. 175–177.
3. *Doyle A.C.* Le Crime du Congo belge // Paris: Ed. Les nuits rouges. 2005. 310 p.
4. *Ndaywel è Nziem I.* Histoire générale du Congo // Bruxelles: Duclot. 1998. 955 p.
5. *Martrin-Donos Ch.* Les belges dans l'Afrique centrale. Le Congo et ses affluents // Bruxelles.: Editeur-Libraire. 1887. Т. 2. V. 1 (1886–1887). 526 p.
6. *Стенли Г.* В джунглях Африки // М.: Государственное издательство географической литературы, 1958. 445 с.
7. *Wauters A.-J.* L'état indépendant du Congo: historique, géographie physique // Bruxelles: Librairie Falk File. 1899. 485 p.
8. *Hochschild A.* Les Fantômes du roi Léopold. La terreur coloniale dans l'Etat du Congo 1884–1908 // P.: Ed.Tallandier. 2007. 618 p.
9. *Gerard-Libois J.* Du domaine de Leopold II à l'entreprise coloniale // Congo Zaire. La colonisation — l'indépendance: le régime Mobutu — et demain? Bruxelles: GRIP information, 1989. 166 p.
10. *Зусманович А.З.* Империалистический раздел бассейна Конго. 1876–1892 гг // М.: Издательство Восточной литературы, 1962. 355 с.
11. *Meyers (Dr.)* Le prix d'un empire. Bruxelles: Ed. Dessart, 1945. P. 128–141.

12. *Vandervelde E.* Les derniers jours de l'Etat du Congo. Mons/Paris: Ed. de l'Imprimerie Général/Ed. De la Société Nouvelle, 1909. P. 15–17.
13. История Африки в документах 1870–2000 в трех томах под общей ред. А. Давидсона. М.: Наука, 2005. Т. 2. 717 с.
14. *Субботин В.А.* От колониальных войн к первой мировой. Из истории заморских войск и их командования. М.: ИАФр, 2020. 150 с.
15. *Gochet A.M.* Le Congo belge illustré ou L'Etat independent du Congo (Afrique centrale // Liège: Dessain, Imprimeur-Editeur, 1888. Т. 2. V. 1 (1886–1887). 357 p.
16. *Субботин В.А.* Бельгийская экспансия и колониальный гнет в период завершения территориального раздела Африки // История Заира в новое и новейшее время. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 71–117.
17. *Винокуров Ю.В.* Национально-освободительное движение в Бельгийском Конго в новейшее время // История Заира в новое и новейшее время. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 163–199.
18. *Cornet R.J.* La bataille du Rail. La construction du chemin de fer de Matadi au Stanley Pool // Bruxelles: Ed. Cuypers, 1958. P. 207–210.
19. *Абданк-Коссовский Вл.* Русская эмиграция // Возрождение. 1956. Ч. II, № 52. P. 3.
20. *Сидорова Г.М.* Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республике Конго. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2013. 399 с.

Информация об авторе:

Сидорова Галина Михайловна — профессор, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН (123001, Российская Федерация, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1), профессор, Дипломатическая академия МИД России (119021, Российская Федерация, Москва, Остоженка, д. 53/2, стр. 1), профессор, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1), e-mail: gal_sid@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4676-3954 AuthorID: 590030 SPIN-код: 2828–0380

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА ORIENTAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-152-164

EDN: EWDVEM

Научная статья / Research article

Хун Сюцюань и религиозная идеология в Тайпинском восстании 1850–1864 гг.

Б.У. Китинов¹ , Е.А. Кодунова²

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 kitinov@mail.ru

Аннотация. Восстание тайпинов (Тайпинское восстание) в Китае в середине девятнадцатого века было не только крупнейшим общественно-революционным движением своего времени, но движением, в немалой степени вдохновленным христианством. Подчеркивается важное место Библии в жизни Хун Сюцюаня, ее радикальное переосмысление тайпинским лидером и та роль, которую его религиозная идеология сыграла в действиях тайпинов и существовании Тайпин Тяньго. Целью исследования является определение роли религиозной идеологии в восстании тайпинов, а также анализ воззрений лидера их движения. Обращение к этой теме обусловлено необходимостью изучения религиозных идеологий, относящихся к периоду истории империи Цин (1644–1911), а также заметно возросшим научным интересом к истории Китая в период правления маньчжурской династии. В ходе исследования было установлено, что под влиянием западных миссионеров на юге Китая возникла модифицированная версия христианства, превращенная Хуном Сюцюанем в идеологию тайпинского движения: его целью было воссоздать царство небесное на земле.

Ключевые слова: Хун Сюцюань, тайпины, христианство, богопоклонники, династия Цин

История статьи: Поступила в редакцию: 12.11.2024. Принята к публикации: 19.02.2024.

Для цитирования: Китинов Б.У., Кодунова Е.А. Хун Сюцюань и религиозная идеология в Тайпинском восстании 1850–1864 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 152–164. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-152-164>

© Китинов Б.У., Кодунова Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Hong Xiuquan and Religious Ideology of the Taiping Rebellion in 1850–1864

Baatr Kitinov¹ , Elizaveta A. Kodunova²

¹Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 kitinov@mail.ru

Abstract. The Taiping Rebellion in China in the middle of the nineteenth century was not only the largest social revolutionary movement of its time, but a movement inspired in to a large extent by Christianity. The article highlights the important place of the Bible in Hong Xiuquan's life, its radical reinterpretation by the Taiping leader, and the role that his religious ideology played in the actions of the Taiping and the existence of the Taiping Tianguo. The purpose of the study is to determine the role of religious ideology in the Taiping rebellion, as well as to analyze the views of the leader of their movement. The relevance of the research topic is due to the need to study religious ideologies related to the period of the history of the Qing Empire (1644–1911), as well as the markedly increased scientific interest in the history of China during the reign of the Manchu dynasty. During the study, it was found that under the influence of Western missionaries in southern China, a modified version of Christianity arose, turned by Hong Xiuquan into the ideology of the Taiping movement: the goal was to recreate the kingdom of heaven in this world.

Keywords: Hong Xiucuan, Taiping, Christianity, God worshippers, Qing Dynasty

Article history: Received: 12.11.2023. Accepted: 19.02.2024.

For citation: Kitinov BU., Kodunova EA. Hong Xiucuan and the religious ideology of the Taiping Rebellion in 1850–1864 years. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):152–164. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-152-164>

Введение

В 1851 г., всего через восемь лет после того, как по результатам первой Опиумной войны британское правительство вынудило Китай официально согласиться на импорт опиума, некая группа под названием «Ассоциация богопоклонников» приобрела известность среди мятежных движений на юге Китая. Ее члены, исповедовавшие интерпретированную их лидером версию христианства, приступили к созданию того, что они называли «Небесным царством Великого мира» (Тайпин тяньго). Со временем у их «царства» появился свой центр — Нанкин, ранняя столица предыдущей ханьской династии Мин (1368–1644), и это символическое событие стало серьезным вызовом маньчжурскому императорскому дому.

К XIX столетию уже сформировались необходимые условия (экономические, социальные, политические и др.) для образования кризисной ситуации в Цинской империи. Восстание тайпинов переросло в самое сильное из антиправительственных восстаний на Юге страны. Тайпины, как обычно

называют приверженцев движения, основывали свои притязания на власть повелением Бога, которое было передано их лидеру Хуну в видении и которое он позже нашел подтвержденным и истолкованным в христианских книгах и трактатах, распространяемых миссионерами в Гуанчжоу [1]. Восстание, охватившее большинство провинций к югу от реки Янцзы и ряд северных, продолжалось более десяти лет.

Степень изученности проблемы высокая, так как это событие описывалось и обсуждалось буквально с первых дней активности тайпинов, следовательно, ему (как в целом организации и процессам, так и ее отдельным деятелям) посвящено немало публикаций. Восстание получило огромную огласку как в странах Западной Европы, так и в Российской империи благодаря письмам миссионеров и чиновников, находившихся в Китае и являвшихся свидетелями событий.

Тайпинское восстание изучалось многими российскими и зарубежными авторами. Российские исследователи В.П. Илюшечкин [2], Д.М. Поздеев [3] в своих трудах привлекали официальные документы и источники, которые лежали в основе воззрений тайпинов. А.Л. Анисимов [4] обратил внимание на деятельность миссионера И. Робертса. Е.А. Захаров [5] в своей статье представил краткий обзор работ, изданных во второй половине XX в., посвященных изучению доктрины общества «Тяньдихуэй». Безусловно, история тайпинского движения отражена во всех учебниках и пособиях по истории Китая.

Также мы обратились к работам зарубежных историков. Дж. Спенс [6], Е. Бордман [7] уделяли большое внимание анализу особенностей личности лидера восстания. В трудах Ф. Куна [8], П. Япа [9], и Д. Овнби [10] рассматривались предпосылки восстания, его ход и влияние христианства на идеологию, разработанную лидером. Мидоус [11], В. Ши [12], Р. Вагнер [13], Т. Донован [14] занимались изучением тайпинской идеологии. Подспорьем для исследования являлись работы китайских авторов: Фань Вэнь-лань [15], Юань Чантэна [16], Ай Шу [17], Сюанжу Жэн [18], Ю Тао [19].

Источниковую базу статьи можно разделить на несколько групп. Первая — манифесты лидера тайпинского восстания Хуна Сюцюаня: манифест об уничтожении северных варваров по воле неба [20], манифест об истреблении дьяволов, спасении мира и успокоении народа по воле неба [22], воззвание к народу [22], тайпинские правила [23], земельная система небесной династии [24]. Вторая — записи современников событий: миссионера Архимандрита Палладия [1], оригинальный источник на китайском языке, а именно трактат Лян Фа [25], а также записки путешественника Джона Беньяна [26]. Третья — нормативно-правовые акты — указ, предусматривающий терпимость к христианству путем предоставления возможности предоставления недвижимости китайским христианам по всей империи [27].

Целью авторов является изучение влияния религиозных установок Хуна Сюцюаня на формирование идеологии тайпинского движения в Китае XIX в., что позволит лучше понимать роль религии в социальных и политических процессах своего времени.

Путь тайпинского лидера

Когда Китай оправлялся от Опиумной войны начала 1840-х гг., Хун, разочаровавшийся студент и последователь конфуцианства, нашел утешение в христианском учении Запада. Так совпало, что в этот период правительство Цин стало принимать более лояльные по отношению к христианству и христианам законы [27].

О его ранней жизни известно мало. Родился будущий тайпинский лидер в Гуандуне в 1814 г. Хотя его семья занималась земледелием, Хун сделал выбор в пользу госслужбы, что негативно было воспринято среди его родственников. Он стремился занять должность чиновника, упорно ходил на вступительные императорские экзамены, но безуспешно, все 4 раза. После таких неудач будущий вождь решил найти свое место в христианских храмах, просил проповедника крестить его, но и здесь ему было отказано. Ситуация изменилась при сдаче экзаменов в 1833 г. в Кантоне. Именно после этой попытки Хун окончательно испытал разочарование в системе устройства на службу и был вынужден устроиться на работу в школе.

Несмотря на значительные изменения в восприятии себя и своего дальнейшего пути, Хун продолжал трудиться учителем; жители деревни оказались не готовы к принятию преподавателя – противника Цин, что и послужило причиной ухода Хуна с его должности в школе в 1844 г. [6. С. 17]. Хун понял, что больше не может оставаться в своей деревне, и с этого времени началось его становление в роли будущего вождя восстания.

Основным источником о христианской вере, на который опирался Хун Сюцюань в период с 1833 по 1847 гг., был труд Лян Фа «Цюаньши лянъянь» («Добрые слова для увещания мира») [25]. Хотя работа была эклектична и компилятивна, она в некоторой степени правдиво отражала сюжеты из Ветхого и Нового Заветов. Лян Фа полагал, что тот образ жизни, который вели китайцы, привел их «к эгоистическому забвению идеалов моральной чистоты» [28]. Его идеи будут экстраполированы Хуном и на идеологию тайпинов, будто бы китайское общество находилось в тупике, что однозначно должно было приблизить смену династии. Как отмечает Бордман, ряд положений оттуда, нашедшие отражение в книге, критиковали существовавшую среди евреев религиозную и светскую культуры, и они могли оказать свое влияние на перемену отношения Хуна к конфуцианству, на разочарование в нем, и соответственно, еще и в государственной системе Китая [7]. Исходя из этих текстов Хун Сюцюань начал толковать свои сны, которые видел

шестью годами ранее. Углубившись в более подробное изучение христианства, он пришел к выводу, что Бог Небесный Отец и Иисус Христос были теми двумя фигурами, которые являлись в его снах. Хун стал считать себя братом Иисуса; он также верил, что несет ответственность за уничтожение всех демонов в мире [7].

Американский китаист Ф. Кун писал, что Хун Сюцюань «понял» связь своих видений с христианской религией лишь в 1842 г. [8], и это сильно повлияло на его вновь формировавшееся мировоззрение. Его личность, по-видимому, стала более нравственно праведной по сравнению с остроумным и прямолинейным «я» того, прежнего Хуна. Он больше не обращался к себе по старому имени — Хуосю, лидер взял себе новое имя — Сюцюань, что переводится как «Совершенный» [13].

Вскоре после осознания сновидений он и его ближайшие друзья самостоятельно крестились. Хун начал проповедовать своей семье и друзьям о достоинствах своей недавно обретенной религии. В течение последующих нескольких лет будут написаны важнейшие доктринальные тексты [20–24], которые имели огромное значение для становления идеологии тайпинского восстания. По Д.М. Поздееву, в числе причин восстания было и убеждение, что династия маньчжуров падет спустя 200 лет с начала своего правления, то есть в 1844 г. [3].

Хун Сюцюань отправился в путешествие по стране, в ходе которого в 1847 г. произошел его первый опыт тесного общения с западными проповедниками. Иссахар Джейкоб Робертс, протестантский миссионер, впервые встретился с Хуном в Кантоне. Хун Сюцюань был чрезвычайно воодушевлен встречей со своим «коллегой». Его энтузиазм еще больше возрос после того, как Робертс решил, что расскажет ему о тонкостях христианской доктрины. Однако вскоре они разошлись; исследователь Яп сделал вывод, что Робертс и Хун не смогли найти компромисс в самых важных вопросах веры [9. С. 290].

По-видимому, Робертс пришел к выводу, что его ученик должен быть крещен, иначе их дальнейшее сотрудничество было невозможно. Однако приближенные Робертса выразили свое несогласие, отказали в проведении обряда крещения и отметили, что Хун не может получить какую-либо поддержку от церкви, в том числе финансовую. Робертс был крайне встревожен тем, что его ученик, по слухам от других миссионеров, искал финансовых гарантий относительно своего будущего [16. С. 56]. Позже, уже в ходе восстания, Робертс до последнего надеялся вернуть интересы руководителей тайпинов в направлении западных стран, но в итоге был вынужден бежать из тайпинского Нанкина [4. С. 148].

Утверждалось, что из-за этого разрыва между проповедниками и будущим лидером восстания Хун упустил возможность для дальнейшего обучения христианской доктрине [10. С. 100]. Мы можем предположить, что, по крайней мере первоначально, цель Хуна Сюцюаня состояла

в манипулировании религией ради достижения своего личного благополучия. Хун не смог наладить отношения с Робертсом, так как не был готов к посвящению всего себя изучению основ религиозной догматики, поскольку это бы отложило его основную цель: установление нового порядка и свержение династии Цин [23]. Он решил отправиться «в люди». Как упоминалось выше, Хун в 1844 г. путешествовал по Китаю, а в 1847 г., после встречи с миссионерами создал объединение верующих и сторонников, которое назвал «Богопоклонники» [10. С. 101].

Для наглядности приведем несколько отрывков из манифестов, созданных лидером восстания. По словам Хуна Сюцюаня, Китай — „голова“, а Цинское правительство — „ноги“ [20]. Маньчжуры им определялись как „варварская“ династия, которую презрительно называли „татарской“ [20]. Использование подобной клички играло на руку тайпинам, ведь они стремились показать, что маньчжуры — чужаки в Китае. Хун отмечает, что „ноги возвышаются над головой“ [20], и задача тайпинов — устранить хаос и вернуть порядок. В качестве примера беспорядков цинского правления Хун называет принуждение стричь волосы и оставлять сзади длинный хвост, который превращает китайца в „дикого зверя“ [20]; давление в плане традиционной одежды, которая заменена „варварской“ [20]. Немаловажным пунктом являлось осуждение цинского института брака, ведь китайские „красавицы“ были вынуждены „делить ложе с развратными лисами“ — маньчжурами [10]. Кроме того, в критику ставилось взяточничество и изменение китайского языка. Ключевым аспектом было и подчинение огромной китайской армии маньчжурской, которая составляла всего 100 тыс. человек [2]. Хун Сюцюань называл своих сторонников „детьми господ Бога“, которые в силах свергнуть цинский режим и „обрести счастье на небесах“ [2].

Очевидно, что энтузиазм в отношении христианской доктрины привел к разрушению его доверия к конфуцианству. Кроме того, Хун Сюцюань отвергал все формы конфуцианской символики и буддийских обрядов. Лидер верил, что маньчжурская династия вызвала гнев господ Бога, поэтому тайпины должны руководствоваться его наставлениям о том, что „послушный небу спасется, а непокорный погибнет“ [21].

Если в общих чертах изложить религиозную идеологию, сформулированную Хуном Сюцюанем, то получится следующее: во-первых, сновидения Хуна убедили его в том, что он был младшим братом Иисуса. Такая особая позиция в христианском мировосприятии давала ему основания полагать, что он должен сделать нечто великое и принести пользу угнетенному правлением Цин народу. Выше мы уже упоминали, что одной из причин ненависти Хуна Сюцюаня к маньчжурской династии была система приема на государственные должности, которая не дала ему поступить на службу. П.М. Яп предполагал, что Хун желал обратить Китай в свою разновидность христианской доктрины [9. С. 291]. Он проповедовал

братство и сестринство всех людей перед Богом. Кроме того, важнейшим аспектом доктрины являлось провозглашение общего права на собственность [24]. Так как земельный вопрос стоял крайне остро, это предложение тайпинов получит позже большой отклик среди народных масс. Благодаря проповедованию «небесного послания» [8] вера, или, точнее, религиозная идеология Хуна смогла собрать большую армию, которая включала в себя до миллиона мужчин и женщин (тайпинские повстанцы относились к женщинам как к равным) [29].

Хун приступил к строительству Небесного царства (Тайпин тяньго). Это царство должно было быть основано на строгом моральном кодексе, который ставил сообщество выше личности [23]. Все личное имущество последователей, включая деньги и драгоценности, было использовано для создания армии. Хун Сюцюань сообщил членам своего движения, что, умерев в бою, они достигнут конечной цели — рая (Тянь Го). Согласно авторитетному китайскому словарю Циюань [30] Тянь Го — это рай религиозных учеников, а также место, где куда попадают избранные души после смерти человека. Вместе с тем у него были более масштабные замыслы: утвердить небесное царство, т.е. рай, на земле, чему подтверждением служило и само название обещанного нового государства.

В глазах тайпинов видение их лидера было абсолютной истиной, актом божественного предсказания, а их собственные действия были всего лишь интерпретацией и реализацией. Послание Хуна отличалось тем, что обеспечивало основу как для понимания, так и для решения большого числа проблем. Среди китайского населения начали распространяться слухи о преимуществах принятия учения Хуна Сюцюаня. К лету 1850 г. богопоклонники уже были готовы сразиться с династией Цин. В течение последующих трех лет бои шли с переменным успехом, и величайшая победа наступила в марте 1853 г., когда был завоеван Нанкин. Это стало, по мнению Хуна, первым шагом к установлению Небесного царства на Земле [7].

В 1856 г. здоровье Хуна начало ухудшаться. Некоторые источники утверждают, что он совершил самоубийство, проглотив яд 1 июня 1864 г. после того, как цинские власти получили решающее военное преимущество. Вся надежда на сохранение «царства» была потеряна, и позже его тело было обнаружено в канализации [13]. Другие источники говорят, что он умер от болезни, возможно, пищевого отравления от употребления диких овощей, так как в городе стало мало еды из-за его осады правительственными войсками [2]. Тело Хуна было захоронено в бывшем императорском дворце Мин, но позже было эксгумировано маньчжурскими военными, чтобы убедиться в его смерти. Затем останки были кремированы, а пепел был выпущен из пушки, чтобы «гарантировать, что у него не будет последнего места для упокоя» [9. С. 293].

За четыре месяца до своей смерти Хун завещал свой трон своему старшему сыну, Хуну Тяньгуифу. Город пал 19 июля 1864 г. в ходе жестокой резни, инициированной правительственными войсками, в результате которой погибло более 100 000 человек [17. С. 90].

Религиозная идеология

У Хуна было несколько источников, на которые он мог опираться для интерпретации видений, полученных им в сновидениях. Одним из них следует считать трактат Лян Фа, который был объявлен основным источником вдохновения Хуна [25]. В свое время, будучи в Гуанчжоу, лидер тайпинов узнал от Робертса, что трактат был основан на двух других источниках, а именно на Ветхом и Новом заветах. Со временем Хун также ознакомился с еще одним источником — «Путешествие пилигрима в небесную страну» Джона Беньяна [26], который в то время был популярен среди духовенства-энтузиастов в Китае.

Карл Гутцлафф, известный протестантский миссионер, проводил большую работу по распространению Ветхого и Нового Завета в Китае в 1840-х гг. [6]. Его «Китайский союз», евангелическое движение, добилось значительных успехов в распространении этих книг по всему Китаю. Весьма вероятно, что некоторые новообращенные Гутцлаффа, возможно, обучали тайпинов; на данный момент не обнаружено никаких доказательств, которые действительно связывали бы Хуна и этот «Китайский союз». Однако Бордман указывал, что распространение тайпинской идеологии происходило одновременно с активной проповеднической деятельностью Иссахара Робертса в 1847 г., которому Гутцлафф оказывал большую помощь [7]. Бордман установил, что именно в этом году Хун Сюцюань в течение 2-х месяцев изучал религиозную деятельность Робертса, который занимался переводом христианских текстов, в т.ч. Библии, на китайский язык. Если это так, то Библия, опубликованная в Нанкине в 1853 г., была, скорее всего, той, которую Хун впервые увидел в 1847 г. у Робертса. Издание основного христианского текста в столице нового государства дает основание предположить важное значение, которое уделял Хун его центральному (сакральному) персонажу — Иисусу Христу, соответственно — себе как главному лицу тайпинской идеологии.

Благодаря изучению религиозной литературы у Хуна Сюцюаня сложилось собственное представление о мире и своей роли в нем [6]. Сами сновидения Хуна, при должной их интерпретации с помощью указанных сакральных текстов, становились фундаментом для формирования религиозной идеологии тайпинов. Хун Сюцюань считал, что все на небе и на земле создано Богом, который вездесущ и всемогущ. При жизни о людях заботится Бог, а после смерти человеческая душа поднимается на небеса и наслаждается счастьем. В случае неповиновения божьей воле человек станет одним из демонов,

которых после смерти ловят призраки и направляют на вечные страдания в ад [21; 23].

Мы согласны с мнением В. Ши (Яньцзинский и Вашингтонский университеты), что нет ни малейшего сомнения в том, что религиозный элемент в идеологии тайпинов был фундаментальной объединяющей силой тайпинского движения [12. С. 20]. А. Шу (Учанский университет) уверена, что между христианскими идеями Хуна и основанием его государства существовала тесная связь, которая явна и лингвистически: название государства Тайпин (太平) «означает величайшее и наиболее распространенное равенство и справедливость в мире, за которым следует «Тянь Го» («Царство Небесное» — 天国, Тянь для 天 и Го для 国), что наглядно демонстрирует религиозный характер этой политической силы и библейское влияние. На самом деле название «Тянь Го/Царство Небесное» как раз и было заимствовано из первого предложения пятой главы Нагорной проповеди Евангелия от Матфея: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Матфея 5:3)» [17. С. 86].

Сюанжу Жен, исследователь из университета Эдинбурга, утверждает, что Хун Сюцюань, решив следовать религиозному пути, не случайно объявил себя «Царем Небесным» и самопровозглашенным братом Иисуса Христа. Он приводит мнение Т. Рейли: «Ядром тайпинского восстания было христианское движение, известное как Байшандихуэй (Общество богопоклонников). Воодушевленное протестантским духом, это движение быстро развилось веру, которая была явно китайской по своей ориентации, характеру и цели» [18. С. 673].

Успех Хуна был основан на его способности описывать «реалистичную и осмысленную вселенную, которая обеспечила основу как для понимания, так и для решения удивительно большого количества проблем» [13]. Тайпины сознательно или бессознательно искали что-то, что заменило бы традиционную идеологию, которая действовала так долго, что и не замечала вопиющую несправедливость, которая была совершена по отношению к ним правящей элитой под прикрытием морального воспитания. Они искали какой-то особый позитивный взгляд на мир, который позволил бы им ослабить влияние конфуцианской идеологии, чтобы они могли видеть и анализировать самостоятельно, не подвергаясь влиянию со стороны правительства. Вместе с тем вера тайпинов была всего лишь «внешним покровом», прикрывающим революционную политическую программу, направленную на свержение структур цинской власти и противодействие внешним врагам. Иначе говоря, религия могла вдохновить людей на революцию, но не могла сотворить ее — для этого нужны были политические лозунги, и они появились. В этом контексте интересно мнение Ю Тао (Академия социальных наук в Австралии), определившего форму правления у тайпинов как теократия: «После серии военных побед над режимом Цин повстанцы создали Тайпинское Небесное Царство, теократию, которая более десяти лет контролировала богатый нижний регион р. Янцзы» [19. С. 12].

Винсент Ши в «Идеологии тайпинов» [12. С. 20] оценивает их религию как средство объединения различных народов в организацию для достижения политических целей. Юань Чантэн (Тайваньский университет) отмечал определенный фатализм китайцев, который выражался в восприятии ими тайпинской доктрины как дара, ниспосланного Богом, чтобы вытащить их из бедственного положения, в которое их погрузило цинское правительство. Таким образом, тайпины определенно использовали религию для маскировки своих политических амбиций [16. С. 56].

В. Ши приводит мнение современника тайпинского восстания Хамфри Маршалла, американского посланника в Китае, который заявил, что холодный и коварный агитатор (Хун) переработал материал, содержащийся в религиозных трактатах, которые время от времени миссионеры публиковали в Китае, и создал собственную доктрину, которая смогла собрать всех недовольных, а также отчаявшихся жителей страны [12. С. 12]. Соответственно, Бог для тайпинов был «богом равенства, свободы и братства», «революционным богом» [14. С. 52], благословлявшим их на такие перемены.

Однако были и другие современники, которые защищали тайпинов, утверждая, что их идеология была основана на искреннем религиозном чувстве [13]. Например, британский дипломат Томас Т. Медоуз подчеркнул, что тайпины изначально были религиозным обществом, которое только осенью 1850 г. вступило в конфликт с местными властями [11. С. 47]. По его мнению, только в силу крайней необходимости Хун Сюцюань был вынужден придать своему движению характер и функции патриотического движения [11. С. 49]. Мы согласны с утверждением Юджина Бордмана, что в Тайпинском восстании политические и религиозные мотивы были переплетены и, как правило, неотделимы друг от друга [7. С. 78].

В поражении тайпинов сыграла роль масса обстоятельств, от социально-политических до культурно-экономических, а также военных, дипломатических и других. Религиозная идеология Хуна занимает среди них особенное место, т.к. она была не искренним религиозным откровением, но средством завоевать авторитет и утвердиться в качестве законного источника власти [12]. Или, другими словами, вера была нестабильной надстройкой, прикрывающей реальность экономических обстоятельств, которые на самом деле управляли движением. А это уже изменяло сам смысл движения, изначально нацеленного на перемены духовного мира китайцев. Идеалистические конструкции веры Хуна Сюцюаня столкнулись с политической реальностью империи и потерпели поражение.

Тайпины эволюционировали из религиозного общества в политическую организацию, и это случилось после того, как их существованию стала угрожать правившая династия Цин; в свою очередь, они и сами стали угрожать существованию династии [24].

Выводы

Хун Сюцюань – одна из самых уникальных фигур в истории Китая. Возможность сочетания духовной и мирской власти, что он увидел через знакомство с миссионерами, чтение религиозной литературы и последующее толкование своих сновидений, заставило Хуна поверить в свою уникальность и начать действовать в соответствии с ними. Положения протестантского христианства были «уточнены» им с целью реконструкции ключевых христианских положений и библейских эпизодов ради достижения собственных идеологических, а позже и политических целей, финалом чего стало образование «Небесного царства» с центром в Нанкине.

Хун убедил себя, что возглавляемое им движение тайпинов приведет Китай к лучшему будущему. Он считал себя обладающим качествами, необходимыми для избавления всего мира от зла (в лице династии Цин и конфуцианского учения) и установления нового мирового порядка, основанного на созданной им идеологии. Такой подход совпадает с аналогичными ситуациями в истории Китая, когда восставшие против существовавшей власти (династии) всегда выдвигали религиозные идеи (также создавали соответствующие организации) для привлечения сторонников.

Хун Сюцюань стремился создать царство небесное на земле, а не обещал его после смерти. Этим его учение отличалось от мировых религий, так как новый мир (небесное царство) Сюцюаня был возможен здесь и сейчас, в бытийной реальности, а не «по ту сторону». На эту особенность накладывался и специфичный китайский нюанс: после обретения «царства» он хотел установить свою собственную Небесную династию.

Однако, несмотря на большой акцент, сделанный на религию, надо заметить, что Хун никогда не был посвящен ни в один из санов протестантской иерархии. Он никогда не воспитывался в протестантской традиции, и вместе с тем, отрекся от конфуцианства и буддийских установок. Поэтому, невзирая на восприятие себя как религиозного, верующего человека, он, по сути, был **светским** человеком, возглавившим созданную им религиозную организацию. Уникальная идеология, или, вернее, уникальное мировоззрение лидера тайпинов позволяет заключить, что сам Хун Сюцюань был воплощением религии и идеологии государства тайпинов.

Библиографический список

1. *Палладий А.* Именем Неба восстановим справедливость. Русские архивные материалы о начале тайпинского восстания в Китае. Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Kafarov_P_I/donesenija_tajpin.htm Дата обращения 07.01.2024.
2. *Илюшечкин В.П.* Соловьев О.Г. Тайпинское восстание 1850–1864. Сборник документов. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. С. 22–23.

3. Поздеев Д.М. Тайпинское восстание в Китае. СПб: В.С. Балашев и К, 1898.
4. Анисимов А.Л. Крестный отец небесного князя: деятельность американского миссионера И. Робертса в Китае в период тайпинского восстания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. С. 145–149.
5. Захаров Е.А. Религиозная доктрина тайного общества «Тяньдихуэй» в работах современных отечественных и западных исследователей // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4 С. 44–46.
6. Spence J. *God's Chinese Son*. London: W.W. Norton & Company, 1996.
7. Boardman E. *Christian Influence Upon the Ideology of the Taiping Rebellion*. New York: Octagon Books, 1972.
8. Khun Ph.A. *The Taiping Rebellion*. L.: The Cambridge History of China, 1978.
9. Yap P.M. The Mental Illness of Hung Hsiu-Ch'uan, Leader of the Taiping Rebellion. *The Far Eastern Quarterly*. 1954;(3):290–292.
10. Ownby D. Chinese Millenarian Traditions: The Formative Age. *American Historical Review*. 1999;(5):100–102.
11. Meadows T.T. *The Chinese and their rebellions*. London: Cambridge University Press, 2014.
12. Shih V. The Taiping Ideology: Its Sources, Interpretations, and Influences. *Far Eastern and Russian Institute, Publications on Asia*. 1967;(15):20.
13. Wagner R.G. *Reenacting the Heavenly Vision: The Role of Religion in the Taiping Rebellion*. California: Regents of the University of California, 1982.
14. Donovan T. *Interpreting the Taiping Rebellion*. San Francisco: Electronic theses, projects, dissertations, 2023. P. 52.
15. Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.
16. Yuan Chang Teng. Reverend Issachar Roberts and the Taiping Rebellion. *Journal of Asian Studies*. 1963;(1):56.
17. Ai Shu. Envision of the Land-after-death and Expectations for “This Life”: Translation and Reconfiguration of “Kingdom of Heaven” in Taiping Rebellion Movement. *Journal of Languages, Texts, and Society*. 2020;(4):84–105.
18. Xiangru Ren. The Taiping Rebellion: A Feudal Cult or a Progressive Revolution in Ancient China // *Journal of Humanities, Arts and Social Science*, 2022, 6 (4), 672–675. Режим доступа: <https://www.hillpublisher.com/journals/jhass/> Дата обращения: 27.02.2024.
19. Yu Tao. The Historical Foundations of Religious Restrictions in Contemporary China *Religions*; 2017;(8):8–12. Available from: <https://doi.org/10.3390/rel8120263> [Accessed 2770272024].
20. Манифест об уничтожении северных варваров по воле неба. Перевод О.Г. Соловьева // Тайпинское восстание 1850–1864. Сборник документов. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. С. 22–23
21. Манифест об истреблении дьяволов, спасении мира и успокоении народа по воле неба. Перевод О.Г. Соловьева // Тайпинское восстание 1850–1864. Сборник документов. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. С. 24–25.
22. Хун Сюцюань. Воззвание к народу. Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Taipin_vosst/1-20/7.htm Дата обращения 07.10.2023.
23. Тайпинские правила. Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Taipin_vosst/21-40/24.htm Дата обращения 07.01.2024.
24. Земельная система Небесной династии. Перевод О.Г. Соловьева // Тайпинское восстание 1850–1864. Сборник документов. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. С. 26.
25. Цюаньши лянъянь. (Добрые слова для увещания мира). Canton: 1832.
26. Bunyan J. *The pilgrim's progress*. London: Elliot Stock, 1876.

27. An Imperial Decree Providing for the Further Toleration of Christianity, by Granting the Restoration of Real Estate to Chinese Christians throughout the Empire. Chinese Repository: 1846. (Императорский указ, предусматривающий дальнейшую терпимость к христианству путем предоставления возможности восстановления недвижимости китайским христианам по всей империи).
28. Азбука веры. Православная библиотека. История церкви. Христианство и китайская культура. Христианство и вероучение тайпинов. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/hristianstvo-i-kitajskaja-kultura/6#note74 Дата обращения 16.05.2023.
29. Encyclopedia Britannica. Wars, Battles & Armed Conflicts. Taiping Rebellion summary. Available from: <https://www.britannica.com/summary/Taiping-Rebellion> [Accessed 12.11.2023].
30. Ciyuan. Режим доступа: <http://ciyuan.cp.com.cn> Дата обращения 12.11.2023.

Информация об авторах:

Китинов Баатр Учаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения, Российская академия наук (Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12), e-mail: kitinov@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4031-5667

Кодунова Елизавета Алексеевна — студент по направлению «История», Российский университет дружбы народов (Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), e-mail: kodunova.liza@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-165-186
EDN: EUWZGW

Научная статья / Research article

Милитаризация культуры в период правления Пак Чонхи (1961–1979) на примере военного кинематографа Республики Корея

А.С. Старшинов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ alex.starshinov@gmail.com

Аннотация. Цель исследования — определить особенности военных фильмов Республики Корея в качестве элемента милитаризации культуры в период правления Пак Чонхи (1961–1979). Доказывается, что популярность военного кинематографа в 1960-х гг. была обусловлена как государственной кинополитикой, способствующей производству и потреблению таких фильмов, так и массовым интересом со стороны зрителей и кинокомпаний. Ко второй половине 1960-х гг. динамика производства таких фильмов стала в большей степени определяться вмешательством государства в сферу кино, что привело к снижению качества фильмов и коммерческим провалам в прокате. Став непопулярным, в 1970-е гг. военное кино существовало лишь благодаря государственной поддержке. Одной из основных особенностей военного кино были способы изображения «своих» и «чужих». С позиции государства идеологически верной репрезентацией врага в военном кинематографе был дегуманизированный образ северокорейца, коммуниста, проявляющего жестокость и насилие в отношении к южнокорейским гражданам. Данное требование государства само по себе было противоречивым: с одной стороны, принадлежность северокорейских солдат к одной, пусть и разделенной, корейской нации делала возможным их гуманизацию, а с другой — образ сильного врага, совершающего жестокие действия, мог усилить репрезентацию его милитаризованной маскулинности, что было крайне нежелательно. Автор отмечает, что универсальным решением этого противоречия стала стратегия обезличивания северокорейских персонажей, лишение их индивидуальных черт и удаление на периферию кинонарратива в качестве второстепенных персонажей-функций. В противовес такому образу врага южнокорейских солдат изображали как героев, обладающих индивидуальностью и сильной маскулинностью.

© Старшинов А.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: военное кино, Корейская война, Вьетнамская война

История статьи: Поступила в редакцию: 30.11.2023. Принята к публикации: 19.02.2024.

Для цитирования: *Старшинов А.С.* Милитаризация культуры в период правления Пак Чонхи (1961–1979) на примере военного кинематографа Республики Корея // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 165–186. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-165-186>

Militarization of Culture during Park Chung-hee’s Rule (1961–1979): Focus on South Korean War Movies

Alexander S. Starshinov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ alex.starshinov@gmail.com

Abstract. The study aims to identify the characteristics of South Korean war films as a component of the militarization of culture during Park Chung-hee’s rule (1961–1979). The surge in the popularity of war cinema in the 1960s stemmed from state film policies aimed at fostering the production and consumption of such films, along with heightened interest from both audiences and film companies. However, as the 1960s progressed, state intervention in the film industry increasingly influenced the production dynamics of war films, precipitating a decline in their quality and commercial success at the box office. By the 1970s, war cinema, having lost its appeal, sustained itself solely through government backing. One of the primary features of war cinema was its methods of depicting “us” and “them”. From the state’s standpoint, the ideologically sound portrayal of the enemy in war cinema entailed a dehumanized depiction of the communists, primarily North Korean soldiers, illustrating their brutality and aggression towards South Korean citizens. Such state’s requirement, however, was paradoxical: on the one hand, the shared Korean identity theoretically allowed for the humanization of North Korean soldiers, on the other hand, their portrayal as strong adversaries committing cruel acts risked glorifying their militarized masculinity, a scenario the state sought to avoid. To reconcile this contradiction, film companies employed a strategy of their de-characterization, stripping them of individual traits and relegating to secondary roles on the periphery of the film narrative. In contrast, South Korean soldiers were portrayed as heroic figures, characterized by their individuality and robust masculinity.

Keywords: cinema, war movies, Korean War, Vietnam War, militarization

Article history: Received: 30.11.2023. Accepted: 19.02.2024.

For citation: Starshinov AS. Militarization of Culture during Park Chung-hee’s Rule (1961–1979): Focusing on South Korean War Movies. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):165–186. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-165-186>

Введение

Время правления Пак Чонхи (1961–1979) ассоциируется с феноменом широкомасштабной модернизации (кор. 근대화, *кындэхва*) практически всех сфер жизни южнокорейского общества, которая, тем не менее, была неразрывно связана и с другим процессом — их *милитаризацией* (кор. 군대화, *кундэхва*). Так в одной из глав второго тома «Истории повседневности Республики Кореи», посвященному 1960-м гг., О Чжеен резюмирует, что «[политическая] система Республики Корея была создана с намерением использовать людей в качестве полезных инструментов для экономического роста и модернизации. [...] Власть военных и [идеология] милитаризма, которые фактически являлись основой для власти режима Пак Чонхи, прочно утвердились во главе всех этих процессов. Одним словом, «модернизация Родины», к которой призывал режим Пак Чонхи, на самом деле [...] означала милитаризацию Родины» [1. С. 212].

Одной из наиболее плодотворных попыток осмыслить «спайку» этих феноменов является концепт *милитаризованной модерности*, введенный в научный оборот Мун Сынсук. Он включает в себя три взаимосвязанных социально-политических и экономических аспекта: построение корейской нации как антикоммунистического политического тела, превращение людей в полезных и послушных членов нации посредством дисциплины и грубой силы и интеграция военной службы в структуру индустриализирующейся экономики [2. С. 18]. Признавая эти характеристики ключевыми, мы полагаем, что они находили свое отражение в господствующей идеологии антикоммунизма (кор. 반공주의, *пангончжуи*)¹, которая, в свою очередь, оказала огромное влияние на культуру Республики Корея. Сам антикоммунизм был связан и с формированием официального национализма, который содержал сильную милитаристскую направленность и, следовательно, влиял на гендерную иерархию в корейском обществе [5. Р. 37–38].

Несмотря на наличие исследований милитаризации экономической, политической и социальной сфер в Республике Корея в авторитарный период,

¹ Взгляды разных исследователей на сущность антикоммунизма разнятся, однако большая часть историков считает его не просто бинарной идеологической системой, а сложноустроенной и зачастую противоречивой идеологической матрицей. Так, Ли Хана хотя и делает попытку разложить антикоммунизм на составные части, выделяя десять компонентов антикоммунистической идеологии [3], но отмечает, что он вместе с тем является «комплексом гетерогенных высказываний (кор. 비균질적인 언설의 복합체), содержащих в себе противоречащие друг другу дискурсы и эмоции» [Там же. С. 204]. Другие исследователи, к примеру Ю Сынчжин, критикуют этот подход и указывают на то, что такое определение антикоммунизма является лишь аналитическим, а не синтетическим понятием. Вместо этого Ю Сынчжин рассматривает антикоммунизм как «логику, которая структурирует социальные практики», или, используя терминологию Мишеля Фуко, «диспозитив (кор. 장치), который воспроизводит отношения власти» [4. С. 453].

южнокорейская культура как объект такой милитаризации² остается сравнительно малоисследованной темой. С точки зрения автора, ярче всего феномен культурной милитаризации проявился именно в кинематографе — вероятно, наиболее контролируемой государством сферы культуры, особенно в сравнении с литературой или музыкой. Именно кинематограф был для власти ключевым инструментом массового распространения идеологии развития и антикоммунизма, как и средством построения современной нации в целом [7].

В данной статье мы рассматриваем наиболее очевидное измерение милитаризации сферы кинематографа — художественные военные фильмы (*чончжэн ёнхва* (кор. 전쟁 영화), либо *кунса ёнхва* (кор. 군사 영화)³) и затрагивающие тему войны документальные «культурные фильмы»⁴ и «новостные фильмы»⁵, оставляя за скобками менее очевидные аспекты «ползучей милитаризации» общества, которые можно найти в других жанрах кино⁶. Мы рассматриваем милитаризацию в трех аспектах: институциональном, политическом и визуальном, делая упор на то, как показываются и взаимодействуют маскулинность «своих» и «чужих» в этих фильмах.

² Несмотря на разные подходы к милитаризму, существующие в современной науке, мы исходим из идеи Эмилио Виллемса о том, что милитаризм является «культурным комплексом», то есть «группой взаимосвязанных свойств или элементов, получающих свое значение и функцию от доминирующего или центрального элемента», которым в данном случае является война [6. С. 5]. Таким образом, под «милитаризацией культуры» имеется в виду процесс насыщения культуры милитаристскими образами и ценностями, а также общая пропаганда «подготовки к войне».

³ Эти названия отражают преобладающую терминологию того времени, широко используемую, например, в газетных статьях, часто с добавлением слова «зрелище» (кор. 스펙터클). Описывая этот жанр, известный кинокритик того времени Ли Ёниль использовал термин «экшн-кино, снятое на материале войны» (кор. 전쟁 소재의 액션영화) [8. Р. 368–371]. В англоязычной научной литературе оно частично соответствует определению «батального фильма» (англ. combat movie), данное Джанин Бэссинджер [9]. Для полного анализа терминов, используемых различными учеными в отношении такого кино, см. диссертацию Чон Ёнгвона [10]. Следует, однако, отметить, что южнокорейское антикоммунистическое кино в целом имело ярко выраженную тенденцию к смешению различных киножанров [11] [12], что затрудняет четкое определение жанровой принадлежности некоторых фильмов.

⁴ «Культурные фильмы» (*мунхва ёнхва*, кор. 문화 영화) — документальные (либо, в некоторых случаях, полудокументальные) фильмы, которые являлись одним из инструментов осуществления культурной политики в сфере образования и просвещения. Закон о кинематографе от 1962 г. определял их как «фильмы, произведенные на основе документальных съемок и созданные с целью образовательного и культурного воздействия или изображения социальных обычаев в различных областях, таких как общество, экономика и культура» [13].

⁵ «Новостные фильмы» (*нюсы ёнхва*, кор. 뉴스 영화) — короткие документальные фильмы, снимаемые для освещения текущих событий, то есть кинохроника. Закон о кинематографе от 1963 г. определял их как «фильмы, созданные для быстрого и точного освещения текущих событий в различных областях, таких как политика, экономика, общество и культура» [14].

⁶ К примеру, см. монографию «Военная машина Голливуда: американский милитаризм и популярная культура», одна из глав которой посвящена таким тенденциям в разных жанрах американского кинематографа (вестерну, нуару и т. д.) [15. Р. 36–63].

Институциональные аспекты милитаризации культуры во время правления Пак Чонхи и южнокорейский кинематограф

В отличие от предшествующего ему режима Ли Сынмана (1948–1960), Пак Чонхи, придя к власти в 1961 г., впервые начинает осуществлять *систематическую* культурную политику. В определенном смысле кинематограф находился на самом острие такой политики, так как еще с самого начала своего зарождения режим военных использовал его как передовое средство для просвещения и мобилизации масс⁷ — что, в свою очередь, неизбежно находилось в плотной спайке с диссеминацией государственной идеологии. О полноценной кинополитике свидетельствует и ряд мер, принятых военными практически сразу же после прихода к власти: принятие первого в истории Республики Корея Закона о кинематографе (1962 г.), создание Национальной киностудии (кор. 국립 제작소) в 1961 г. и, несколько позже, реорганизацию Киностудии вооруженных сил (кор. 국군 영화 제작소) в 1963 г. Эти две киностудии в дальнейшем будут основными производителями «культурных фильмов» и новостных выпусков, где тема вооруженных сил Республики Кореи в купе с вопросами безопасности и войны будет затрагиваться особенно часто.

До рассмотрения особенностей институционального контроля за сферой кино целесообразно взглянуть на более широкую рамку государственного управления. Ключевую роль в построении *антикоммунистической системы* играли два закона: действующий с 1948 г. Закон о национальной безопасности и принятый практически сразу после прихода Пак Чонхи к власти Антикоммунистический закон 1961 г. Оба этих закона уделяют особое внимание любым действиям, совершаемым в интересах «антигосударственных организаций», под чем преимущественно подразумевалась КНДР. Закон о национальной безопасности наказывает, к примеру, «членов антигосударственной организации и лиц, получивших от нее указание подстрекать или пропагандировать преступления», совершаемые с целью ее «добровольной поддержки» [17]. Аналогичные пункты могут быть найдены и в четвертой статье Антикоммунистического закона⁸.

⁷ Сразу после прихода Пак Чонхи к власти в результате военного переворота было создано множество «культурных фильмов», которые оправдывали сам переворот и пропагандировали политику, проводимую военными, к примеру «Сборник публичных обещаний революции» (кор. 혁명공약종합판), «Наша армия» (кор. 우리 국군), «Так больше нельзя» (кор. 다시는 이래서는 안 되겠다), «Ради построения новой страны» (кор. 새 나라 건설을 위하여), «90 дней революции» (кор. 혁명 90일) и др. [16]

⁸ Этот параграф включал в себя следующие пункты: 1) Лицо, восхваляющее, поощряющее или сочувствующее деятельности антигосударственной организации или ее членов, либо иным образом приносящее пользу антигосударственной организации, подлежит наказанию в виде лишения свободы до 7 лет. То же самое относится к тем, кто создает такую организацию или вступает в нее с целью совершения таких действий. 2) Лицо, которое производит, импортирует, копирует, хранит, перевозит, распространяет, продает или приобретает документы, чертежи и др. с целью совершения действий, указанных в предыдущем параграфе, также подлежит указанному выше наказанию [18].

Крайняя размытость этих пунктов давала государству широкий простор для интерпретации и создавала возможность применять их к разным сферам общественной жизни, включая культуру. Тем самым эти законы закладывали основы для идеологического контроля и в сфере кино. Показательно, что Закон о кинематографе содержал в себе более конкретно определенные цензурные пункты⁹, однако по отношению к нему Закон о национальной безопасности и Антикоммунистический закон вне всяких сомнений играли основополагающую роль.

Цензура военного кинематографа по причине его особой значимости для государственной идеологии изначально осуществлялась в гораздо более строгом порядке в сравнении с «обычными» фильмами типа семейных мелодрам, и в этом процессе активное участие (помимо формально ответственного за это Министерства культуры) принимали и спецслужбы (Корейское центральное разведывательное управление, КЦРУ) и Минобороны. Так, один из первых случаев участия КЦРУ в обсуждении «проблемных сцен» фильма относится уже к сентябрю 1961 г. [19. С. 45] Тем не менее, до определенного времени цензура носила сравнительно скрытый характер (примечательно, что даже в Законе о кинематографе от 1962 г. слово «цензура» (кор. 검열) отсутствовало, вместо этого надлежало проводить лишь «обсуждение/рассмотрение» (кор. 심의) фильма). В целом, в условиях относительной свободы художественного самовыражения первой половины 1960-х гг., цензура практически не являлась предметом общественной дискуссии. Положение дел, однако, меняется в 1965 г., когда происходит крупный скандал с военным фильмом Ли Манхи «Семь женщин-военнопленных» (кор. 7인의 여포로).

Фильм, повествующий о северокорейце, который спасает пленных южнокорейских женщин-солдат от надругательства со стороны китайских военных и впоследствии вместе с ними совершает побег на Юг, изначально успешно прошел цензуру и получил разрешение на показ [4. С. 474–475]. Тем не менее, уже снятое кино привлекло внимание КЦРУ, предъявившее Ли Манхи обвинение в нарушении Антикоммунистического закона (упомянутого выше п. 4) по следующим пунктам: сентиментальный национализм, изображение южнокорейской армии как слабой, восхваление северокорейских солдат и преувеличение тягот, с которыми сталкивались *янгончжу*¹⁰ [20]. Ли Манхи

⁹ Так фильм запрещался к показу, когда было «признано, что была нарушена Конституция Республики Корея или национальный престиж страны был подорван» (пункт 1), «признано, что международная дружба может быть подорвана неуважением к обычаям или национальным чувствам „свободных дружественных стран“» (пункт 3), «признано, что существует риск подстрекания преступного деяния путем оправдания или героизации оно, либо подробного изображения способа его совершения» (пункт 10) и т. д. [13]

¹⁰ *Янгончжу* (кор. 양공주, дословно «западная принцесса») — уничижительным термин, употребляемый в отношении занятых в сфере проституции женщин, чьими клиентами преимущественно были американские солдаты, дислоцированные в Республике Корея после Корейской войны.

был на несколько месяцев помещен в тюрьму и впоследствии был признан виновным (хотя и исполнение его наказания было отсрочено), а сам фильм был кардинальным образом перемонтирован и вышел под другим названием, «Вернувшиеся женщины-солдаты» (кор. 돌아온 여군)¹¹.

Помимо символического закрепления права государства на цензурное вмешательство случай «Семи женщин-военнопленных» ясно подтверждал и иерархию законов, составляющих антикоммунистическую систему, ведь Ли Манхи обвинили в нарушении более «фундаментального» Антикоммунистического закона, а не отдельных цензурных статей Закона о кинематографе. Широта скандала вокруг этого фильма имела большое значение для дальнейшей судьбы военного кинематографа в Республике Корея. Кинокомпаниями и режиссерам посылался четкий сигнал о необходимости проявлять крайнюю осторожность при съемках фильмов на чувствительные темы либо же вовсе отказываться от них [22. С. 94] — что в особенности касалось темы Корейской войны.

Тем не менее, кинополитика власти не сводилась только лишь к цензуре. Начиная с первого Закона о кинематографе ее основу составляли, с одной стороны, контроль за количеством кинокомпаний (через систему их обязательной регистрации), с другой — ограничение импорта зарубежного кино (через систему импортных квот, которые можно было получить только от государства). С принятием новой версии этого закона в 1966 г. правительство ужесточило протекционистскую кинополитику, еще сильнее ограничивая импорт зарубежного кино и время его показа, а также законодательно обязывая показывать больше фильмов южнокорейского производства [23]. Помимо этого усиливалась и цензура, которая стала двойной — на этапе сценария и уже готового фильма. Наконец, система импорта зарубежного кино связывалась с производством фильмов внутри страны: теперь кинокомпаниям необходимо было произвести определенное количество фильмов, чтобы получить право на импортную квоту.

Такая политика, однако, привела к обратным результатам: вместо поддержки местного кинорынка она его деформировала, лишь заставив кинокомпании производить больше некачественных фильмов ради получения квот на импорт зарубежного кино, которое, будучи гораздо популярнее корейского, окупалось больше¹² [24. С. 208–216]. Под предлогом борьбы с такой ситуацией в 1970-е гг. была введена система квот на производство фильмов, которая не только ограничивала годовой объем производимого внутри страны кино, но и требовала, чтобы киностудии получали квоты на съемки

¹¹ Обе версии фильма не сохранились, однако сравнительный анализ их сценариев, включая цензурные правки, был проведен Ким Чжими [21. С. 542–546].

¹² Иностраные военные фильмы, в основном импортируемые из США и европейских стран, также пользовались значительно большей популярностью по сравнению с южнокорейскими военными кинолентами. Примеры таких фильмов включают в себя «Мост через реку Квай», «Бригаду дьявола», «Поезд фон Райена» и «По методу Харма».

любого фильма; при этом продвигалось создание работ, уделяющих первостепенное внимание вопросам «национальной безопасности» [Там же. С. 252–253]. Помимо усиления цензурного контроля на практике в 1973 г. был принят и новый Закон о кинематографе, который ужесточил критерии создания киностудий, обязав каждую из них получать специальное разрешение на деятельность от Министерства культуры [25].

Параллельно с этим государство делало попытки дополнительно усилить стимулы для производства антикоммунистических фильмов в целом. Так, с 1966 г. в рамках государственной премии «Большой колокол» вводились призы за лучший антикоммунистический фильм и за лучший сценарий антикоммунистического фильма, получение которых давало право на получение дополнительной импортной квоты. Значительная часть таких антикоммунистических *усу ёнхва* («выдающихся, превосходных фильмов») была связана с темой Корейской войны. Показательно, что большое число антикоммунистических кинокартин представляли из себя лишь инструмент для получения дополнительных квот на импорт зарубежного кино и, будучи некачественными, проваливались в кинопрокате.

Помимо разного рода институциональных механизмов, подталкивающих к созданию военных фильмов, сообразных с государственной идеологией, существовали и меры, стимулировавшие потребление этих фильмов. Важнейшей из них еще с начала 1960-х гг. была так называемая «система обязательного показа „культурных фильмов“», сущность которой состояла в том, что до просмотра любого фильма в кинотеатрах зрителям сначала надлежало посмотреть один из «культурных фильмов», в числе которых было кино, затрагивающее военную тему. Элементы этой системы существовали ранее [16], но с принятием Закона о кинематографе в 1962 г. она была окончательно закреплена законодательно (см. пункт 11) [13], тем самым распространившись на все кинотеатры в стране. В новой редакции этого закона от 1963 г. к этому добавился обязательный показ «новостных фильмов» (также см. пункт 11) [14]. Помимо этого проводились обязательные показы военного кино и фильмов, созданных Киностудией вооруженных сил, для мужчин, проходящих обязательную военную службу, а также студентов и школьников¹³. С распространением телевидения часть художественных и документальных военных фильмов демонстрировалась и там, в том числе и в прайм-тайм [28. С. 191–193].

¹³ К примеру, как указывает Чон Сониль, фильмы, выпущенные государственной Компанией по продвижению кинематографа Республики Корея в 1970-е гг., использовались в рамках антикоммунистического образования путем проведения групповых просмотров в учебных заведениях [26] — он же упоминает военный фильм «Свидетельство» (1973), который в обязательном порядке демонстрировался во всех школах [27]. Подавляющая часть военных фильмов допускалась к просмотру школьниками, имея соответствующий возрастной рейтинг (кор. 국민학생 이상).

От Корейской войны до войны во Вьетнаме: политическая логика репрезентации войны в кино

Рассматривая практики коммеморации Корейской войны в Республике Корея в 1980-е и 1990-е гг., Шейла Миёси Джагер пишет о том, что «официальная память о Корейской войне всегда существовала внутри дискурса национального самоопределения, нацеленного на поддержание легитимности Государства» [29. С. 118]. Нарратив о Корейской войне действительно был одним из ключевых элементов поддержания легитимности военного режима Пак Чонхи, что предопределило не только строгий контроль за ним, но и поддержку соответствующих ему образов войны.

Как отмечает Ким Гвонхо, южнокорейский кинематограф начинает полноценно затрагивать тему войны именно после прихода к власти военных, что прежде всего происходило из *политической необходимости* [30. С. 90]. Институциональные рычаги контроля за сферой кино, обсуждавшиеся выше, делали эффективным регулирование этой сферы, но даже в условиях их недостатка, на раннем этапе становления режима военных, власть могла запретить те фильмы, которые она сочла субверсивными¹⁴. С другой стороны, на начало 1960-х гг. Корейская война оставалась событием, которое большая часть корейцев застали своими глазами, что предопределило интерес к этой теме на экране, в особенности в формате «больших» военных картин. Таким образом, сочетание интереса к этой теме и со стороны власти, и со стороны обычных зрителей делало лишь вопросом времени удовлетворение такого спроса кинокомпаниями.

Первой (и относительно малобюджетной) картиной, которая продемонстрировала коммерческий потенциал военной темы на экране, стал фильм «Пять морпехов» (кор. 5인의 해병) Ким Гидока, вышедший в 1961 г. Оценивая роль этого фильма, Сим Эгён резюмирует, что именно его успех показал реальную возможность материальной поддержки со стороны военных (взрывчатки, оружия, боеприпасов, солдат в качестве массовки и т. д.) при съемках таких фильмов¹⁵, что способствовало возобновлению интереса к этому жанру кино со стороны кинокомпаний [12. С. 185]. Уже в следующие несколько лет выходит ряд кинокартин,

¹⁴ С этой точки зрения крайне симптоматично, что одним из фильмов, которому было отказано в показе практически сразу после прихода военных к власти, стала «Шальная пуля» (кор. 오발탄) Ю Хёнмока, которая не только открыто показывала бедность послевоенной Республики Корея, но и изображала ветеранов Корейской войны как потерянных и травмированных людей, далеких от образов героев.

¹⁵ Тем не менее, стоит отметить, что подобная ситуация была характерна для художественных военных фильмов и до этого, к примеру, фильм «Пхиаголь» (кор. 피아골) 1955 г. получил помощь со стороны полиции провинции Северная Чолла и Министерства внутренних дел [31. С. 72], однако в то время масштабы такой поддержки были гораздо меньше, нежели в 1960-е гг.

сделанных при активной поддержке Минобороны. К ним прежде всего относятся два наиболее влиятельных и популярных у зрителей фильма «Морпехи, которые никогда не вернулись домой» (кор. 돌아오지 않는 해병, Ли Манхи, 1963) и «Красный шарф» (кор. 빨간 마후라, Син Санок, 1964). Именно финансовый успех этих кинокартин стал примером для множества фильмов второго эшелона, таких как «Матросы YMS 504» (кор. YMS 504의 수병, Ли Манхи, 1964), «Грозный орел» (кор. 성난 독수리, Ким Ги, 1965), 8240 K.L.O (Чон Чжину, 1966), «Инчхонская десантная операция» (кор. 인천 상륙작전, Чо Гынха, 1965) и «Кровавая гора Куволь» (кор. 피어린 구월산, Чхве Мурён, 1965).

Подъем военного кинематографа, случившийся в первой половине 1960-х гг., имел две важные импликации. С одной стороны, художественные военные фильмы снимались частными кинокомпаниями, но создание масштабного военного фильма было де-факто возможно только при государственной поддержке, что не могло не накладывать дополнительные ограничения на режиссеров¹⁶. С другой стороны, сотрудничество с государством было выгодно: дополнительные бюджеты и господдержка делали возможными формальные новшества и уникальность сеттинга таких фильмов, что выгодно выделяло их не только на фоне технологически несовершенных военных фильмов 1950-х гг. [33. С. 335], но и других фильмов первой половины 1960-х гг. Одной из уникальных особенностей таких военных фильмов была их визуальная зрелищность, часто восхваляемая в прессе: так стоит особенно отметить масштабные батальные сцены в «Морпехах, которые никогда не вернулись домой», передовую на то время съемку воздушных сцен и использование цветной пленки в «Красном шарфе» и одно из первых «добросовестных изображений боевых действий на море» [11. С. 30] в «Матросах YMS 504». Идеологический эффект таких фильмов хорошо описывался в одной из газетных статей того времени, которая писала о зрелищности и привлекательности таких фильмов для зрителей и отмечала, что они «помогают в распространении идей победы над коммунизмом (кор. 승공) и антикоммунизма у нации и способствуют большему пониманию [важности] армии. По этой причине военные власти зачастую оказывают им существенную поддержку, из-за чего эти фильмы и достигают таких результатов» [34].

Дальнейшая траектория развития южнокорейского военного кинематографа еще более отчетливо показала влияние государства. В конце

¹⁶ В первой половине 1960-х гг. такая поддержка, судя по всему, оказывалась, основываясь на личных договоренностях, однако в 1965 г. Министерством обороны было принято «Положение о поддержке производства фильмов на военную тематику», где указывалось, что кино, получающее поддержку, должно было «пропагандировать боевой дух», «содействовать развитию военной культуры» и т. д. [32]

1964 г. Республика Корея объявляет о своем участии во Вьетнамской войне, и уже в 1965 г. во Вьетнам отправляются первые боевые подразделения южнокорейцев. Военное участие страны начинается активно освещаться при помощи кинохроники и «культурных» фильмов, которые в основном производились государственными киностудиями¹⁷. Появляются и создаваемые частными студиями художественные фильмы, которые пользовались всесторонней государственной поддержкой, что напрямую говорило о политическом значении такого кино. Так уже на этапе подготовок съемок первого южнокорейского художественного фильма про Войну во Вьетнаме под названием «Операция „Свирепый тигр“» (кор. 맹호작전), Министерство культуры РК, обращаясь к послу США за поддержкой, обосновывало ее необходимость тем, что «психологическое значение такого кино будет заключаться в том, что оно поможет подготовить публику к дислокации войск во Вьетнаме» [19. С. 281].

Тем не менее, несмотря на обильное документальное освещение, война во Вьетнаме никогда не была популярной темой в южнокорейском обществе, и во многом воспринималась как далекая и неактуальная, что впоследствии приведет к феномену «забытой войны». Более того, количество художественных фильмов о ней не только в несколько раз уступало фильмам про Корейскую войну, но и в целом было крайне мало (согласно подсчетам Ким Гвонхо, за 1960–70-е гг. было снято лишь 7 (!) таких фильмов [30. С. 91–94]), хотя попытки по их созданию делали такие известные и признанные режиссеры, как Ли Манхи¹⁸. Более того, за исключением нескольких ранних фильмов («Операция „Свирепый тигр“») они были непопулярны у зрителей.

Несмотря на то, что Вьетнамская война оказала большое влияние на милитаризацию повседневности в Республике Корея [2. С. 26], ее художественное влияние на кинематограф (в том числе и документальный) было минимальным: как показывает Пак Сонъён, большая часть паттернов изображений войны переходит оттуда из фильмов про Корейскую войну, что многократно подчеркивалось как формальными, так и нарративными методами [28. С. 200–215]. Более того, сам «бум» документальных

¹⁷ Из кинохроник, выпускаемых Национальной киностудией, следует выделить, во-первых, «Вести из Вьетнама» (кор. 월남 소식) как часть выпусков «Новостей Кореи» (кор. 대한 뉴스), во-вторых, разного рода документальные фильмы, посвященные Вьетнамской войне. Параллельно с этим существовала и кинохроника, выпускаемая киностудией Министерства обороны: «Вьетнамский фронт» (кор. 월남 전선, 1966–1975), «Новости национальной обороны» (кор. 국방 뉴스, 1966 — н. в.) и, наконец, «Знаменосцы Кореи» (кор. 배달의 기수, 1970–1989). Киностудия при Минобороны также выпускала *мунхва ёнхва*.

¹⁸ Ли Манхи снял несколько фильмов о войне во Вьетнаме: «Холод и жар» (кор. 냉과 열, 1966), «Мужчина в камуфляже» (кор. 얼룩 무늬의 사나이, 1967) и «Мост через реку Кобои» (кор. 고보이강의 다리, 1970), который является редким случаем художественного фильма, снятого на киностудии при Министерстве обороны РК.

фильмов о Вьетнамской войне оказывается относительно кратковременным и быстро сходит на нет — уже к 1968 г. их количество резко падает, и доминирующим содержанием передач вновь становится тема Корейской войны¹⁹.

Фильмы про войну во Вьетнаме не смогли заполнить лауну, которая начала образоваться в военном кинематографе во второй половине 1960-х гг., когда начался заметный спад производства военных фильмов, о чем свидетельствуют статистика, собранная Ким Гвонхо [30. С. 91–94] и Чо Чжунхёном [33. С. 345]. Чон Ёнгвон отмечает, что военные фильмы конца десятилетия теряют свою жанровую специфику: большая их часть, за исключением «Отчаянной операции» (кор. 결사대작전, 1969), мало чем отличалась от «обычных» антикоммунистических фильмов, где элемент «военного экшна» и показа самих военных действий был сведен к минимуму [10. С. 186–187]. Кризис жанра также проявился в провалившихся попытках создать сиквелы или делать явные ссылки на кино, которое положило начало волне военных фильмов, как это видно в фильмах «Спецотряд и морпехи, которые никогда не вернулись домой» (кор. 특공대와 돌아오지 않는 해병, 1970), «Эскадрилья, летящая на Пхеньян» (кор. 평양폭격대, 1971) и «Мужчина в красном шарфе» (кор. 빨간 마후라의 사나이, 1972).

Введение политически репрессивной системы Юсин в 1972 г. и последовавшее за этим ужесточение кинополитики привели к тому, что количество частных киностудий уменьшилось практически в два раза [24. С. 251]. На фоне этого государство делает попытку реорганизации кинопроизводства военных фильмов путем создания государственной Компании по продвижению кинематографа Республики Корея (КПКРК) (кор. 영화 진흥 공사). Под ее эгидой делается попытка снять несколько «больших» художественных фильмов про Корейскую войну: «Свидетельство» (кор. 증언, 1973) и «Я не буду плакать» (кор. 울지 않으리, 1974) Им Гвонхэка и «Цветы дикие хризантемы» (кор. 들국화는 피었는데, 1974) Ли Манхи. Мотивация создания этих кинокартин носила отчетливо политический характер, так как все они должны были «продвигать воплощение идей Юсин в жизнь» [Там же. С. 227]. Однако несмотря на то, что эти фильмы получают огромную по тем временам финансовую поддержку со стороны государства, все они, за исключением «Свидетельства», полностью проваливаются в прокате [Там же. С. 229]. В дальнейшем попытки частных кинокомпаний произвести

¹⁹ У такого спада было несколько причин: как внешнеполитических (изменение позиции США касательно войны; усиление критики американских военных другими странами), так и внутренних (усиление цензурного и идеологического контроля; приход телевидения, который сделал производство таких фильмов слишком невыгодным; кадровые проблемы) [35. С. 70–73].

крупномасштабные военные фильмы во второй половине 1970-х гг. оказались по большей части тщетными²⁰.

Вместе с этим политические изменения в стране неизбежно оказывают влияние и на тональность милитаризированного кинематографа. Так в «культурных фильмах» начинает более агрессивно подчеркиваться важность национальной безопасности в контексте противостояния с Северной Кореей. *Мунхва ёнхва* того времени в значительной степени представляли из себя фильмы, которые «напоминают об ужасах Корейской войны или пропагандируют преодоление национальных кризисов, показывают текущее состояние межкорейского противостояния и обороноспособности Республики Корея» [38]. Немногие художественные фильмы, которым удалось привлечь внимание зрителей (в частности, упомянутое выше «Свидетельство» или «Добровольческий отряд студентов» (кор. 학도의 용군) 1977 г.), также показывают северокорейцев как «злых и жестоких существ» [39. С. 29]. Ким Мёнсин так резюмирует основную идею этих фильмов: «война — это борьба, где есть очевидный враг, и главная эмоция [во время] войны — это чувство неприязни к нему» [Там же].

Тем не менее, к 1970-м гг. южнокорейские зрители практически полностью теряют интерес к военному кинематографу, у чего были и структурные причины: смена главной аудитории кинематографа на молодых мужчин и женщин («поколение хангыля»), которые не застали Корейскую войну и были меньше заинтересованы в военном кино, приход телевидения и усталость зрителей от жанровой однотипности таких фильмов [8. С. 368]. Кроме этого, низкое качество военных фильмов, созданных государством, было обусловлено неэффективным управлением КПКРК [40], их чрезмерной идеологизацией [41] и жесткими цензурными ограничениями вкуче с повышенным надзором за производством, что достигло своего пика во второй половине 1970-х гг., когда Комитет по составлению военной истории Министерства обороны начал проверять все военные фильмы на «соответствие историческим фактам» [42].

По существу, на протяжении всего периода правления Пак Чонхи в основе поддержки и продвижения государством военного кинематографа лежала политическая логика, она же была ключевым фактором *динамики*

²⁰ Так большинство военных фильмов второй половины 1970-х гг. смешивали элементы «шпионского кино» с тематикой Корейской войны, ярким примером чего были фильмы *Соль Тхэхо*, например «Секретная операция в Вонсане» (кор. 원산공작, 1976), «Миссия Кэнон-Чхончжин» (кор. 캐논청진공작, 1977) и «Третья миссия» (кор. 제3공작, 1978). Одним из немногих исключений из этого правила был военный фильм Им Гвонтхэка «Течет ли Нактонган?» (кор. 낙동강은 흐르는가, 1976), который хвалили за реалистичные и хорошо поставленные боевые сцены [36]. Однако, несмотря на значительную поддержку и контроль со стороны Министерства обороны, фильм столкнулся с негативной реакцией цензурных органов, и его показ был приостановлен вскоре после премьеры [37. С. 428], что существенно сказалось на способности привлечь зрителей.

производства таких фильмов. Однако если на ранних этапах, когда режиму военных необходимо было установить свою легитимность, она сочеталась с массовым интересом к фильмам о Корейской войне, то усиление вмешательства государства в рынок кино привело к удалению рыночных факторов и выходу на передний план политических аспектов таких фильмов. Одной из наиболее важных практических задач такой кинополитики государства была милитаризация мужской идентичности южнокорейцев через образы солдат армии РК, которая сочеталась с активизацией мер по борьбе с хронической проблемой уклонения от призыва — что достигло своего пика именно в 1970-е гг. [2. С. 52].

Образ врага и дилемма милитаризованной маскулинности и насилия в художественных фильмах о войне

Несмотря на указанные выше количественные и качественные различия военных фильмов 1960-х и 1970-х гг., их общей чертой является галерея образов, которые они предлагали зрителю — а именно, образов «своих» (южнокорейских солдат) и «чужих» (северокорейцев). Такое разделение являлось одной из основ антикоммунизма как «стратегии исключения» [3. С. 202], и для военного кино, неизбежно служившим отражением матрицы государственной идеологии, будет особенно важен образ врагов-коммунистов. Их надлежало показывать жестокими, отрицательными персонажами, как угрозу, которую необходимо уничтожить. С этой целью южнокорейские военные фильмы часто используют общую для жанра стратегию изображения врагов, сеющих разруху и причиняющих беспричинное, бесчеловечное насилие, например, в форме массового убийства беззащитных гражданских, особенно жестоко представленного в военных фильмах 1970-х гг.

Однако соблюдение таких канонов жанра наталкивалось на ряд противоречий. Во-первых, как верно отмечает Ким Чхонган, образ врагов, совершающих жестокие действия, может привести к обратному эффекту подчеркивания их маскулинности [43. С. 98], тем самым подрывая задуманное изображение противника с более слабой маскулинностью. Одновременно с этим, согласно общей логике военного кино, врагов следует изображать как опасных противников, так, чтобы победа над ними была нелегка, поскольку «изображение сильного врага необходимо для легитимизации войны и ее ужасных последствий» [15. С. 37]. Во-вторых, северокорейцы и южнокорейцы принадлежали к одной, пусть и разделенной, нации, что предопределило возможность гуманизации врага, усложнения его характера, элементы чего уже встречаются в некоторых фильмах 1950-х гг., например, «Пхиаголь» 1955 г. [44. С. 148–160] В этом смысле «Семь женщин-военнопленных» можно рассматривать как одну из наиболее заметных попыток гуманизировать северокорейского солдата, показав, что принадлежность к общей корейской

нации и чувство справедливости становится для него выше идеологических различий.

Универсальным решением этих противоречий стала стратегия обезличивания таких персонажей, то есть лишения их индивидуальных черт и удаление на периферию кинонарратива в качестве второстепенных персонажей-функций, зачастую как «объектов», подлежащих уничтожению²¹. С одной стороны, эта стратегия убирала большую часть «человеческих» черт характера, которые могли вызвать сочувствие у зрителей, с другой стороны — принципиальная невозможность диалога со врагом скрывала его внутренние мотивы, избавляя фильмы от необходимости затрагивать саму идеологию коммунизма, что также могло представлять опасность [31. С. 74]. В этом смысле «поверхностное изображение антикоммунистов», приводящее «к противоположному эффекту уменьшения убедительности [таких фильмов]» [41], за которое часто критиковался военный кинематограф 1970-х гг., было вынужденным выбором режиссеров и кинокомпаний, обусловленным требованиями государства.

Обезличивание выполняло и другую важную функцию — оно делало насилие более «распыленным» внутри фильма, не присущим тем или иным негативным персонажам, примером чего могут послужить «безликие» орды врагов в «Морпехах, которые никогда не вернулись домой». Вершиной такой стратегии объективации противника был образ вражеского танка, наиболее часто встречаемый в военных фильмах 1970-х гг. («Свидетельство», «Цветы дикие хризантемы», «Течет ли Нактонган?»)²². Он идеально вписывался в такую стратегию репрезентации, так как показывал врага как опасного, несущего с собой разрушение и насилие, но устранял проблему его изображения как человека, как мужчины, который может обладать маскулинностью.

Хотя стратегия изображения «безликих врагов» является распространенной в фильмах о войне (например, она присутствует в американском батальном кино времен Второй мировой войны [9. Р. 60–62]), южнокорейский случай имел иные идеологические предпосылки для такого выбора, учитывая уникальную ситуацию разделенной нации. Более того, в голливудском военном кино 1940-х гг. можно найти множество исключений из этого правила; оно также показывало и то, что изображение врагов в целом может усложниться с развитием жанра: уже в американских фильмах о Корейской войне 1950-х гг.

²¹ Похожая логика лежала и в ставшим популярным во второй половине 1960-х гг. «шпионском кино», которое изображало коммунистов лишь в качестве «объектов», которые должны быть пойманы полицией или спецагентами [31. С. 80].

²² Фильм «Цветы дикие хризантемы» особенно известен своим изображением танка, Чо Чжунхён пишет о том, что «самая впечатляющая часть этого фильма — это [изображение] движущихся танков, которые мгновенно превращают здания, поля и даже людей в пыль. Не будет преувеличением сказать, что главным героем первой части этого фильма является танк» [33. С. 366].

часто фигурирует враг, к которому относятся «с бóльшим уважением», у которого «есть идеология, которую необходимо обсуждать и отвергать» [Ibid. 177], воплощенную, например, в «Стальном шлеме» (1951) [Ibid. 182], что было невообразимо в южнокорейском военном кино времен Пак Чонхи.

Причины, по которым аспекты «гуманизации» и «наделения характером» были настолько нежелательны для власти, нуждаются в дополнительных пояснениях. Прежде всего, как показывает Ю Сынчжин, «наделение характером» само по себе не всегда было проблематично [4. С. 469–472]. В начале 1965 г., когда разразился скандал с «Семью женщинами-военнопленными», на экраны вышла военная драма «Юг и Север» (кор. 남과 북), где главным героем также является северокорейский солдат. Этот фильм, повествующий о том, как майор армии КНДР Чан Ильгу перебегает на юг в поисках своей возлюбленной и сдается в плен, успешно прошел цензуру и не только не привлёк к себе внимание со стороны спецслужб, но и получил широкий зрительский отклик. Ю Сынчжин видит в этом признак того, что цензурный процесс не осуществлялся в соответствии со строгими критериями закона и внутренне непротиворечивой внутренней логикой, а был подвержен влиянию множества внешних факторов, которые, в свою очередь, были способны сами формировать новую логику цензуры [Там же. С. 472], которая действительно окончательно оформилась после скандала с «Семью женщинами-военнопленными».

Тем не менее, с нашей точки зрения, логику таких цензурных решений можно увидеть, рассмотрев эти фильмы с точки зрения качества, наиболее важного для военного кинематографа: репрезентации милитаризованной маскулинности²³. «Юг и Север» не столкнулся с проблем с цензурой как раз потому, что милитаризованная маскулинность северокорейца здесь была минимизирована: Чан Ильгу сдается в плен и не представляет никакой опасности, а его образ как прежде всего субъекта чувствующего, а не идеологически заряженного — готового раскрыть местоположение северокорейских войск в обмен на встречу со своей возлюбленной — еще больше нейтрализует его милитаризованную маскулинность солдата.

С этой точки зрения фильм «Семь женщин-военнопленных» вызвал пристальное внимание КЦРУ как раз из-за того, что в нем северокореец спасает южнокорейских женщин-солдат, противостоя китайским солдатам — то есть открыто манифестирует свою милитаризованную маскулинность в результате акта насилия, совершаемого с целью защиты женщин. Это подтверждается и тем, что для КЦРУ одним из наиболее проблемных отрывков этого фильма была сцена, где южнокорейские женщины-солдаты, благодаря северокорейца за спасение, отдают ему честь, тем самым подтверждая армейскую иерархию.

²³ Под милитаризованной маскулинностью мы понимаем такие качества как физическая сила, агрессия, смелость, способность к насилию, готовность жертвовать собой и т. д., которые существуют в контексте войны и военной службы, где «формируются прямые связи между гегемонными маскулинностями и мужскими телами» [45].

Более того, в обвинительном заключении суда напрямую указывалось, что фильм «манипулятивно изображает [северокорейца] как отважного солдата, который ставит любовь к нации выше коммунизма» [21. С. 542].

Как отмечает Ли Хана, само по себе изображение северокорейцев как главных героев антикоммунистического кино было опасным [31. С. 78–79], однако если драмы, разворачивающиеся на фоне Корейской войны, вплоть до конца 1960-х гг. допускали относительно «сложные» образы северокорейцев, то военный кинематограф, изображающий прежде всего северокорейских и южнокорейских солдат, был намного более жестким в плане идеологического контроля. Тезис Ю Сынчжина верен в том смысле, что запрет любого фильма с главным-героем северокорейцем зависел от рвения цензоров, но репрезентация милитаризованной маскулинности была одним из наиболее важных факторов в принятии таких решений. Так, среди цензурных документов касательно «Юга и Севера» можно найти записку Министерства внутренних дел РК, в которой высказывалось мнение, что фильм изображает северокорейского солдата как «мужественного и смелого» и «героизирует коммунистов, показывая северокорейского майора в качестве главного героя», и выражалось опасение, что у «поверхностной публики» останется хорошее впечатление об армии КНДР [4. С. 476]. Однако то, что фильм не был снят с показа, говорило о том, что такое мнение не разделялось другими цензурными органами.

В основе всех военных фильмов лежала, прямо или косвенно, логика сравнения милитаризованной маскулинности северокорейских и южнокорейских солдат, и маскулинность последних всегда должна была быть сильнее. Оба приведенных выше документа демонстрируют эту связь: в случае «Семи женщин-военнопленных» фильм, помимо «героизации северокорейцев», обвинялся и в «изображение южнокорейской армии как слабой» [20], а записка по поводу «Юга и Севера» включала в себя пункт о том, что «по сравнению с майором армии КНДР капитан южнокорейской армии демонстрирует признаки слабости» [4. С. 476]. От наиболее проблемного военного фильма 1970-х гг. «Течет ли Нактонган?» также требовали исправить сцены, где «враг был показан „бросающимся в глаза“ и сильным, а южнокорейские солдаты — слабыми и нерасторопными» [37. С. 428]. В этом смысле большинство военных фильмов допускали лишь эпизодические проявления сочувствия к противнику, милитаризованная маскулинность которого была минимизирована — например, в образе юного и испуганного северокорейца, сдающегося в плен в «Цвели дикие хризантемы», или молодого северокорейского солдата, плачущего на поле боя после бойни, вспоминая ужасы, сотворенные северокорейцами, в «Свидетельстве».

На фоне этого репрезентации милитаризованной маскулинности южнокорейских солдат следовали, как пишет Ким Чхонган, по большому счету двум паттернам: в первом случае герои уже обладают ей и выставляют

напоказ, совершая героические поступки; во втором случае солдаты, которым такой маскулинности не достаёт, должны обрести ее по ходу боевых действий [43. С. 98–99]. Большинство военных фильмов делают упор на коллективизм общего дела борьбы за родину, показывая деятельность отрядов разных родов войск (морпехов в «Морпехах, которые никогда не вернулись домой», военно-морского флота в «Матросах YMS 504», летчиков в «Красном шарфе»), взаимодействие между членами которых служило идеальной средой для выражения милитаризованной маскулинности. С одной стороны, фильмы часто демонстрировали групповой героизм таких отрядов, готовность сражаться с врагом до самого конца («Кровавая гора Куволь», «8240 K.L.O», «Отчаянная операция») с другой стороны — показывали и индивидуальные героические поступки, самопожертвования («Красный шарф», «Свидетельство», «Цвели дикие хризантемы», «Течет ли Нактонган?»), что отражало не только общую грамматику военных фильмов того времени (в частности, голливудских военных фильмов 1940–50-х гг. [9. Р. 15–82] [10. С. 49]), но и две контрастирующие модели героизма, связанные с проявлениями милитаризованной маскулинности [45. С. 174].

Тем не менее, несмотря на общие базовые паттерны репрезентации южнокорейских солдат, их образы проделывают путь от более «мягких» форм первой половины 1960-х гг., где допускалось эпизодическое сомнение по отношению к войне, была более выражена тема гуманизма и присутствовала «эмоциональность, обычно присущая жанру мелодрамы» [46. С. 151], к более ригидным формам второй половины десятилетия. Одним из ключевым моментов в такой трансформации стали фильмы про Вьетнамскую войну, где описанные выше стратегии репрезентации выражены наиболее чисто: солдаты либо уже воплощали в себе милитаризованную маскулинность, как в «Мужчине из U.D.T.» (кор. *사나이 유디티*, 1969), либо ее нужно было приобрести через изнурительные тренировки и участие в боевых действиях, как в «Майоре Кан Чжэгу» (кор. *소령 강재구*, 1966) [47]. Логика контраста изображения «своих» и чужих» также была более ярко выражена и в «культурных фильмах» про Вьетнам, где «изображения экзотических пейзажей Вьетнама, „красивых“ вьетнамских женщин, которые должны быть защищены южнокорейскими военными, и „маленьких и запуганных“ вьетконговцев, подчеркивают „сильную маскулинность“ южнокорейских солдат, делая Вьетнам Другим и феминизируя его» [35. С. 70].

С конца 1960-х гг. и на протяжении 1970-х гг. контроль за изображением солдат армии РК становится многократно жестче, что прослеживается в цензурных документах. Например, один из последних важных фильмов про войну конца 1960-х гг., «Отчаянная операция» (1969), столкнулся с множеством цензурных правок, которые требовали исправить «иррациональные и „нездоровые“ сцены», удалить реплики, «выражающие негативное отношение или негодование по отношению к войне», заменив их на фразы, подчеркивающие

«более ясное чувство патриотизма» и «дисциплины», а также сделать акцент на том, что действия солдат совершаются «исключительно из патриотизма» и они идут в бой, демонстрируя «дух мужественного воина» [19. С. 479–480]. Это служило отражением того, какой образ солдата государство хотело видеть и на экране и в реальной жизни.

Заключение

Таким образом, милитаризация южнокорейского кинематографа происходила благодаря всестороннему вмешательству государства в кинопроцесс 1960-х и 1970-х гг. Осуществляемое в разных формах и разными способами, оно в конце концов привело к искривлению существующего спроса на военное кино и выходу на передний план политических, а не экономических факторов, одним из результатов чего была потеря популярности военных фильмов у зрителей к концу 1960-х — началу 1970-х гг.

Без государственной поддержки военное кино вряд ли смогло бы стать самостоятельным популярным жанром первой половины 1960-х гг., но наложенные на него идеологические ограничения, которые со временем становились все сильнее, ограничивали творческие возможности для его переосмысления, в результате чего к концу 1960-х гг. этот жанр оказался в тупике. Используя различные инструменты, в 1970-е гг. государство попыталось искусственно продлить срок его существования, поскольку рассматривало его как важный инструмент для достижения своих целей по милитаризации южнокорейского общества.

Главный фокус южнокорейского военного кинематографа состоял в том, как показывались образы «своих» и «чужих», а его ключевой характеристикой была репрезентация милитаризованной маскулинности. В таком кино закрепляется жестокий, но обезличенный образ врага, который не представлял из себя полноценного антагониста, обладающего маскулинностью. В противовес этому южнокорейские солдаты показывались как индивидуализированные герои, либо уже обладающие более сильной маскулинностью, либо получающие ее по ходу киноповествования.

Библиографический список

1. O Je-yeon. Byeongyeong sahoewa gunsajuui munhwa. [The Barracks Society and the Culture of Militarism]. In *Hangug hyeondae saenghwalmunhwasa 1960nyeondae: geundaehwawa geundaehwa*. [History of Everyday Life in the Republic of Korea, 1960s: Modernization and Militarization]. Seoul: Changbi; 2016, p. 191–212. (In Korean)
2. Moon S. *Militarized Modernity and Gendered Citizenship in South Korea*. Durham, N.C.: Duke University Press; 2005.
3. Lee Hana. 1950~60nyeondae bangongjuui damnongwa gamseongjeongchi. [Anticommunist Discourse and Politics of Affect]. *Sahoewa yeoksa*. 2012;(95):201–241. (In Korean)

4. Yu Seung-jin. Bangongui gamgakgwa buronui jeongchihag — Park Chung-hee cheje hui bangong yeonghwareul ingneun bangbeomnone daehan gochal. [A Sense of Anti-Communism and the Politics of Subversiveness — A Study on How to Read Anti-Communist Films under Park Chung-hee's Regime]. *Daejung seosa yeongu*. 2015;21(2):451–487. (In Korean) <https://doi.org/10.18856/jpn.2015.21.2.014>
5. Moon S. Begetting the Nation: The Androcentric Discourse of National History and Tradition in South Korea. In Kim E., Choi C, editors. *Dangerous Women: Gender and Korean Nationalism*. New York: Routledge; 1997, p. 33–66.
6. Willems E. *A Way of Life and Death: Three Centuries of Prussian-German Militarism: An Anthropological Approach*. Nashville, Tenn.: Vanderbilt University Press; 1986.
7. Yeom Chan-hee. 1960nyeondae hangugyeonghwau 'geundaejeong gugmin' hyeongseonggwajeong. [1960s' Korean Films and the Process of the Formation of the Modern Nation]. *Yeonghwa yeongu*. 2007;(33):11–42. (In Korean) <https://doi.org/10.17947/kfa..33.200709.001>
8. Lee Young-il. *Hangug yeonghwa jeonsa*. [Complete History of Korean Cinema]. Seoul: Sodo; 2004. (In Korean)
9. Basinger J. *World War II Combat Film: The Anatomy of a Genre*. New York: Columbia University Press; 1986.
10. Chung Young-kwon. Hangug bangong yeonghwau jedohwa yeongu: 1949~1968 jeonjaeng yeonghwawau jeophab gwajeongeul jungsimeuro. [A Study on the Institutionalization of South Korean Anticommunist Films—Focusing on the Articulation with War Film between 1949 and 1968]. [Dissertation]. Seoul; 2010. (In Korean)
11. Diffrient D. 'Military Enlightenment' for the Masses: Genre and Cultural Intermixing in South Korea's Golden Age War Films. *Cinema Journal*. 2005;45(1):22–49.
12. Shim A. Anticommunist War Films of the 1960s and the Korean Cinema's Early Genre-bending Traditions. *Acta Koreana*. 2011;14(1):175–196. <https://doi.org/10.18399/acta.2011.14.1.008>.
13. Yeonghwabeop. [Motion Picture Law]. 1962. Available from: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=5211#0000>. [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
14. Yeonghwabeop. [Motion Picture Law]. 1963. Available from: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=5212&ancYd=19630312&ancNo=01305&efYd=19630312&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
15. Boggs C. *The Hollywood War Machine: U.S. Militarism and Popular Culture*. 2nd ed. New York: Routledge; 2016.
16. 1960nyeondae munhwayeonghwau teukjing. [Features of Cultural Films of the 1960s]. *Gukga girok poteol*. Available from: <https://theme.archives.go.kr/next/movie/features03.do> [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
17. Gukgaboanbeop. [National Security Act]. 1962. Available from: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=7226&ancYd=19620924&ancNo=01151&efYd=19621025&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
18. Bangongbeop. [Anti-Communism Law]. 1961. Available from: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=3534&ancYd=19610703&ancNo=00643&efYd=19610703&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
19. Bangonggwa geomyeol (1955~1970). [Anti-Communism and Censorship (1955~1970)]. *KMDB*. Available from: <https://www.kmdb.or.kr/collectionlist/detail/view?colId=581> [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
20. Yeonghwawa sasangseong. [Cinema and Ideology]. *Kyunghyang Shinmun*. 1965, Feb 8. (In Korean)

21. Kim Jimi. Park Chung-hee sidaeui ‘minjok’ damnongwa Lee Man-hee yeonghwau ‘minjok’ pyosang. [A Study on Representation of ‘Nation’ in Lee Man-hee’s Films during Park Chung-hee’s Rule]. *Hanguk hyeondae munhak yeongu*. 2013;41:533–568. (In Korean) <https://doi.org/10.22871/mk-lite.2013..41.016>
22. Chung S. *Split Screen Korea: Shin Sang-ok and Postwar Cinema*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2014.
23. Yeonghwabeop. [Motion Picture Law]. 1966. Available from: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=5213&ancYd=19660803&ancNo=01830&efYd=19660903&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000>. [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
24. Kim Dong-ho et al. *Hanguk yeonghwa jeongchaeksa*. [History of South Korean Film Policy]. Seoul: Nanam; 2005. (In Korean)
25. Yeonghwabeop. [Motion Picture Law]. 1973. Available from: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=5215#0000>. [Accessed: 12.08.2023] (На корейском языке)
26. Jeong Seong-il. Jeungeon. [“Testimony”]. *KMDB*. Available from: <https://www.kmdb.or.kr/story/5/1344> [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
27. Jeong Seong-il. Ulji Aneuri. [“I Won’t Cry”]. *KMDB*. Available from: <https://www.kmdb.or.kr/story/5/1327> [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
28. Park Sun-young. Du gaeui jeonjaengwa jipapjeong gieogui hyeongseong-beteunamjeonjaeng sigi gunyeonghwasaneobui jeongaewa hwaryong. [Two Wars and the Formation of Collective Memory. The Development and Utilization of the Military Film Industry during the Vietnam War]. *Hyeondae munhagui yeongu*. 2020;(71):187–224. (In Korean) <https://doi.org/10.35419/kmlit.2020..71.006>
29. Jager S.M. *Narratives of Nation-Building in Korea: A Genealogy of Patriotism*. New York: M.E. Sharpe; 2003.
30. Kim Kwon-ho. Hanguk jeonjaeng yeonghwau baljeongwa teukjing: Hanguk jeonjaengeseo baeteunam jeonjaengkkaji. [The Development and Characteristics of South Korean War Films]. *Jibangsawa jibang munhwa*. 2006;9(2):77–108. (In Korean) <https://doi.org/10.23013/localh.2006.9.2.003>
31. Lee Hana. Bangongjuui gamseong gihoek, bangongyeonghwau dilema: 1950~60nyeondae bangongyeonghwa nonjaengeul jungsimuro. [The Dilemma of “Anticommunist Films” as a Project of Affect: With a Focus on the “Anticommunist Film” Arguments in the 1950–60s]. *Dongbanghakji*. 2012;159:53–94. (In Korean)
32. Guna gwangye yeonghwa jejang jiwon gyujeong (gukbangbu hullyeong je89ho). [Ministry of Defense Order No. 89. Military-Related Film Production Support Regulations]. *KMDB*. Available from: <https://www.kmdb.or.kr/collectionlist/itemDetailPop?dataId=3762&typeCls=ET&colName=&colId=121&isLooked=true> [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
33. Jo Jun-hyeong. Hanguk bangong yeonghwau jinhwawa geu jogeon. [Evolution and Principles of Korean Anti-Communist Movies]. In Cha Sun-ha, editor. *Geundaeeui punggyeong: sopumeuro bon hanguk yeonghwasa*. [Scenes of Modernity: Korean Film History Through Vignettes]. Seoul: Sodo; 2001, p. 332–371. (In Korean)
34. Bumtan guna yeonghwa jejak seupekteokeul hyogwa norindeut. [Booming Military Films Production Seems to be Aiming for a Spectacle Effect.]. *Kyunghyang Shinmun*. 1964, Nov 16. (In Korean)
35. Park Sun-young. Gukgaui peureimeuro guhoekdoen beteunamjeonjaeng — Gugnib yeonghwa jejaksowa Gukgun yeonghwa jejaksoui Beteunam jeonjaeng yeonghwareul jungsimuro. [A War Captured in the Frame of the State: Focusing on the Films about the Vietnam War Produced by National Film Production Center and ROK Army Motion Picture Production Center]. *Sarim*. 2015;53:57–91. (In Korean)
36. Sae Yeonghwa Nakdonggangeun Heureuneunga. [Newly Released Movie “Does the Nak-Dong River Flow?”]. *Chosun Ilbo*. 1976, Oct 24. (In Korean)

37. Han Young-hyeon. Jeonjaengui sinchewa hyumeonijeum yeonghwa <Doraoji Anneun Haebyeong> (1963) gwa <Nakdonggangeun Heureuneunga> (1976) reul jungsimeuro. [Body of War and Humanism — Focusing on Films “The Marines That Never Returned” (1963) and “Does the Nak-Dong River Flow?” (1976)]. *Hanminjog munhwa yeongu*. 2022;80(80):415–454. <https://doi.org/10.17329/kcbook.2022.80.80.012>
38. 1970nyeondae munhwayeonghwauui teukjing. [Features of Cultural Films of the 1970s]. *Gukga girok poteol*. Available from: <https://theme.archives.go.kr/next/movie/features05.do> [Accessed: 12.08.2023] (In Korean)
39. Kim Myoung-sin. *Nambuk bundan yeonghwauui gamjeonggujo*. [Emotional Structure of Korean Division Films]. Seoul: Keomyunikeisyeon bukseu; 2019. (In Korean)
40. Jegusil motdahan Yeongjingong. [Korean Motion Picture Promotion Corporation that Didn't Live Up to Its Responsibilities]. *Kyunghyang Shinmun*. 1974, March 30. (In Korean)
41. Jeungeon gukchaek yeonghwauui hangyeseong deureona. [“Testimony” Reveals the Limitations of National Policy Films]. *The Dong-a Ilbo*. 1974, Jan 12. (In Korean)
42. Gojeung badeul gunsa yeonghwa. [War Films Will Be Checked for Historical Accuracy]. *The Dong-a Ilbo*. 1976, Nov 13. (In Korean)
43. Kim Cheong-gang. Naengjeongwa oragyeonghwa: 1950–60nyeondae gunsajuuijeong namseongseongwa bangongjeong juche mandeulgi. [Cold-War Entertainment: Propagating Militaristic, Anti-Communist Masculinity through Popular Film]. *Hangughag yeongu*. 2017;(61):71–110. (In Korean) <https://doi.org/10.17790/kors.2017..61.71>
44. Lee Sun-jin. 1950nyeondae gongsanjuuijauui jaehyeongwa naengjeon uisik: <Jeonguiui Jingyeok>, <Piagol>, <Unmyeongui Son>eul jungsimeuro. [Representation of Communists and Cold War Consciousness in the 1950s: Focusing on <An Assault of Justice >, <Piagol>, and < The Hand of Destiny >]. In Kim So-yeon, editor. *Maehokgwa hondonui sidae: 50nyeondaewui hangug yeonghwa*. [The Age of Fascination and Chaos: Korean Movies of the 1950s]. Seoul: Sodo; 2003, p. 129–171. (In Korean)
45. Morgan, D. Theater of War: Combat, the Military, and Masculinities. In Brod H., Kaufman M., editors. *Theorizing Masculinities*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications; 1994, p. 166–182.
46. Diffrient D. Han'guk Heroism: Cinematic Spectacle and the Postwar Cultural Politics of Red Muffler. In Kathleen McHugh and Nancy Abelmann, editors. *Gender, Genre and National Cinema: South Korean Golden Age Melodrama*. Detroit: Wayne State University Press; 2005, p. 151–183.
47. Baek Tae-hyun. <Soryeong Kang Jae-gu>wa <Sanai UDT> natanan gunsajuuijeog namseongseong. [The Meanings of Militarism Masculinities Represented in “Major Kang Jae-gu” and “Sanai UDT”]. *Hangughag yeongu*. 2018;67:139–168. (In Korean) <https://doi.org/10.17790/kors.2018..67.139>

Информация об авторе:

Старшинов Александр Сергеевич — аспирант, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009, Москва, Моховая улица, д. 11, стр. 1), e-mail: alex.starshinov@gmail.com. ORCID: 0000-0001-9169-1414 Researcher ID: GOH-1207-2022 SPIN-код: 7549–3100

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-187-200

EDN: EUTNAR

Научная статья / Research article

Основные векторы внешней политики эмирата бану халид во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

Ф.Ю. Матвеев

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ fedorferenc1997@gmail.com

Аннотация. Актуальность избранной темы обусловлена слабой изученностью Восточной Аравии XVII–XVIII вв. Среди многочисленных «белых пятен» истории этой области Аравийского полуострова остается социально-политическая история эмирата бану халид — одного из важнейших игроков на аравийской арене этого периода. В этой связи главной целью статьи стала реконструкция и анализ основных векторов внешней политики халидидских правителей, а также условий ее складывания на протяжении нескольких десятилетий. Источниковой базой исследования послужили хроники аравийских летописцев XVII–XIX вв. некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Систематизация полученных данных позволила установить, что определяющим фактором формирования внешнеполитического курса новообразованного эмирата стало ослабление османского влияния в области Персидского залива, приведшее к обретению независимости восточно-аравийской провинцией Эль-Хаса под властью халидидских эмиров. Отсутствие значительных внешних угроз, многочисленность правящего племени, богатство подконтрольных ему земель, а также специфика социальной жизни эмирата позволили его правителям начать стремительное установление контроля над одним из ключевых торговых путей полуострова, пролежавшим через южные районы Центральной Аравии. Задействованные хроникальные материалы позволили также выделить в данном процессе три основных этапа, характеризующихся заметно отличавшимися стратегиями лидеров бану халид на этом пути. В целом, данная работа является одним из немногих трудов, посвященных заявленной тематике, а также представляет собой существенное подспорье для продолжения исследований истории Аравийского полуострова эпохи Нового времени.

Ключевые слова: Аравийский полуостров, Эль-Хаса, Неджд, бану халид, Восточная Аравия, Центральная Аравия

История статьи: Поступила в редакцию: 03.10.2023. Принята к публикации: 19.02.2024.

© Матвеев Ф.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Матвеев Ф.Ю.* Основные векторы внешней политики эмирата бану халид во второй половине XVII — первой половине XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 187–200. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-187-200>

The Main Vectors of the Foreign Policy of Bani Khalid Emirate in the Second Half of the 17th — the First Half of the 18th Century

Fedor Yu. Matveev

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russian Federation

✉ fedorferenc1997@gmail.com

Abstract. The topic of the current study is of exceptional relevance due to the rather poor knowledge of the life of Eastern Arabia in the 17th and 18th centuries. One of the least studied issues in this field of study is the socio-political history of the Bani Khalid emirate, one of the most significant powers of the Arabian Peninsula during the mentioned period. The main purpose of the article is the reconstruction and primary analysis of the main directions of its foreign policy as well as the factors that influenced its formation. The core of the study consists of data from the Arabian chronicles of the 17th–19th centuries. Its systematization and comprehensive analysis showed that the determining factor in the formation of the foreign policy of the newly formed emirate was the weakening of Ottoman influence in the Persian Gulf, which led to the independence of the East Arabian province of Al-Hasa under the rule of the Khalidites. The absence of serious external threats, the large number of the ruling tribe, the wealth of the lands under its control, as well as the specifics of social life of the emirate allowed its rulers to begin active subjugation of one of the main trade routes of the peninsula, which ran through the southern regions of Central Arabia. New chronicle materials also enable division of this process into three main ones, which differ by the strategies of Bani Khalid leaders in achieving their goals. In general, this work is one of the few studies covering this topic that can also serve as a basis for further research on the history of the Arabian Peninsula.

Keywords: Al-Hasa, the Arabian Peninsula, Najd, Banu Khalid, Eastern Arabia, Central Arabia

Article history: Received: 03.10.2023. Accepted: 19.02.2024.

For citation: Matveev FYu. The Main Vectors of the Foreign Policy of Bani Khalid Emirate in the Second Half of the 17th — the First Half of the 18th Century. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):187–200. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-187-200>

Введение

Вторая половина XVII в. стала одним из ключевых периодов истории Восточной Аравии, важнейшим событием которого считается образование на территории провинции Эль-Хаса¹ независимого эмирата

¹ Эль-Хаса — историко-географическая область в Восточной Аравии.

во главе с представителями рода Ааль Хумайид из племени бану халид². Исследователи расходятся в конкретных датировках этого события, однако чаще всего в качестве точки отсчета принимается захват Эль-Хуфуфа³ шейхом Бараком ибн Гурайром из клана Ааль Хумайид во второй половине 1660-х гг.. Покорением этого города завершился длительный период османского господства в Восточной Аравии, продолжавшийся с конца XVI в.

До восстания Ибн Гурайра Эль-Хаса входила в состав Османской империи сначала на правах одноименного округа (*санджак*), а затем провинции (*эялет*) [8. С. 85–86]. Главной причиной установления османского контроля над этими землями стало существенное усиление позиций Португалии в бассейне Персидского залива, угрожавшее южным пределам империи. Превращением Восточной Аравии в буферную зону между Южным Ираком и португальскими владениями в Заливе центральная власть рассчитывала предотвратить дальнейшее распространение европейского влияния в северо-западном направлении. При этом реальная власть османских сановников (*пашей*) распространялась лишь на стратегически важные города Эль-Хасы — Эль-Хуфуф, Эль-Мубарраз, Эль-Катиф и Эль-‘Укайр, где были дислоцированы воинские контингенты. Большая часть сельской местности оставалась в руках местных сил, наиболее значительной из которых являлось племя бану халид, населявшее Восточную Аравию уже несколько сотен лет. Подсчеты, основанные на информации, приведенной в анонимной проваххабитской хронике «Блеск метеора», позволяют определить количество его членов в, по меньшей мере, 21 тыс., что составляло весомую часть населения провинции [8. С. 256–257].

Однако в свете стремительного сокращения португальского присутствия в Персидском заливе с середины XVII в. османы все меньше интересовались удержанием контроля над Восточной Аравией, сопряженного со значительными финансовыми издержками. Кроме того, к XVIII в. начал набирать силу общий кризис Османской империи, сопровождавшийся усилением центробежных тенденций в Южном Ираке, а также небывалым ростом социального напряжения в Восточной Аравии. Местные жители все чаще поднимали восстания против оккупационной администрации, и нередко их выступления проходили под халидидскими знаменами. Образовавшийся в Эль-Хасе политический и военный вакуум позволил племени бану халид успешно подчинить большую часть ее территории и в течение десятилетия после завоевания Эль-Хуфуфа окончательно избавиться от османского владычества, утвердив независимую власть династии Ааль Хумайид.

² Бану халид — могущественное арабийское племя, некогда населявшее большую часть Восточной Аравии.

³ Эль-Хуфуф — крупнейший город Эль-Хасы, расположенный в одноименном оазисе.

Истоки и условия формирования внешнеполитического курса эмирата бану халид

Социально-политическое устройство эмирата бану халид не привлекло особого внимания аравийских летописцев XVII–XVIII вв. Вероятнее всего, на первых порах его лидеры продолжали вести кочевой образ жизни. Компактное расположение аграрных центров провинции давало представителям рода Ааль Хумайид возможность появляться в них не больше нескольких раз в год в рамках обычного цикла перекочевок. Последовательность восхождения на престол преемников Барака ибн Гурайра позволяет предположить, что в эмирате сохранялся традиционный для Аравии лествичный⁴ принцип передачи власти, несовершенство которого многократно становилось причиной кровавых междоусобиц среди различных ветвей Ааль Хумайид. В трудах творивших в Неджде⁵ летописцев упоминаются два крупных военных конфликта на этой почве [1. С. 69; 2. С. 39; 3. С. 117; 6. С. 138; 7. С. 54; 8. С. 107].

Подобно большинству правителей Центральной и Восточной Аравии, лидеры Эль-Хасы принимали довольно ограниченное участие во внутренней политике подконтрольных им городов и селений, исполняя лишь военные и полицейские функции. Большая часть управленческих задач, как правило, ложилась на плечи местных кади⁶, чему во многом способствовал охват шариатом практически всех сфер общественной жизни. Взаимодействие рядовых жителей оазисов с халидидами, в свою очередь, исчерпывалось выплатой установленных податей, а их причастность к внешней политике была минимизирована. Судя по всему, они также были освобождены от обязательного участия в военных кампаниях, в пользу чего свидетельствует сравнительно малая численность задействованных в них отрядов [6. С. 159].

Подобное положение во многом ограничивало мобилизационные возможности халидидского эмирата, однако на протяжении долгих лет власти Эль-Хасы оставались влиятельными политическими акторами в Аравии XVII–XVIII вв., а их успешные походы достигали самых отдаленных уголков полуострова. Этому способствовало несколько факторов. Одним из них стала многочисленность племени бану халид, обеспечившая Ааль Хумайид абсолютное военное и политическое превосходство как в восточной части Аравийского полуострова, так и в его центральных областях, раздробленных на десятки небольших и слабых эмиратов.

Также халидидам во многом благоприятствовало исключительное по аравийским меркам богатство оазисов Эль-Хасы, которые по праву считались не только житницей Аравии, но и важнейшими транспортными узлами ее центральных и восточных областей. Если Эль-Катифу приходилось

⁴ Лествичное право — система престолонаследия, предполагающая передачу наследных прав между братьями и лишь затем между их потомками.

⁵ Неджд — область в Центральной Аравии.

⁶ Кади — шариатский судья.

конкурировать за звание главного аравийского порта с Бахрейном, то Эль-Хуфuf, расположенный среди практически безжизненных пустынь, был безальтернативной точкой пересечения жизненно важных караванных путей. Высокие доходы от земледелия и торговли позволили Ааль Хумайид нарастить впечатляющий военный потенциал. Ярким свидетельством этому служит активное использование ими артиллерии, что по тем временам в Аравии было редкостью [3. С. 95; 6. С. 773].

Наконец, свою лепту в укрепление позиций халидидского эмирата внесло упомянутое ранее сокращение османского и португальского влияния в Восточной Аравии, а также утрата мекканскими шерифами⁷ контроля над центральными областями полуострова вследствие жестокой борьбы за власть, развернувшейся в Мекке во второй половине 1660-х гг.. Последний фактор, помимо всего прочего, определил основной вектор внешней политики правителей Эль-Хасы. Ослабление внешнего контроля над Южным Недждом в скором времени привело к нарастанию нестабильности в этих землях. Бесконечные стычки между местными эмирами угрожали безопасности стратегически важных караванных путей, пролежавших через Эль-‘Арид⁸. Серьезной угрозой стали недждийские бедуины, постоянно вторгавшиеся в кочевья обитавших по соседству халидидов. Таким образом, главной целью Ааль Хумайид стало подчинение этих беспокойных областей.

Внешняя политика Барака ибн Гурайра

Правление Барака ибн Гурайра ознаменовалось началом активного противостояния с кочевниками Неджда, совершавшими опустошительные набеги на территории бану халид в засушливые и неурожайные годы. Наиболее опасным противником халидидов в этих землях было многочисленное бедуинское племя аз-зафир, населявшее Южный Неджд. Борьба с ним продолжалась в течение десятилетий. Лишь во второй половине XVIII в. Ааль Хумайид смог нанести решительное поражение зафиритам, и они навсегда покинули Аравию, откочевав в Южный Ирак.

В течение нескольких лет своего недолгого пребывания у власти Ибн Гурайру удалось организовать ряд походов во внутренние области Аравийского полуострова. Согласно данным большинства недждийских хроник, первый из них был нацелен на владения аз-зафир и племени Ааль Кусайр в землях Эль-Вашма⁹ и Судайра¹⁰. Один из крупнейших аравийских историков позднего Нового времени ‘Усман ибн ‘Абдаллах ибн Бишр (ум. в 1871/72 г.) приводит следующее описание этих событий: «В 1081 г.х.

⁷ Шериф — здесь титул правителей Хиджаза.

⁸ Эль-‘Арид — область Южного Неджда, включающая в себя земли бассейна вадии Ханифа.

⁹ Эль-Вашм — область в Южном Неджде, располагающаяся к западу от Эль-‘Арида.

¹⁰ Судайр — область Южного Неджда, располагающаяся к северу Эль-‘Арида.

(1670 г. — Ф.М.) Барак ибн Гурайр ибн ‘Усман ибн Масуд ибн Ла‘абун Ааль Хумайид явился [в Эль-‘Арид] со своим воинством. И сражались они с племенем аз-зафир <...> и сокрушили [семейство] Ааль Набхан из племени Ааль Кусайр, кочевавшего в области Садуса¹¹» [4. С. 91]. Аналогичные сведения обнаруживаются и в других неждийских летописях. Расхождения встречаются только в датировках. Так, хронисты Мухаммад ибн ‘Умар аль-Фахири (1772–1860) и Мухаммад ибн Раби‘а ибн Мухаммад аль-Аусаджи (1655–1745) наряду с Ибн Бишром называют 1670 г. [2. С. 34; 4. С. 91; 10. С. 96]. Другой видный арабийский историограф Мухаммад ибн Хамад ибн ‘Ибад аль-‘Аусаджи (ум. в 1762 г.)¹² приводит 1671 г. [7. С. 61], в то время как Хамад ибн Мухаммад ибн Наср ибн Ла‘абун (ум. в 1839 г.) (11) и вовсе считает, что данный поход Барака ибн Гурайра имел место в 1669 г. [8. С. 131]. В труде раннего неждийского летописца Ахмада ибн Мухаммада ат-Тамими ан-Наджи аль-Манкура (1657–1713) сообщение об этом набеге отсутствует. Однако в его труде упомянуто относящееся к 1671 г. событие, которое не было замечено другими хронистами, — крупное вооруженное столкновение между бедуинами из племен аз-зафир и аль-фудул [9. С. 44–45]. Учитывая длительную историю противостояния этих племен, а также многократные конфликты между ними в последующие годы, можно предположить, что аль-Манкур допустил ошибку, приняв халидидскую экспедицию за очередную стычку между давними врагами.

Дальнейшие события на основании полных противоречий источников реконструируются с большим трудом. Так, Ибн Бишр, аль-Фахири и Ибн Ла‘абун утверждают, что в 1675 г. Барак ибн Гурайр возглавил новую экспедицию против зафиритов, в ходе которой был пленен их вождь по имени Салама ибн Сувейт [4. С. 95; 7. С. 131; 10. С. 97]. В трудах аль-Манкура и Ибн Раби‘а этот поход не освещен вовсе. Ибн ‘Ибад также не упоминает его, и более того, согласно его летописи, 1675 г. ознаменовался крупной междоусобицей внутри клана Ааль Хумайид, которую остальные хронисты относят к 1677 г. [1. С. 61] При этом датировка, приведенная Ибн Бишром, Ибн Ла‘абун и аль-Фахири, представляется наиболее вероятной, так как в данном случае описываемое событие согласуется с началом катастрофических неурожаев и засухи 1675 г., вынудившей неждийских бедуинов откочевать на принадлежавшие халидидам земли [1. С. 62; 2. С. 36; 4. С. 95; 7. С. 133; 9. С. 45; 10. С. 97].

Отступление засухи в 1677 г. сопровождалось опустошительным нашествием саранчи, сменившимся массовыми эпидемиями [2. С. 36; 4. 95–96; 7. С. 134; 10. С. 98]. Вновь вспыхнувшие среди неждийского населения волнения вынудили Барака ибн Гурайра организовать очередной поход. На этот

¹¹ Садус — селение в Южном Нежде.

¹² Хамад ибн Мухаммад ибн Наср ибн Ла‘абун — крупный неждийский летописец, уроженец Судайра.

раз его целью были владения рода Ааль ‘Асаф — одного из подразделений племени аль-кусайр. Сражение произошло в местности аз-Залал, располагающейся вблизи ад-Дир‘ийи — будущей столицы первого государства Саудилов¹³ [1. С. 61; 4. С. 97; 7. С. 134]. В хронике Ибн Ла‘абунa также упоминается этот конфликт, однако, согласно источнику, он пришелся на 1678 г. [2. С. 36], в то время как аль-Манкур в своем труде и вовсе опускает данное событие.

Большинство летописцев утверждает, что Барак ибн Гурайр скончался в 1682 г. [2. С. 37; 4. С. 100; 7. С. 134; 9. С. 48; 10. С. 99], а Ибн ‘Ибад относит смерть эмира к 1683 г. [1. С. 64]. Итогом недолгого правления основателя эмирата бану халид стало активное распространение халидидского влияния на кочевья Южного Неджда, которое положило начало подчинению этих территорий. Тем не менее, на первых порах внешнеполитическая деятельность Ааль Хумайид ограничивалась лишь грабительскими набегами на территории местных племен. География походов первого эмира Эль-Хасы также была крайне ограничена. Большая часть военных действий разворачивалась в южных областях Центральной Аравии.

Внешняя политика Мухаммада ибн Гурайра

После смерти Барака ибн Гурайра к власти пришел его брат Мухаммад (ум. в 1692 г.), в правление которого внешняя политика эмирата стала приобретать новые черты. В частности, было положено начало покорению оседлых областей Южного Неджда. Вероятнее всего, это было обусловлено значительно возросшей вовлеченностью правящего семейства в транзитную торговлю, а также организацию и проводку паломнических караванов.

Согласно большинству источников первый поход Мухаммада ибн Гурайра в Центральную Аравию датируется 1682 г. [2. С. 36; 4. С. 100; 7. С. 134; 10. С. 99]. Аль-Манкур и Ибн ‘Ибад, в свою очередь, относят его к 1684 г. и 1683 г. соответственно [1. С. 64; 9. С. 48]. Впервые за все время халидидского правления целью экспедиции стали земледельческие поселения Йамамы¹⁴. Ибн Бишр приводит следующее ее описание: «По смерти эмира Барака ибн Гурайра ибн ‘Усмана, главы рода Ааль Хумайид и племени бану халид, ему наследовал брат Мухаммад, выступивший (в тот же год — *Ф.М.*) в поход против Йамамы» [4. С. 100].

В то же время Мухаммад продолжал активное противостояние с племенем аз-зафир. Некоторые летописи сообщают о неудачной экспедиции в Неджд, предпринятой племянником эмира Суньяном ибн Баракком ибн

¹³ Первое государство Саудилов — государство под властью династии Ааль Сауд, образованное в Неджде в 1744 г.

¹⁴ Йамама — оазис и одноименная область в Южном Неджде.

Гурайром в 1685 г. [2. С. 37; 7. С. 134; 10. С. 101]. Несколько странным кажется отсутствие каких-либо упоминаний об этом походе в других источниках, однако причиной тому может служить масштабное военное вторжение в Центральную Аравию, организованная мекканскими шерифами в том же году [3. С. 37; 4. С. 106–107; 7. С. 135]. Вероятнее всего, столь заметное событие попросту отвлекло внимание историков от локальной стычки между кочевниками.

1687 г., в свою очередь, ознаменовался серьезным поражением неждийских племен аль-мугира и ‘аиз [1. С. 67; 2. С. 38; 7. С. 135; 9. С. 52; 10. С. 103]. В хронике Ибн Бишра это событие отражено следующим образом: «В 1098 г.х. (1687 г. — *Ф.М.*) году Мухаммад Ааль Гурайр, правитель Эль-Хасы, явился со своими воинами в Неджд и ранним утром напал на племена аль-мугира и ‘аиз <...> среди павших в этой битве оказался аль-Хияри¹⁵ <...> в начале лета Мухаммад ибн Гурайр вновь атаковал их, и многие пали в тот день от его руки» [4. С. 108]. В следующем году эмир вновь нанес сокрушительный удар по неждийским племенам, совершив набег на земли племени Ааль ‘Усман в Эль-Хардже [2. С. 38; 4. С. 110; 7. С. 137; 10. С. 134].

Свой последний поход в Центральную Аравию Мухаммад ибн Гурайр возглавил в 1689 г. Аль-Манкур сообщает: «В 1100 г.х. (1689 г. — *Ф.М.*) Мухаммад Ааль Гурайр явился в Эль-Хардж и осадил род Ааль Гази из племени аль-фудул, обитавший в те дни в Судайре» [9. С. 53]. Подобные сведения приводятся и в ряде других источников [4. С. 115; 7. С. 138]. В целом, период правления преемника Барака ибн Гурайра охарактеризовался значительным ростом заинтересованности племени бану халид в распространении своего влияния на оседлые области Неджда, что следует расценить как осознанное продолжение внешнеполитического курса основателя эмирата.

Внешняя политика Са‘адуна ибн Мухаммада Ааль Гурайра

События, последовавшие за кончиной Мухаммада ибн Гурайра в 1692 г., освещаются источниками довольно скудно. Судя по всему, смерть эмира положила начало кровопролитной междоусобице среди членов правящей династии. Хронисты утверждают, что в том же году произошло убийство Суньяна ибн Барака, племянника почившего правителя [1. С. 69; 2. С. 39; 4. С. 117; 7. С. 138; 9. С. 54; 10. С. 107]. Практически сразу за этим последовала гибель неких Хасана ибн Джамала, Ибн ‘Абдана и Сархана. Однозначно атрибутировать эти личности затруднительно, однако можно предположить, что речь идет о представителях одной из боковых ветвей рода Ааль Хумайд, вступивших в борьбу за власть и павших от руки Са‘адуна ибн Мухаммада Ааль

¹⁵ Мухаммад аль-Хияри — вождь племени аль-Мугира.

Гурайра (ум. в 1723 г.), воцарившегося после их гибели. При нем халидидский эмират достиг наивысшей точки своего развития.

Согласно летописям Ибн Ла'абун аль-Фахири и Ибн Раби'а, в первый же год своего правления Са'адун предпринял успешный поход против племени за'аб [2. С. 39; 7. С. 138; 10. С. 108]. Прочие авторы ограничиваются кратким сообщением о провале экспедиции, организованной его родственником по имени Наджм ибн 'Убайдаллах против племени кусайр.

Следующие несколько лет практически никак не освещаются в источниках. Лишь Ибн 'Ибад бегло упоминает реакцию жителей Эль-Хасы на экспедицию мекканского шерифа в Центральную Аравию в 1698 г., отметив: «Тогда страх пронзил сердца жителей Эль-Хасы» [1. С. 71]. Начиная с 1700–1701 гг. халидиды вновь начинают фигурировать в недждийских летописях. Сообщается, что Са'адун Ааль Гурайр при поддержке кочевого племени ааль фудул, а также нескольких племен, обитавших в Хиджазе¹⁶, вторгся во владения аз-зафир и принял бой на песчаной равнине Нафуд ас-Сирра, простирающейся к западу от хребта Джебель-Тувайк¹⁷ [1. С. 69; 2. С. 40; 4. С. 129; 7. С. 142; 10. С. 113]. Однако на этот раз удача изменила правителю, и его силы были вынуждены отступить. Уже через год эмир организовал новый поход и сумел нанести противнику поражение [2. С. 40; 4. С. 130; 9. С. 59].

1706 г. ознаменовался осадой оазиса Садик, расположенного в области Судайр. Ряд хронистов уточняют, что во главе экспедиции был поставлен Наджм ибн 'Убайдаллах Ааль Хумайид [1. С. 74; 2. С. 41]. Кроме того, согласно трудам Ибн Раби'а, Ибн Ла'абун и аль-Фахири, в этом же году халидиды совершили успешный набег на селение Эр-Рак в провинции Джебель-Шаммар¹⁸ [2. С. 41; 7. С. 144; 10. С. 116]. В 1707 г. халидиды вновь выступили против селения Садик. По словам Ибн Бишра, в битве погиб один из местных вождей по имени 'Абдаллах ибн 'Абд ар-Рахман ибн 'Исмаил [4. С. 137].

В 1710 г. произошло одно из крупнейших столкновений между племенем аз-зафир и бану халид. Описания этого события в задействованных источниках схожи, однако летописцы по-разному локализуют место битвы. Большинство называют местность ан-Нафи в провинции Эль-Касым [1. С. 72; 2. С. 42; 7. С. 145; 9. С. 63]. Ибн Ла'абун и Ибн Бишр, в свою очередь, настаивают на том, что сражение произошло в местечке Эль-Худжра в окрестностях Эр-Рияда [4. С. 139; 7. С. 145].

К 1714 г. хронисты относят заключение крайне важного союза между властителями Эль-Хасы и эмирами 'Уяйны — одного из наиболее могущественных оазисов Южного Неджда. Согласно сообщению Ибн Бишра, отправной точкой сотрудничества стал совместный поход Са'адун ибн

¹⁶ Хиджаз — историческая область на западе Аравийского полуострова.

¹⁷ Джебель-Тувайк — горная гряда в Неджде.

¹⁸ Джебель-Шаммар — историко-географическая область на северо-западе Неджда.

Мухаммада аль-Гурайра и ‘Абдаллаха ибн Му‘аммара против жителей Йамамы [4. С. 126]. Несмотря на то, что источники прямо не указывают на причины объединения этих двух сил, можно предположить, что Са‘адун намеревался использовать этот альянс для установления косвенного контроля над стратегически важным участком караванного пути, связывавшим области Вади Ханифа и Эль-Вашм с Хиджазом. Данную точку зрения разделяет современный саудовский исследователь ‘Абд аль-Карим аль-Вахби, добавляя, что дружественная ‘Уяйна использовалась халидидами в качестве «постоянного буфера на севере Эль-‘Арида» [5. С. 224]. Правители из рода Ааль Му‘аммар, со своей стороны, видели в военной мощи эмирата бану халид надежную опору, гарантировавшую неприкосновенность оазиса в условиях крайней политической нестабильности Центральной Аравии.

Судя по всему, последовавшие за этим шесть лет стали временем некоторого затишья, так как в источниках отсутствует информация о каких-либо значимых событиях, связанных с эмиратом бану халид. Лишь в труде аль-Фахири обнаруживается короткая запись о столкновении между войском Са‘адун и племенем аз-зафир, в результате которого погиб зафиритский вождь Салама ибн Сувейт [10. С. 119].

Недолгий мирный период был прерван набегом халидидов на род Мутайр, фиксируемым в нескольких хрониках [2. С. 43; 7. С. 149; 10. С. 121]. Спустя год в Эль-Хасе была организована крупная военная экспедиция, в ходе которой Са‘адун ибн Мухаммад разбил силы племени шаммар в окрестностях города Хаиль [2. С. 43; 4. С. 146; 7. С. 149]. В трудах Ибн ‘Ибада сведения об этом событии опущены. Однако историограф сообщает о набеге бану халид на клан аль-кусайр, кочевавший в Южном Недже близ селения ‘Акраба [1. С. 73]. Примечательно, что этот же поход упоминается и Ибн Бишром, однако он относит его к следующему году [4. С. 147].

Два вышеописанных события относятся к концу правления Са‘адун ибн Мухаммада Ааль Гурайра. Смерть настигла эмира в 1723 г. в местечке Джандалия, расположенном на севере Восточной Аравии [1. С. 78; 2. С. 43; 4. С. 150; 7. С. 149; 10. С. 122]. Его правление стало периодом расцвета халидидского эмирата. Властители Эль-Хасы одержали верх над крупнейшими кочевыми племенами внутренних областей Аравийского полуострова, а также покорили или привлекли на свою сторону важнейшие оазисы Эль-Харджа и Эль-‘Арида. Отдельно следует выделить заключение выгодного союза между кланами Ааль Хумайид и Ааль Му‘аммар, обеспечившего халидидам контроль над наиболее значимым участком караванного маршрута, связывавшего восточные области полуострова с Хиджазом. Еще одним признаком доминирования бану халид в Недже стало заметное расширение географии хасских военных экспедиций. Если предшественники Са‘адун ибн Мухаммада довольствовались набегам лишь на несколько наиболее

близких к их владениям территорий, то его собственные походы достигали самых отдаленных уголков Центральной Аравии — земель Эль-Касыма и Джебель-Шаммара.

Кризис эмирата бану халид

Кончина Са'адунa ибн Мухаммада Ааль Гурайра положила начало постепенному упадку халидидского эмирата. Воцарение его брата 'Али ибн Мухаммада ибн Гурайра (ум. в 1730 г.) в 1723 г. сопровождалось восстанием под предводительством Даджина ибн Са'адунa и Мани'а ибн Са'адунa — сыновей почившего правителя, претендовавших на власть после смерти отца [4. С. 150; 7. С. 149]. Однако, заручившись поддержкой своего третьего племянника по имени Сулейман, 'Али удалось разбить силы мятежников, а их лидеры бежали за пределы Эль-Хасы.

Политическим неурядицам сопутствовала губительная засуха 1724 г., последствия которой, по словам Ибн Бишра, коснулись обширных территорий «от Шама и до самых пределов Йемена» [4. С. 151]. Неурожаем и голод спровоцировали массовый отток населения из Неджда. По словам аль-Фахирри, в этот год «неисчислимое множество феллахов и кочевников вынуждены были переселиться в Ирак, пригороды Басры и Эль-Хасу» [10. С. 123]. Ибн Ла'абун, в свою очередь, свидетельствует о стремительном запустении оазисов Центральной Аравии, часть которых обезлюдела настолько, что «[к концу года] в них обитало меньше десятка жителей» [7. С. 150]. Несмотря на относительное богатство Восточной Аравии водными ресурсами, засуха стала серьезным испытанием и для самого племени бану халид, большая часть членов которого вела кочевой образ жизни [4. С. 152; 10. С. 123].

Одним из наиболее значимых последствий этих социальных и экономических потрясений стала практически полная утрата правителями Эль-Хасы контроля над Эль-'Аридом и прилегающими к нему областями. Ослабление халидидского эмирата было использовано владыками 'Уайны для разрыва их давнего союза с династией Ааль Хумайид, о чем свидетельствует появление в источниках упоминаний о совершенных родом Ааль Му'аммар грабительских набегах на владения бану халид [1. С. 78; 7. С. 151]. Однако обогащение 'Уайны за счет захваченного в ходе рейдов урожая не остановило наступление тяжелейшего кризиса в оазисе. В 1726 г. селения Южного Неджда поразила эпидемия чумы, жертвой которой стал сам 'Абдаллах ибн Му'аммар — один из наиболее влиятельных эмиров области [2. С. 44; 7. С. 152; 10. С. 124]. Значение этой личности явственно следует из короткого комментария Ибн Бишра: «И не было никого равного 'Абдаллаху ибн Му'аммару ни в дни его правления, ни до него. И не суждено родиться человеку подобному ему» [4. С. 154]. Уход из жизни столь заметного правителя привел к скорому отложению от владений Ааль Му'аммар ряда территорий. При отсутствии иных

политических сил, способных поддержать порядок в Эль-‘Ариде, эти земли вскоре поглотил хаос.

Катаклизм 1724 г. также активизировал внутреннюю борьбу в Эль-Хасе. Неурядицы в провинции были использованы беглым Даджином ибн Са‘адуном для новой попытки захвата власти. Однако возглавленная им осада столицы халидидского эмирата завершилась тяжелым поражением [2. С. 43; 4. С. 151].

Спустя три года Даджин организовал новый поход на Эль-Хуфуф. На этот раз его выступление было поддержано племенами аз-зафир и мунтафик [1. С. 82; 2. С. 45]. В труде Ибн Бишра эти события отражены следующим образом: «Осадив эмира в Эль-Хуфуфе, они расправились с множеством местных жителей, а затем <...> начали разграбление окрестных деревень. Но вскоре [к ‘Али] подоспели подкрепления, и тогда он смог одолеть осаждающих» [4. С. 158].

После этой победы ‘Али ибн Мухаммад правил всего три года и в 1730 г. был убит. Краткое сообщение об этом приводится в летописях Ибн ‘Ибада и Ибн Раби‘а [2. С. 45; 1. С. 84]. Ибн Ла‘абун, в свою очередь, утверждает, что человек, погибший от руки Даджина ибн Са‘адуна, носил имя «Мухаммад ‘Али ибн Мухаммад ибн Гурайр» [4. С. 150; 7. С. 152]. Вероятнее всего, в данном случае имеет место описка, и на самом деле хронист подразумевает ‘Али. Отметим, что Ибн Бишр и аль-Фахири не фиксируют это событие вовсе. Тем не менее, в последующих записях ими используется имя нового правителя. Почившему эмиру наследовал его брат Сулейман (ум. в 1753 г.), сохранявший власть на протяжении последующих двадцати четырех лет. После его восхождения на престол Эль-Хаса перестает упоминаться в источниках вплоть до начала ваххабитских войн в середине XVIII в.

Нахождение у власти ‘Али ибн Мухаммада характеризовалось острым кризисом в эмирате бану халид, который свел на нет все достижения полувекковой внешней политики его правителей. Этот период также не ознаменовался ни одним крупным военным походом за пределы Эль-Хасы. В это же время халидиды практически полностью потеряли контроль над торговыми путями, пролежавшим через Эль-‘Арид. Местные племена вновь превратились в угрозу для следовавших из Восточной Аравии караванов. Одним из ярких свидетельств тому служит нападение племени мутайр на хасских паломников в 1730 г.

Заключение

Сокращение османского и португальского влияния в Восточной Аравии во второй половине XVII в. сыграло важнейшую роль в истории этих земель. Образовавшийся вакуум стал одним из условий стремительного

взлета халидидского эмирата, а отсутствие серьезных внешних врагов наряду с многочисленностью племени бану халид и богатством провинции Эль-Хаса оказались главными факторами его превращения в одну из наиболее могущественных политических сил Аравийского полуострова.

Специфика социального устройства эмирата сделала внешнюю политику основным направлением деятельности династии Ааль Хумайид. Ее ключевой вектор, в свою очередь, определила вовлеченность Эль-Хасы в трансаравийскую торговлю. По этой причине на протяжении первой половины XVII — второй половины XVIII в. главным приоритетом халидидов оставалось подчинение территорий Южного Неджда, через которые пролегал один из наиболее опасных участков стратегически важного караванного пути, связывавшего восток Аравийского полуострова с Хиджазом и Йеменом.

В целом, успешное продвижение бану халид в Центральной Аравии можно разделить на два этапа. Первый из них связан с нахождением у власти Барака ибн Гурайра и Мухаммада ибн Гурайра, которые различными путями покорили ряд кочевых племен Эль-Харджа и Эль-‘Арида, а также начали продвижение в аграрных областях. Второй же приходится на правление Са‘адуна ибн Гурайра, усилиями которого эмират достиг пика своего могущества. Заключив удачный союз с ‘Уяйной и подавив сопротивление правителей местных оазисов, халидиды установили полный контроль над большей частью Южного Неджда.

Однако архаичность политической и экономической систем Эль-Хасы не позволила преемникам Са‘адуна сохранить свое влияние в этих землях. Междоусобицы, вызванные несовершенством лестничной системы наследования, а также многочисленные природные катаклизмы и экономические потрясения второй половины XVIII в. привели к стремительному упадку эмирата бану халид и освобождению Южного Неджда от владычества Ааль Хумайид.

Библиографический список

1. *Аль-‘Аусаджи Мухаммад ибн Хамад ибн ‘Ибад*. Тарих Ибн ‘Ибад (История Ибн ‘Ибада). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания асна‘а ан-нашр, 1999.
2. *Аль-‘Аусаджи Мухаммад ибн Раби‘а ибн Мухаммад*. Тарих Ибн Раби‘а (История Ибн Раби‘а) // Хизанат ат-таварих ан-надждия. Т. 3. Эр-Рияд: [б.и.], 1999.
3. *Ибн Бишр ‘Усман ибн ‘Абдаллах*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд (Символ славы в истории Неджда). Т. 1–2. Эр-Рияд: Дарат аль-Малик ‘Абд аль-‘Азиз, 1982.
4. *Ибн Бишр ‘Усман ибн ‘Абдаллах*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд (850–1156). Бейрут: Дар аль-Башаир аль-исламия ли-н-нашр, 2008.
5. *Аль-Вахби ‘Абд аль-Карим*. Бану халид ва алакатихим би Наджд (Бану халид и их отношения с Недждом). Эр-Рияд: Дар ас-Сакиф ли-н-нашр ва-т-та‘лиф, 1989.
6. *Ибн Ганнам Хусейн*. Тарих Наджд аль-мусамма раудат аль-афкар ва-ль-афхам (История Неджда, называемая садом мыслей и понятий). Т. 1–2. Эр-Рияд: Дар аш-шурк, 2010.

7. *Ибн Ла'абун Хамад ибн Мухаммад ибн Наср*. Тарих Ибн Ла'абун (История Ибн Ла'абун) // Хизанат ат-Таварих ан-Надждия. Т. 1. Эр-Рияд: [б.и.], 1999.
8. *Лам'а аш-Шихаб фи сират Мухаммад ибн 'Абд аль-Ваххаб* (Блеск метеора в жизни Мухаммада ибн 'Абд аль-Ваххаба). Эр-Рияд: Дарат аль-малик 'Абд аль-'Азиз, 2005.
9. *Аль-Манкур Ахмад ибн Мухаммад*. Тарих аш-шайх Ахмад ибн Мухаммад аль-Манкур (История шейха Ахмада ибн Мухаммада аль-Манкура). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания асна'а ан-нашр, 1999.
10. *Аль-Фахири Мухаммад ибн 'Умар*. Тарих аль-Фахири (История аль-Фахири). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания асна'а ан-нашр, 1999.

References

1. Al-'Ausaji Muhammad ibn Hamad ibn 'Ibad. *Tarikh Ibn 'Ibad* (History of Ibn 'Ibad). Riyadh: Fakhrasat maktabat al-malik Fahd al-watania asna'a an-nashr; 1999.
2. Al-'Ausaji Muhammad ibn Rabi'a ibn Muhammad. *Tarikh Ibn Rabi'a* (History of Ibn Rabi'a). Khizanat at-tawarikh an-najdia. T. 3. Riyadh: [s.n.]; 1999.
3. Ibn Bishr 'Usman ibn 'Abdallah. *'Unwan al-majd fi tarikh Najd* (Symbol of glory in the history of Najd). T. 1–2. Riyadh: Darat al-Malik 'Abd al-'Aziz; 1982.
4. Ibn Bishr 'Usman ibn 'Abdallah. *'Unwan al-majd fi tarikh Najd (850–1156)*. Beirut: Dar al-Bashair al-Islamiya li-n-nashr; 2008.
5. Ibn Ghannam Hussein. *Tarikh Najd al-musamma raudat al-afkar wa-l-afkham* (History of Najd, called the garden of thoughts and concepts). T. 1–2. Riyadh: Dar ash-Shuruk; 2010.
6. Al-Wahbi 'Abd al-Karim. *Banu Khalid wa alyakatihim bi Najd* (Banu Khalid and their relationship with Najd). Riyadh: Dar as-Sakif li-n-nashr wa-t-ta'lif; 1989.
7. Ibn Laabun Hamad ibn Muhammad ibn Nasr. *Tarikh Ibn Laabun* (History of Ibn Laabun). Khizanat at-Tawarikh an-Najdia. T. 1. Riyadh: [s.n.]; 1999.
8. *Lam'a ash-Shihab fi sirat Muhammad ibn 'Abd al-Wahhab* (Shine of a meteor in the life of Muhammad ibn 'Abd al-Wahhab). Riyadh: Darat al-malik 'Abd al-'Aziz; 2005.
9. Al-Mankur Ahmad ibn Muhammad. *Tarikh ash-shaikh Ahmad ibn Muhammad al-Mankur* (History of Sheikh Ahmad ibn Muhammad al-Mankur). Riyadh: Fakhrasat maktabat al-malik Fahd al-watania asna'a an-nashr; 1999.
10. Al-Fahiri Muhammad ibn 'Umar. *Tarikh al-Fakhiri* (History of al-Fakhiri). Riyadh: Fakhrasat maktabat al-malik Fahd al-watania asna'a an-nashr; 1999.

Информация об авторе:

Матвеев Федор Юрьевич — младший научный сотрудник, кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 1), e-mail: fedorferenc1997@gmail.com

Information about the author:

Fedor Yu. Matveev — Junior Researcher, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (11/1 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation), e-mail: fedorferenc1997@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-201-210
EDN: FVDNDI

Научная статья / Research article

Сведения арабского географа ал-Мукаддаси о Кабке в X в.

М.А. Гизбулаев

Независимый исследователь, Кудали, Гунибский район, Республика Дагестан,
Российская Федерация
✉ awariyav@gmail.com

Аннотация. В исследовании приводятся сведения по истории Кабка X в. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек, относящихся к истории народов Кавказа, из арабского географического сочинения أحسن التقاسيم في معرفة الأقاليم Ахсан ат-такасим фи ма`рифат ал-акалим («Наилучшее разделение распознавания регионов») ал-Мукаддаси, который путешествовал в течении двадцати лет, побывал почти во всех мусульманских странах. Для данного исследования сочинение ал-Мукаддаси интересно тем, что в нем есть сведения о Восточном Кавказе (Дагестане в частности) — характеристика особенностей городов, господствующие религиозные направления, расстояние между различными населенными пунктами региона и др. Кроме того, впервые выполнено сопоставление сведений о Кабке сочинения ал-Мукаддаси и сочинения ал-Истахри Китаб масалик ал-мамалик («Книга путей государств»), чтобы выяснить, едино ли происхождение материала у обоих авторов. При этом мы отмечаем, что перевод фрагментов из арабских текстов ал-Мукаддаси о народах Кавказа Н.А. Караулова содержит интерпретационные недостатки, а некоторые фрагменты из арабских текстов отсутствуют. Научная значимость данной работы определяется тем, что ее материалы могут быть использованы в процессе дальнейших источниковедческих исследований, при написании средневековой истории Кавказа.

Ключевые слова: Ал-Мукаддаси, средневековая история Дагестана, Ахсан ат-такасим фи ма`рифат ал-акалим, арабская география, мусульманская историография, источниковедение, Кавказ

Для цитирования: Гизбулаев М.А. Сведения арабского географа ал-Мукаддаси о Кабке в X в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 201–210. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-201-210>

© Гизбулаев М.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Arab Geographer Al-Muqaddasi's Reports on the 10th Century Qabq

Magomed Gizbulaev

Independent Researcher, Kudali, Gunib district, Republic of Dagestan, Russian Federation

✉ awariyav@gmail.com

Abstract. This paper provides information on the 10th century Qabq history on the basis of translation, commentary and comparative analysis of excerpts in relation to the history of Caucasian peoples from the Arabic geographical works *Aḥsan al-taqāsīm fī maʿrifat al-aqālīm* (*The Best Divisions in the Knowledge of the Regions*) of al-Muqaddasī who undertook in a period of twenty years a series of journeys throughout the Muslim world. For this study al-Muqaddasī's work might be considered as a valuable source because it contains information on the eastern Caucasus (Dagestan, in particular) like: the characteristics of cities, religious trends, distance between various settlements of the region etc. Moreover, I compared some reports on Qabq by al-Muqaddasī and al-Istakhri's *Kitab masalik al-mamalik* ("Book of Kingdoms' Roads") in order to find out whether the origin of the material is the same for both authors. Also, I noted that N.A. Karaulov's translation of fragments from al-Muqaddasī's work on the history of Caucasus people which contains not just stylistic flaws and interpretational errors, but some fragments are missing from the Arabic texts. The results of this research can further the source study in writing the medieval history of Caucasus.

Keywords: al-Muqaddasī, Medieval history of Dagestan, *Aḥsan al-taqāsīm fī maʿrifat al-aqālīm*, *Kitab at-tanbih wa-l-ishraf*, Arabic geography, Islamic historiography, source study, Caucasus

For citation: Gizbulaev M. The Arab Geographer Al-Muqaddasi's Reports on the 10th Century Qabq *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):201–210. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-201-210>

Десятый век — период дальнейшего подъема мусульманской культуры — богат отдельными интересными сочинениями в области истории, географии, поэзии, медицины и др. Кроме того, число исследователей в данный период значительно выросло и, что для нас особенно важно, среди них мы встречаем тех, кто путешествовал по областям Восточного Кавказа. Этот период времени выдвигает ряд крупных фигур в области географии и истории, в частности, как ал-Мукаддаси. Он был одним из известных представителей арабской географии, продолжавших традицию составлять «Атлас Ислама», начатую ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн Хаукалем.

Цель исследования — освещение сведений по истории Кабк в X в. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из сочинения *أحسن التقاسيم في معرفة الأقاليم* Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим («Наилучшее разделение распознавания климатов») ал-Мукаддаси, относящиеся к истории народов Кавказа. Кроме того, в статье впервые выполнено сопоставление сведений о Кабке сочинения ал-Мукаддаси и сочинения

ал-Истахри *Китаб масалик ал-мамалик* («Книга путей государств»), чтобы выяснить, едино ли происхождение материала у обоих авторов.

Для данного исследования сочинение ал-Мукаддаси интересно тем, что в нем есть сведения о Восточном Кавказе (Дагестане в частности) — характеристика особенностей городов, господствующие религиозные направления, расстояния между различными населенными пунктами региона и др. Сведения о городах Восточного Кавказа, например, Баб ал-Абваб, Самандар, Шеки, Кабала и др., встречаются также в географических сочинении ал-Истахри, но у ал-Мукаддаси представлены другие заметки об этих городах.

Ал-Мукаддаси — ученый, географ, путешественник второй половины X в., о жизни которого сохранилось сравнительно мало сведений. И все же, некоторые важные биографические данные о нем есть. Шамсудин Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ибн Аби Бакр ал-Банна аш-Шами, который известен по *нисбе* ал-Мукаддаси. Точная дата его рождения и смерти не определена, и относится приблизительно между 335 г.х./946 и 381 г.х./991 [1. Р. 145]. Известно, что он родился в городе Иерусалим, как свидетельствует о том его *нисба*. Сам он сообщает о том, что его дед Абу Бакр ал-Банна был уважаемым архитектором и известен тем, что он по просьбе Ибн Тулуна (835–884) построил морской порт в г. Акка. Получив с ранних лет хорошее образование, а также совершив в двадцатилетнем возрасте паломничества в Мекку, ал-Мукаддаси определил для себя заниматься изучением географии. С этой целью он путешествовал в течении двадцати лет, побывал почти во всех мусульманских странах, за исключением Андалузии, Синда и Систана. С традиционным описанием географических сведений мусульманских авторов в сочетании с богатым жизненным опытом позволили ему заметно выделяться. По замечанию французского востоковеда А. Микеля, ал-Мукаддаси предстает, подобно Ибн Хордадбеху, географом, подобно Кудама ибн Джа’фару, политиком, подобно Ибн Факиху, рассказчиком, подобно Ибн Хаукалу и ал-Йа’куби, мореходом, купцом и путешественником [2. Р. 462–293].

Сочинение ал-Мукаддаси разделяется на два тома. После большого введения, где приводятся самые разнообразные сведения общегеографического, терминологического, методологического и автобиографического характера, он объясняет, что вся обитаемая земля делится на семь климатов иклийм. Затем он дает общий обзор стран Ислама, которые, в свою очередь, поделены на 14 климатов акалийм, которые существовали на тот период времени: Джазира, Ирак, Акур, Шам, Миср, Магриб, Машрик, Дайлам, Рихаб, Джибал, Харасан, Фарс, Керман, и Синд. Здесь он также применяет географический термин иклийм, но уже в другом значении, именно, как страна или область. Ал-Мукаддаси основывается, прежде всего, на собственных наблюдениях и старается, как можно больше систематизировать свой материал и дать для каждой области однотипные сведения. Его сочинение показывает высокий образец арабского прозаического языка, выработавшегося к этому времени

в области исторической и географической литературы [3. С. 211–218] состоит из таких частей как: а) общая географо-климатическая характеристика области; б) административное деление области; в) местонахождение правительственных зданий, мечетей, кварталов и рынков, а также архитектура того или иного города; г.) монетная система, особенности мер веса, система налогов и т.п. Таким образом, все сведения, сообщаемые ал-Мукаддаси, дают исключительно важный материал для географии, архитектуры, топографии, истории, экономики и культуры Халифата. География ал-Мукаддаси совершенно оригинальна и мало зависит от сочинений предшественников [4. С. 137].

В Ахсан ат-такасим география сопряжена с историей, этнографией и лингвистикой. Ал-Мукаддаси приводил из текстов своих предшественников выдержки и указывал на источник информации. Подобным же образом оформлены и его личные впечатления: «я видел», «я слышал», «я присутствовал», «я спросил».

Следует отметить, что само сочинение ал-Мукаддаси существовало в двух редакциях, первую из которых датируют в 375 г.х., и вторая, более полная, законченная в 378 г.х./988. Обе редакции имеют расхождение в содержании, одна из которых ориентировалась на династию Саманидов в Бухаре, а другая — на династию Фатимидов в Египте [5]. Впервые в Европу сочинение ал-Мукаддаси был введен в научный обиход во второй половине XIX в. немецким востоковедом А. Шпренгером. Также следует подчеркнуть, что редакция Ахсан ат-такасим, законченная в 378 г.х. существуют в двух рукописях: Стамбульской и Берлинской. Голландский востоковед М. де Гуге подготовил сочинение ал-Мукаддаси на основе Берлинской рукописи к изданию в качестве третьего тома серии «*Bibliotheca geographorum arabicorum*» в 1877.

В нашем исследовании для анализа сведений о Кабке, встречающихся в сочинении ал-Мукаддаси Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим, использовалось издание, опубликованное в Лейдене в 1906 [6].

На русский язык фрагменты из Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим о Кавказе, Армении и Азербайджане были интерпретированы Н.А. Карауловым в 1908 [7], перевод которого уже устарел, а некоторые фрагменты из арабских текстов отсутствуют; о Средней Азии и соседних регионов были переведены С.Л. Волиным в 1939 [8]; об африканских народах, живущих южнее Сахары были переведены Л.Е. Куббелем в 1965 [9]. Нам известен перевод глав «Климат ад-Дайлам» [Прикаспийская область Ирана] и «Климат ар-Рихаб» [регион Закавказья] сочинения ал-Мукаддаси, выполненный В.М. Бейлисом в 1994 [10]. В этом труде к переводу даются введение, комментарий, указатели, карта, таблица Н.И. Серикова. Также сведения ал-Мукаддаси о Хазарии были переведены Т. Калининой в 2015 [11].

Что касается сведений о Кабке, и Кавказе в целом, то у ал-Мукаддаси они встречаются в главах — Иклийм ад-Дайлам; и Иклийм ар-Рихаб.

Интересные для нашего исследования сведения, которые относятся к 846 г., о Кабке встречаются у ал-Мукаддаси в несколько отредактированном сообщении Ибн Хордадбеха, которому рассказал лично мусульманский путешественник, купец и полиглот Саллам ат-Тарджуман. По словам Ибн Хордадбеха, Саллам владел тридцатью языками [12. С. 63–70]. Свои впечатления от поездки Саллам описал в документе, предназначенном для Аббасидского халифа Абу Джа'фару Харуну ал-Васику ибн Му'тасиму, который правил с 842 по 847 гг., а также сообщал в устной форме.

«О том, что ал-Васик Биллах [Халиф], после того как увидел во сне, что стена, воздвигнутая Зулькарнайнном между [нами] и Йаджудж и Маджудж [Гог и Могог] открылась, обратился ко мне и сказал: Осмотри ее воочию и доставь мне сведения о ней! [Кроме того, задолго до Саллама] ал-Васик отправил астронома Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (ум. 850) [с поручениями] к Тархану — правителя хазар.¹ И собрал [Халиф] для меня пятьдесят человек² [для экспедиции], и наградил меня 50 тыс. динарами,³ и даровал мне за мою виру [компенсация, которую должен заплатить виновник преступления, совершенного неумышленно] 10 тыс. дирхемов, и приказал, чтобы каждому сопровождающему меня человеку [в экспедиции] выдали по 1 000 дирхемов и пропитание на год. А также он дал мне двести мулов для перевозки провианта и воды.⁴ И отправились мы [в путь] из г. Самарры (в тексте *سرمن رأى* Сурра-ман-ра) с письмом ал-Васика к Исхаку ибн Исмаилу,⁵ правителю Арминии находящемуся в Тифлисе, чтобы он оказал нам необходимую помощь [для дальнейшего маршрута]. И написал о нас Исхак [письмо] к правителю Сарир, а правитель Сарира написал о нас правителю Алан, а он написал о нас *Филан-шаху*, а тот написал о нас *Тархану* — правителю хазар. И пробыли мы у него день и ночь, до тех пор, пока он не отправил с нами пять проводников...» [б. С. 362].

У Н. Караулова перевод этого фрагмента из текста ал-Мукаддаси отсутствует. Что касается исторической личности Зулькарнайн (в пер. с араб. «обладающий двумя рогами» – праведник), имя которого упоминается в Коране, сведений о нем мало. Он завоевал большие территории в Европе и Азии и повсюду устанавливал законы Аллаха, проповедовал веру в единого Бога. В Коране описано, что он выступил против варварских племен

¹ Эти сведения у Ибн Хордадбеха отсутствуют.

² У Ибн Хордадбеха, кроме этого, еще «крепких и молодых людей».

³ У Ибн Хордадбеха, «пятью тысячами динарами».

⁴ У Ибн Хордадбеха идет продолжение текста: «а также по войлочной шапке, коже для покрытия [тела], меха и колесницу».

⁵ Исхак ибн Исмаил ибн Шу'айб — правитель Тифлиса, отделившийся от Аббасидского халифата. Он был женат на дочери царя Сарира. Исхак был разбит войсками халифатского военачальника Буги и казнен в 853.

Йаджудж и Маджудж, которые творили нечестие по отношению к другим народам. Зулкарнайн построил между двумя горами стену, а щели между блоками залил расплавленным железом [13].

Относительно области ар-Рихаба у ал-Мукаддаси посвящена целая глава. Ал-Мукаддаси единственный из географов, кто называет регион Восточного Кавказа словом ар-Рихаб вместо Арминийа. Он разделил эту область на три округа: Арран, Армения и Азербайджан. До перечисления населенных пунктов этой области ал-Мукаддаси переходит к ее характеристике.

Так, в первую очередь, он пишет, что эта область иклийм отличается обилием фруктов и виноградниками, чистыми городами, лесами и реками; а также наличием гор [для занятия пасека] и равнин [пахотные земли], долин [где пасется мелкий рогатый скот]. Поэтому руководствуясь всем этим, назвали ее ар-Рихаб, ибо не было другого названия, объединяющего в один край. Кроме того, наш автор приводит сведения о наличии там посевов, соборных мечетей, *рабадов* [пограничные заставы] для газиев [борцов за веру], крепостей и рынков, а также присутствию среди местного населения последователей Ахл сунна вал-джама'а [сунниты], людей обладающих ораторским искусством, предпринимателей и т.д. [6. С. 373].

Мы не будем давать полного описания населенных пунктов ар-Рихаба, а ограничимся лишь их некоторым перечислением. Так, например, ал-Мукаддаси пишет, что у административного центра округа касаба Барза'а пятнадцать городов мадина:

Тифлис *تفليس*; Кал'а Хунан⁶ *القلعة خنان* — « [город] без крепости, который расположен на равнине близ горы *Лакзан* *لكزان*»; Шамкур *شمکور*; Гянжа *جنزة*; Бардийж *برديج*; Шемаха *الشماخية*; Шарван *شروان* — «большой город на равнине, по которому проходит река, а дома его из камня. А соборная мечеть (джами') расположена среди рынков»;⁷ Баку *باکوه*. Шабаран *الشاباران* — « [город] без крепости, где преобладает население из христиан»; Дербент *باب الأبواب*; Абхан *الابخان* — «цветущая местность, как и города этой местности»; Кабала *قبلة* — «укрепленный город, за пределами которого проходит река, а его соборная мечеть находится на холме»; Шеки *شكى* — « [город] на равнине, в котором преобладает население из христиан, а его соборная мечеть находится на мусульманском рынке»;⁸ Малазкерт *ملازکرد* — «укрепленный город, в котором имеется множество *манабир* [кафедр проповедников] и садов, а его соборная мечеть находится на окраине рынка»; Тублан *تبلا* — «чистый город, который

⁶ У Караулова неполное название «Кал'а».

⁷ У Караулова: «Шарван — большой город на равнине; постройки его каменные; соборная мечеть на площади; его пересекает река».

⁸ У Караулова: «Шакки на равнине; большая часть жителей христиане, а соборная мечеть на площади мусульман».

контролируется мусульманами, их число там составляет 500 дворов, но большая часть населения состоит из христиан⁹» [6. С. 376].

Если сравнить этот отрывок ал-Мукаддаси с аналогичным отрывком ал-Истахри, то бросается в глаза, что по количеству городов — у ал-Мукаддаси — 15, а у ал-Истахри — 12 — нет соответствия. У ал-Истахри нет городов Баку, Малазкерт, Тублан, а у ал-Мукаддаси они есть. А те населенные пункты, которые есть у обоих авторов, различаются по своему написанию. Так, у ал-Мукаддаси — Абхан, а у ал-Истахри — Абхаз соответственно [14. С. 112].

Употребление слова *минбар* вместо джами' для обозначения города — не метонимия. *Минбар* был связан с пятничной проповедью *хутбой*, имевшей важное политическое значение со времени появления ислама. Он символ не только религиозной, но и политико-административной власти. Что касается классификации населенных пунктов, то ал-Мукаддаси, как и все мусульманские географы выделяет города по их административному значению. Он делил все города на три категории: *миср*, *касаба* и *мадина*. Классификация ал-Мукаддаси условна, и не исключает колебаний в отнесении городов к той или иной категории [4. С. 164].

По *касаба* Итиль *لاتل* ал-Мукаддаси также приводится список городов, входящих в сферу влияния хазарской столицы: Булгар *بلغار*, Самандар *سمندر*, Сувар *سوار*, Беганд Кайшва *بغند قيشوى*, Байда *البيضاء*, Хамлидж *خمليج* и Баланджар *بلنجر*. Далее там же указывается на то, что:

«Самандар — большой приморский город, лежащий между р. Хазар [Сулак или Терек?] и Баб ал-Абвабом. Их [жителей города] дома [построены в виде] шатра, в которых большая часть жителей составляют христиане. Они — люди спокойные и любящие [проявить гостеприимство] незнакомым людям, но они занимаются воровством. Этот город [по своим территориальным размерам] обширнее Хазара [одноименный город в Хазарии]. У них [жителей Самандара] много садов и виноградников; их жилища из бруса, переплетенного камышом, у которых остроконечные крыши. У них там много мечетей...» [6. С. 361]. У Н. Караулова перевод этого фрагмента из текста ал-Мукаддаси отсутствует.

Характеристики городов не сходятся и стилистически, и по объему. Так, у ал-Истахри: «Что касается города Баб ал-Абваба, то он стоит на берегу моря, в центре которого находится пристань для судов. Между этой пристанью и морем построены две заградительные стены, выходящие к морю так, что проход для судов по такому [маршруту в Дербент] стал сужаться. [Более того], этот [морской] проход сделан кривым, и в его начале протянута цепь, так что не сможет [любое] судно ни выйти, ни войти без распоряжения *амр* на это. Оба заградительные стены сделаны из камня и свинца. На берегу Табаристанского

⁹ У Караулова: «В Тебла в руках мусульман 500 домов, а большая часть жителей христиане; местность эта цветущая».

[Каспийского] моря расположен [город] Баб ал-Абваб. По своим [масштабам] этот город превышает [город] Ардабиль [на северо-западе Ирана], и у них [жителей Дербента] там много посевов, но мало фруктов, кроме того, что привозят им из близлежащих районов» [14. С. 110].

А у ал-Мукаддаси: «Баб ал-Абваб [стоит] на [побережье] Хазарского моря, который защищен оборонительной стеной [от военных походов] со стороны хазар. [Город имеет] три ворота *абваб*: главные ворота *Баб ал-кабир*, небольшие ворота *Баб ал-сагир*, и еще одни запертые ворота в районе моря, которые [в настоящий момент] не открываются. [Кроме того] есть несколько ворот, которые расположены [вдоль оборонительной стены] у моря, с одной стороны, и исламских [земель] с другой. На этой оборонительной стене, которая тянется от гор в море, имеются башни, в которых находятся мечети [скорее всего — молельные комнаты], и военные. Вокруг соборной мечети находятся [городские] рынки, рядом с которой течет источник с пресной водой. У них [в Дербенте] здания сооружены из камня. Их [горожан] дома [выглядят] добротными, которые имеют водопровод...¹⁰» [6. С. 376].

В описании некоторых городов Восточного Кавказа ал-Мукаддаси дает краткую характеристику, например, Дербента. «Из чудес ал-Баба — это наличие в нем крепости с цепью, которая [имеет кладку] из тесаного камня, такую же, как мы уже привели при описании Суре и Акке [города в Шаме]» [6. С. 380]. Кроме того, он дает характеристику еще таким городам, как Малазкерт, Тублан, Кал'а Хунан которых у ал-Истахри нет.

В мусульманском мире господствовало представление о городе как об административном центре. Оно отражено в арабском слове мадина, — происходящего от *дан* — «судить», — место, где производится суд, т.е. административный центр.

Что касается расстояний между населенными пунктами, то у обоих авторов они неодинаковые. Например, у ал-Мукаддаси: «От Барза'а до Бардийдж — 1 переход [40 км]; затем до Шемахи — 2 [дневных] перехода [80 км]; затем до Шарвана — 3 перехода [120 км]; затем до Абхаза [в тексте Абхан *الابخان*] — 2 перехода [80 км]: затем до Джиср Самура — 2 перехода [80 км] и затем до Баб ал-Абваба — 3 перехода [120]» [6. С. 381]. А у ал-Истахри: «от Барза'а до Бардийджа и Баб ал-Абваба по 18 фарсахов [108 км]; от Абхаза до Джиср Самур — 12 *фарсахов* [72 км]; а от Джиср Самура до Баб ал-Абваб — 20 *фарсахов* [120 км]» [14. С. 112–113]. Только эти сведения о расстояниях мы можем сопоставить, так как они встречаются у обоих авторов.

¹⁰ У Караулова: «... Стена тянется от гор в море, а на стене башни; в городе мечеть; охраняют его часовые; соборная мечеть посреди площади; в городе есть источники; постройки жителей из камня; дома их из дерева; есть у них и проточная вода».

Несмотря на то, что сведения ал-Мукаддаси о расстояниях между городами в Восточном Кавказе многократно использовались исследователями, никто не сопоставлял его цифры с реальным расстоянием на местности.

Реальное расстояние, между Джиср Самуром и Баб ал-Абвабом сложно определить, поскольку Джиср Самур не локализован. Расстояния между Барза'а и Баб ал-Абвабом можно определить согласно их локализации. На местности расстояние от Барда до Дербента составляет 546 км. Конечно же, расстояние между Барза'а и Баб ал-Абвабом, приведенное у ал-Мукаддаси, не такое же, как у ал-Истахри, у последнего расстояние равна 108 км, если учитывать, что в среднем дневной переход составляет приблизительно 38–40 км, что в общем составляет 520 км. Это позволяет судить о том, что ал-Мукаддаси более точен, в отличие от своего предшественника.

Далее мы не будем приводить в пример различия между текстами ал-Мукаддаси и ал-Истахри о Восточном Кавказе. После этого сведения ал-Мукаддаси о Кабке прерываются.

Таким образом, в отличие от сочинения ал-Истахри, у ал-Мукаддаси перечень населенных пунктов и расстояния между ними в Восточном Кавказе, которые описываются в дневных переходах более точны, то не вызывает никакого сомнения тот факт, что он в своем сочинении дает сведения по результатам путешествий из личных знаний. Также, данные о городах и местностях описываются очень подробно. Его принцип выделения города по наличию соборной мечети исходит из восприятия его, в первую очередь, как административного центра. Именно этот принцип положен в основу перечней городов у ал-Мукаддаси, который позволяет судить о числе городов в различных районах Восточного Кавказа. В целом труд ал-Мукаддаси посвящен описанию стран мусульманского мира. Его наблюдения и впечатления от своих путешествий, подкрепленные сведениями из арабских исторических и географических сочинений, которые, будучи подвергнуты суровой критике, легли в основу сочинения, известного под названием Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим.

Библиографический список

1. *Mushtaqur R.* “Al-Muqaddasi”. Encyclopedia of the History of Science, Technology, and Medicine in Non-Western Cultures. Selin, Helaine (Ed.) Springer Netherlands, 2008. 2415 p.
2. *Miquel A.* “Al-Mukaddasi”. In Bosworth, C.E.; van Donzel, E.; Heinrichs, W.P. & Pellat, Ch. (eds.). The Encyclopedia of Islam, New Edition, Volume VII: Mif–Naz. Leiden: Brill, 1993, pp. 462–493.
3. *Крачковский И.* Избранные сочинения в 6 томах. Том 4. Арабская географическая литература. М.-Л.: АН СССР, 1957. 912 с.
4. *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 394 с.
5. *Сериков И.* Ал-Мукаддаси // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Москва: Наука, 1994. Вып. 2 — Приложение.

6. Ал-Мукаддаси. Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим. Лейден: Брилл, 1906. 504 с.
7. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане: VIII. Ал-Мукаддаси // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Управл. Кавказского Учеб. Округа, 1908. Вып. 38. С. 2–6.
8. Волин С.Л. Материалы по истории туркмен и Туркмении, Том I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л.: АН СССР, 1939. 621с.
9. Куббель Л.Е. Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары, [т. 2] Арабские источники X–XII веков, М.-Л.: АН СССР, 1965. 465 с.
10. Бейлис В.М. Ал-Мукаддаси // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Москва: Наука, 1994. Вып. 2. Приложение
11. Калинина Т. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. 288 с.
12. Гизбулаев М.А. Китаб Ал-Масалик Ва-Л-Мамалик Ибн Хордадбега и Китаб Ал-Булдан Ал-Йа'куби: арабские географические источники о средневековой истории Дагестана // Проблемы Востоковедения, 2017. Вып. 4 (78). С. 63–70.
13. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. Серия: Золотой фонд исламской мысли. Москва: Ансар, 2007. 400 с.
14. De Goeje M.J. *Viae Regnorum. Descriptio dittonis moslemicae auctore Abu Ishak al-Istakhri. Lugduni Batavorum*. Leiden: E.J. Brill, 1870. XLIII, 508 p.

Информация об авторе:

Гизбулаев Магомед Андалавмагомедович — кандидат исторических наук, независимый исследователь (Российская Федерация, Республика Дагестан, Гунибский район, Кудаали), e-mail: awariyav@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5829-613X

СОВРЕМЕННЫЙ МИР WORLD TODAY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-211-225

EDN: FTQNF

Научная статья / Research article

Американский фактор в межкорейских отношениях в 2012–2023 гг.

Е.Ю. Каткова ✉, А.И. Глущенко

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ katkova_eyu@pfur.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена повышением влияния США на корейском полуострове путем усиления американо-южнокорейского альянса и его влиянием на межкорейские отношения. Роль Соединенных Штатов Америки во внешней политике Республики Корея велика, что не только ограничивает ее в развитии собственного потенциала из-за прямой зависимости от решений и действий Вашингтона, но и препятствует нормализации отношений между двумя Кореями. Целью исследования является изучение динамики отношений в треугольнике РК–КНДР–США. Основные методы исследования составляют анализ событий в треугольнике РК–КНДР–США, а также текстов резолюций Совета Безопасности ООН относительно вопросов ядерного нераспространения на Корейском полуострове. По итогам исследования был сделан вывод, что, невзирая на попытки Южной Кореи стабилизировать отношения с северным соседом, ее проамериканский курс во внешней политике не дает пойти на значительные уступки. На сегодняшний день внешняя политика РК направлена на углубление сотрудничества с США и их партнерами по безопасности в регионе, в связи с чем в ближайшее время не ожидается потепления в отношениях между двумя Кореями.

Ключевые слова: Республика Корея, США, КНДР, американо-южнокорейские отношения, ядерная угроза, межкорейские отношения, ядерная программа КНДР

История статьи: Поступила в редакцию: 30.10.2023. Принята к публикации: 29.01.2024.

Для цитирования: Каткова Е.Ю., Глущенко А.И. Американский фактор в межкорейских отношениях в 2012–2023 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 211–225. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-211-225>

© Каткова Е.Ю., Глущенко А.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

American Factor in Inter-Korean Relations in 2012–2023

Evgenia Yu. Katkova ✉, Anna I. Glushchenko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ katkova_eyu@pfur.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the active development of the U.S.-South Korean relations and their impact on inter-Korean relations. The role of the United States in the foreign policy of the Republic of Korea is great which not only limits it in developing of its own potential due to the direct dependence on decisions and actions but also hinders the normalization of relations between the two Koreas. The purpose of the research is to examine the dynamics of relations in the triangle “ROK (Republic of Korea) — DPRK (Democratic People’s Republic of Korea) — U.S.”. The main methods of the study include analyzing the events in the triangle “ROK — DPRK — the U.S.” as well as the texts of UNSC (United Nations Security Council) resolutions on nuclear non-proliferation on the Korean peninsula. The study concludes that despite South Korea’s attempts to stabilize relations with its northern neighbor, its pro-American course in foreign policy has prevented it from making significant concessions. For today, the ROK’s foreign policy is aimed at deepening cooperation with the US and its security partners in the region. Therefore no warming in relations between the two Koreas is expected in the near future.

Keywords: Republic of Korea, ROK, USA, DPRK, Democratic People’s Republic of Korea, the U.S.-South Korean relations, nuclear threat, inter-Korean relations, DPRK nuclear program

Article history: Received: 30.10.2023. Accepted: 29.01.2024.

For citation: Katkova EYu., Glushchenko AI. American factor in inter-korean relations in 2012–2023. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):211–225. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-211-225>

Введение

Исторически непростые отношения Республики Корея и Корейской Народной Демократической Республики сегодня переживают период новой напряженности, которая в первую очередь связана с активным вовлечением США в межкорейский диалог. На данный момент Южная Корея — политически и экономически активное государство как в Индо-Тихоокеанском регионе, так и на международной арене. Однако на внешнюю политику страны оказывает сильное влияние США.

Основой отношений РК и США является борьба с КНДР и ядерной угрозой, исходившей от нее. По вопросам ядерного нераспространения на Корейском полуострове и построения межкорейского диалога влияние США на принятие решений в Республике Корея особенно велико. Одним из главных инструментов, используемых Соединенными Штатами для укрепления и дальнейшего сохранения влияния в регионе, является военное присутствие. Одновременно это является и препятствием для нормализации диалога между Кореями, а также полной денуклеаризации всего полуострова.

Роль Соединенных Штатов Америки во внешней политике Республики Корея велика, что не только ограничивает ее в развитии собственного потенциала

из-за прямой зависимости от решений и действий Вашингтона, но и препятствует нормализации отношений между двумя Кореями. Целью статьи является изучение динамики отношений в треугольнике РК–КНДР–США.

Динамика межкорейских отношений и американский фактор в период с 2012 по 2017 гг.

В период с 2012 по 2018 г. можно проследить резкие изменения северо-корейско-южнокорейских отношений, что обусловлено как международной напряженностью и укреплением альянса США–РК, так и избранием новых лидеров в Сеуле и Вашингтоне, которые пересмотрели свою политику в отношении КНДР. Период 2012–2017 гг. стал одним из самых напряженных в треугольнике КНДР–РК–США в XXI в., что связано с президентством Пак Кын Хе. Главным направлением внешней политики Республики Корея новый президент избрала борьбу с ядерной программой Северной Кореи. Важным пунктом в северо-корейском векторе политики одиннадцатого южнокорейского президента было определено объединение двух Корей путем общих усилий совместно с США и Китаем [1. С. 25]. Ужесточение северо-корейской политики РК совпало с жесткой позицией администрации Б. Обамы, которая предприняла санкционный подход в качестве меры реагирования на провокационные запуски ракет КНДР, а также усилила поддержку Южной Кореи и взаимодействие между партнерами в регионе.

Однако позиция КНДР по данному вопросу заключалась в решении проблемы в двустороннем порядке, без привлечения внешних акторов. Пхеньян готов был вести диалог только при условии, что Южная Корея прекратит копировать враждебную политику США в отношении Серверного соседа.

Отношения осложнялись внесением изменений в Конституцию КНДР в апреле 2012 г. в связи со смертью Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г. В преамбуле документа было отмечено, что благодаря политике Сонгун («Армия на первом месте») Корейская Народно-Демократическая Республика превратилась в ядерную державу, нарастив собственную военную мощь и открыв широкий путь для строительства процветающей нации. Северная Корея тем самым впервые официально закрепила свой ядерный статус [2. С. 1].

12 декабря 2012 г., в честь 100-летия дня рождения Ким Ир Сена, в КНДР был проведен запуск искусственного спутника Кванменсон-3. После этого США, Республика Корея и Япония обратились в Совет Безопасности ООН с просьбой провести заседание по поводу запуска баллистической ракеты Северной Кореей. В результате 22 января 2013 г. была принята Резолюция СБ ООН S/RES/2087 (2013), которая ужесточала меры в отношении КНДР по распространению вооружений, а также вводила санкции в отношении северо-корейских официальных лиц и компаний, причастных к ядерной программе КНДР (Табл. 1).

Таблица 1

Голосование в СБ ООН по корейской проблеме в 2012–2023 гг.

Дата	Резолюция	Инициатор и результаты голосования			Причины принятия резолюции	Содержание резолюции
		2	3	4		
12.06.2012	S/RES/2050	США За: 15 Против: 0			Развитие ядерной программы КНДР	расширение мандата ООН по мониторингу ядерного, химического и биологического оружия, которым обладает КНДР; продление мандата Группы экспертов до 12 июля 2013 г.
22.01.2013	S/RES/2087	США За: 15 Против: 0			Запуск 12 декабря 2012 г. КНДР космического спутника «Кванмёнсон-3» в честь 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена	расширение мер, касающихся прав государств-членов изымать и уничтожать материалы, имеющие отношение к распространению вооружений; расширение мер в отношении физ. лиц, которые причастны и к ядерной программе КНДР; призыв проявлять повышенную бдительность за деятельностью физ. и юр. лиц, действующих от имени финансовых учреждений КНДР.
07.03.2013	S/RES/2094	Австралия, Бельгия, Дания, Канада, Марокко, Нидерланды, РК, Руанда, Великобритания, США, Того, Филиппины, Франция и Япония За: 15 Против: 0			Проведение ядерного испытания КНДР 12 февраля 2013 г.	осуждение ядерных испытаний КНДР и требование возвращения в ДНЯО; введение целенаправленных финансовых санкций в отношении физических и юридических лиц, причастных к ядерной программе КНДР; расширение списка запрещенных предметов, связанных с ядерным оружием, баллистическими ракетами и др.; запрет на поставку в КНДР предметов роскоши; проверка грузов, направляемых из/в КНДР.
02.03.2016	S/RES/2270	Албания, Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Канада, Чили, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Испания, Ирак, Ирландия, Италия, Япония, Казахстан, Латвия, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Малайзия, Мальта, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Палау, Филиппины, Польша, Португалия, РК, Сенегал, Словакия, Словения, Сомали, Испания, Швеция, Турция, Украина, Великобритания, США, Уругвай и Вануату. За: 15 Против: 0			Объявление КНДР о проведении первого успешного испытания водородной бомбы 6 января 2016 г. Запуск 7 февраля 2016 г. КНДР космического спутника «Кванмёнсон-4»	запрет на деятельность Корейской Народно-Демократической Республики, связанную с техническим сотрудничеством с другими странами в области запусков с использованием технологий баллистических ракет; эмбарго на поставки оружия и сопутствующих материалов, финансовые операции, техническую подготовку и консультативную помощь; введение новых требований досмотра грузов и морских судов, направляющихся из или в КНДР; расширение экономических санкций, включая блокировку средств правительственных учреждений КНДР и ее Трудовой партии, связанных с нелегальными программами и деятельностью; введение санкций (эмбарго в отношении угля, полезных ископаемых и топлива); запрет на прием инструкторов, консультантов и другого официального персонала КНДР для целей военной, военизированной и полицейской подготовки; включение в санкционный перечень новых 16 физ. лиц и 12 организаций КНДР.

1	2	3	3	4
30.11.2016	S/RES/2321	Армения, Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Канада, Чили, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Исландия, Ирландия, Израиль, Италия, Япония, Иордания, Казахстан, Латвия, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Мальта, Черногория, Марокко, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Перу, Филиппины, Польша, Португалия, РК, Румыния, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Македония, Турция, Украина, Великобритания, США и Уругвай За: 15 Против: 0	Проведение КНДР 9 сентября 2016 г. пятого ядерного испытания на полигоне Пунгери	включение в санкционный список 11 физ. лиц и 10 организаций КНДР; введение запрета на предметы, указанные в обновленном списке; расширение требований по досмотру грузов, ручной клади и багажа лиц, прибывающих в или выезжающих из КНДР; запрет на предоставление услуг по страхованию судов, контролируемых или эксплуатируемых КНДР; запрет на КНДР новых вертолетов и судов; пересмотр и расширение секторальных санкций (уголь, полезные ископаемые и топливо); расширение списка запрещенных предметов роскоши с добавлением новых позиций; введение требований о сокращении численности северокорейских сотрудников в дипломатических представительствах и консульских учреждениях стран-членов; введение требования по приостановлению научно-технического сотрудничества с КНДР; запрет КНДР осуществлять поставки, продажу или передачу памятных, а государствам-членам запрещается приобретать данные предметы; закрытие всех филиалов, представительств и банковских счетов в КНДР.
02.06.2017	S/RES/2356	США За: 15 Против: 0	Пятое ядерное испытание КНДР на полигоне Пунгери 9 сентября 2016 г.	включение в санкционный список 14 физ. лиц и 4 организации КНДР; принимавших участие в ядерном испытании на полигоне Пунгери; запрет на заход в порты и фрахтование судов под флагом КНДР.
05.08.2017	S/RES/2371	США За: 15 Против: 0	Запуски КНДР 4, 15 и 28 апреля баллистических ракет «Хвансон–12»	введение полного запрета на покупку у КНДР угля, железа и железной руды, морепродуктов и т.п. запрет на посещение портов и чартеризацию судов, зарегистрированных под флагом КНДР; запрет найма новых северокорейских работников, которые являются источником экспортных доходов из-за границы; расширение финансовых санкций; запрет на развешивание и использование химического оружия; призыв КНДР присоединиться к Конвенции о запрещении химического оружия. включение в санкционный список 9 физ. лиц и 4 организации КНДР.

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
11.09.2017	S/RES/2375 США За: 15 Против: 0	Шестое ядерное испытание КНДР 3 сентября 2017 г. (термоядерная бомба)	включение в санкционный список 1 физ. лица и 3 организации КНДР; полный запрет на экспорт всех видов конденсата и газоконденсатных жидкостей; введение ограничений в отношении всех продуктов переработки нефти; введение ограничения на поставки КНДР в сырой нефти; запрет на продажу текстильных изделий в КНДР; запрет на выдачу новых разрешений на трудоустройство гражданам КНДР; расширение финансовых санкций.
22.12.2017	S/RES/2397 США За: 15 Против: 0	Запуск 28 ноября 2017 г. КНДР межконтинентальной баллистической ракеты «Хвасон-15»	усиление ограничений в отношении поставок из КНДР всех нефтеперерабатывающих продуктов и других товаров; расширение сферы действия секторальных санкций; введение запрета на поставки КНДР всех видов промышленного оборудования и т.д. ужесточение ограничений на выдачу разрешений на работу гражданам КНДР, включая репатриацию всех граждан КНДР, получающих доход в странах-членах, а также всех атташе КНДР, занимающихся государственным контролем за охраной труда; ужесточение морских проверок для борьбы с незаконным экспортом из КНДР угля и других запрещенных товаров; усиление положения, запрещающего предоставление услуг по страхованию или перестрахованию судов КНДР, а также снятие с регистрации любых судов, участвующих в незаконной деятельности.
26.05.2022	S/2022/431 (не была принята) США За: 13 Против: РФ, КНР	Первый успешный пуск КНДР межконтинентальной баллистической ракеты 24 марта 2022 г.	включение в санкционный список 1 физ. лица и замораживание активов 3 организаций КНДР; эмбарго на экспорт из КНДР минерального топлива, нефти и продуктов их перегонки; битуминозных веществ; минеральных восков, а также часов и их частей; эмбарго на поставки, продажу или передачу КНДР всех видов табака и промышленных заменителей табака; полный запрет на покупку у КНДР услуг, связанных с информационно-коммуникационными технологиями.
23.03.2023	S/RES/2680 США За: 15 Против: 0	Развитие ядерной программы КНДР	продление мандата Группы экспертов до 30 апреля 2024 г.

Источники: Составлено авторами на основе резолюций СБ ООН.

6 января 2016 г. в КНДР были проведены подземные ядерные испытания водородной ракеты на полигоне Пунгери. 7 февраля того же года Северной Кореей был осуществлен запуск космического спутника «Кванмёнсон-4». Данные действия вызвали обеспокоенность международного сообщества, в связи с чем было созвано заседание в Совете Безопасности ООН. С одобрения всех пяти постоянных членов и десяти непостоянных членов СБ ООН единогласно была принята резолюция, вводящая новые санкции против КНДР [3. С. 104]. В соответствии с Резолюцией S/RES/2270 (2016) в отношении северокорейского государства была введена новая процедура досмотра грузов и морских судов, следующих из или в государство, а также запрет на торговлю оружием, замораживание активов, связанных с северокорейским правительством, эмбарго в отношении угля, полезных ископаемых и топлива и т.д. [4].

После вынесения КНДР смертного приговора в отношении экс-президента Республики Корея Пак Кын Хе и главы южнокорейской разведки Ли Бён Хо начала возникать напряженность между двумя Корееми. Этот приговор был вынесен за предполагаемую подготовку покушения на Ким Чен Ына в 2017 г. Согласно совместному заявлению министерства государственной безопасности и центральной прокуратуры КНДР правительство Северной Кореи потребовало передачи Пак Кын Хе и Ли Бён Хо в соответствии с международными законами, касающимися «государственного терроризма», совершенного в отношении высшего руководства [5. С. 304].

Китай и Россия попытались ослабить напряженность в отношениях между РК, США и КНДР. Два государства предложили «дорожную карту», позже названную «двойным приостановлением», для решения северокорейской ядерной проблемы. Согласно данному плану Северная Корея должна была приостановить ядерные испытания, а США и Южная Корея — постепенно свернуть военные учения вблизи северокорейской границы. Необходимо было в первую очередь ослабить напряженность на межкорейской границе. На следующем этапе — организовать прямые переговоры между КНДР и США, а затем перейти к многосторонним переговорам, направленным на обеспечение мира и безопасности в Северо-Восточной Азии [6].

Северная Корея объявила о готовности выполнить свои обязательства по предложенной программе: в 2018 г. была заморожена ядерная программа и взорван единственный полигон Пунгери. Правительство КНДР также заявило, что после закрытия данного полигона на своей территории больше не осталось подобных объектов. Ликвидация полигона предполагалась как демонстрация миролюбивых намерений, однако со стороны американо-корейского альянса не последовало никаких ответных действий [7. С. 133].

Позиция Республики Корея и США по ключевым вопросам на Корейском полуострове: общее и различное

	Республика Корея	США
Денуклеаризация Северной Кореи	Да	Да
Санкции в отношении КНДР	Да	Да
Военные действия	Нет	Возможно
Прекращение совместных военных учений РК и США	Нет	Нет

Источник: Kim Chong Woo, Samir Puri. Beyond the 2017 North Korea Crisis: Deterrence and Containment // JSTOR. 2017. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep08093> (accessed: 21.10.2023).

Избрание Д. Трампа президентом США и Мун Чжэ Ина — президентом Республики Корея в 2017 г. было воспринято Северной Кореей с настороженностью. Такая реакция была связана с тем, что в начале своего президентства новый лидер Южной Кореи заявил о согласии с позицией США по межкорейскому вопросу. Политика обоих государств в отношении КНРД предполагала сочетание двух компонентов — сдерживания и вовлечения, а именно оказание давления и угрозу санкциями, с одной стороны, и привлечение КНРД к диалогу, с другой [8. С. 191]. Однако были и различия, в первую очередь, в риторике лидеров. В то время как Трамп заявлял о готовности на решительные действия — вплоть до военных, Мун Чжэ Ин призывал к мирным переговорам, подчеркивая, что войны на Корейском полуострове не будет (Табл. 2).

Политика Д. Трампа также претерпела изменения в сравнении с позицией администрации Б. Обамы. Несмотря на то, что генеральная линия оставалась прежней — расширение военного сотрудничества с союзниками в регионе и широкомасштабные санкции, тем не менее, Д. Трамп разработал также свой подход, заключающийся в попытке выстроить личные связи с северокорейским лидером, чтобы привнести доверие в двусторонние отношения. Однако данный подход не сработал, т.к. позиция США в отношении корейской ядерной программы не изменилась. Д. Трамп продолжал настаивать на полной денуклеаризации в качестве первого шага со стороны КНРД, после которой бы следовали нормализация отношений и отмена санкций.

Одним из дестабилизирующих факторов в тот период стали совместные американо-южнокорейские военные учения, которые Север воспринимает как подготовку к войне [9. С. 304]. Так, в декабре 2017 г., на фоне северокорейских ракетных испытаний, Соединенными Штатами и Южной Кореей были проведены самые крупные военные учения под кодовым названием «Vigilant ACE». Учения были проведены по просьбе президента РК, чтобы продемонстрировать способность американских и южнокорейских сил ответить на «провокационные действия» в виде запусков северокорейских баллистических ракет

[10]. Таким образом, период 2012–2017 гг. стал довольно напряженным в межкорейских отношениях, что закончилось кризисом, когда после испытаний КНДР нескольких баллистических ракет средней дальности в мае 2017 г., которые продемонстрировали потенциальную способность поразить материковую часть США, Вашингтон и Пхеньян перешли к взаимным угрозам. И только общая заинтересованность в мире на Корейском полуострове заставила стороны пойти на уступки.

Посткризисная стабилизация отношений и новый виток напряженности в 2022 г.

Несмотря на довольно резкие заявления Д. Трампа, Мун Чжэ Ин все же предпринимал попытки наладить диалог между Севером и Югом. Так, в декабре 2017 г. президент РК предложил США отложить военные учения в связи с Олимпиадой в Пхёнчхане, запланированной на 2018 г. Данный шаг не только ослабил напряженность в отношениях между двумя странами, но и продемонстрировал готовность Южной Кореи к диалогу. Важно отметить, что США приняли предложение, и во время Олимпийских игр 2018 г. совместные военные учения не проводились.

Значительные сдвиги в сторону улучшения отношений между США, РК и КНДР начали происходить с 2018 г., когда политика Соединенных Штатов в отношении Северной Кореи претерпела изменения, что впоследствии повлияло на взаимодействие двух Корей. В рамках трехстороннего саммита США–РК–КНДР в период с 2018 по 2019 гг. было достигнуто соглашение о налаживании взаимоотношений при условии соблюдения поставленных требований [11. С. 293]. Однако США заявили, что согласны взаимодействовать по данному вопросу только после полного ядерного разоружения КНДР. В свою очередь, Северная Корея считала достаточными собственные шаги по замораживанию ядерной программы и уничтожению испытательного полигона Пунгери для продолжения диалога с США и снятия санкций [12. С. 59].

Несмотря на провокации со стороны КНДР, Южная Корея предпринимала различные меры по улучшению отношений с КНДР. Сеул продолжал оказывать гуманитарную помощь и пытался восстановить обмены между гражданами Корей даже после того, как Пхеньян отключил два межкорейских канала связи и провел несколько испытаний баллистических ракет в 2017 г. [13]. Еще одним достижением в нормализации диалога между Севером и Югом стало включение Мун Чжэ Ином КНДР в программу Олимпийских игр 2018 г.

Данные шаги принесли результаты. 27 апреля 2018 г. лидеры КР и КНДР провели саммит, по итогам которого была подписана Пханмунчжомская декларация. Стороны договорились предпринимать совместные шаги по денуклеаризации Корейского полуострова и продолжать налаживать диалог

по различным межкорейским вопросам. Декларация предусматривала принцип национального самоопределения двух Корей, прекращение войны и создание многостороннего соглашения при участии США и Китая [14].

12 июня 2018 г. в Сингапуре, при посредничестве Республики Корея, состоялась первая историческая встреча лидеров США и КНДР, в ходе которой Северная Корея взяла на себя обязательства по денуклеаризации Корейского полуострова в обмен на гарантии безопасности со стороны Соединенных Штатов. Кроме того, 20 сентября РК и КНДР подписали «Пхеньянскую сентябрьскую совместную декларацию», охватывающую все аспекты отношений между двумя Корейями. Важно отметить, что в декларацию был включен пункт, указывающий на готовность КНДР пойти на уступки для решения проблемы Север–Юг. Например, Пхеньян обещал закрыть свои ядерные объекты в Йонбёне [15].

27–28 февраля 2019 г. была проведена вторая встреча Ким Чен Ына и Д. Трампа в Ханое. На данный саммит возлагали надежды главы обоих государств. Для КНДР это была возможность для снятия многих санкций, а для США — укрепить свою позицию на полуострове в период активного сближения и сотрудничества двух Корей. В самом начале беседы двух лидеров говорилось о необходимости создания ведомства, которое отвечало бы за вопросы взаимодействия государств, а также поступала информация о начале подготовки Ханойской декларации. Однако данная встреча КНДР и США не оправдала ожиданий и закончилась досрочно без подписания какого-либо соглашения [16. С. 3–4].

Американская сторона заявила, что саммит был окончен досрочно в связи с требованием северокорейской стороны отменить все санкции, что США не были готовы сделать на тот момент. Важно отметить, что в своей речи Д. Трамп отметил готовность КНДР денуклеаризовать большую часть территорий, которые требовали США, однако отказаться от всех санкций американская сторона готова ради этого не была. При этом президент отметил, что переговоры прошли плодотворно и на данный момент США будут размышлять о своих дальнейших действиях относительно межкорейского вопроса [17]. В свою очередь Северная Корея заявила, что Ким Чен Ын не просил полной отмены санкций, а лишь предложил частичной отменить их [18].

Несмотря на то, что Ханойский саммит не привел к глобальным изменениям в отношениях, его считают одним из дипломатических и примирительных шагов двух государств, показывающим готовность к диалогу. Также было объявлено о проведении новых переговоров в скором времени. Так, в течение 2020 г. РК и США готовились провести еще одни переговоры с КНДР, однако процесс был приостановлен в связи с пандемией COVID-19.

После выборов 2021 г. в США администрации Джо Байдена изложила свой подход к северокорейской проблеме, сочетающий дипломатию

и сдерживание. Однако избрание Юн Сок Ёля в 2022 г. не привело к дальнейшему улучшению отношений между Севером и Югом. Был сделан уклон на следование курсу Д. Байдена в отношениях с КНДР и на углубление отношений с США и Японией [19. С. 4]. Его позиция отражена в представленной южнокорейской «Смелой инициативе». В данном документе была обозначена готовность оказывать продовольственную, техническую, медицинскую и др. помощь КНДР (кроме гарантий безопасности) в обмен на полное прекращение разработки ядерного оружия. Кроме того, РК готова выступить посредников в нормализации отношений между США и КНДР [20].

Однако правительство КНДР отреагировало негативно на данную инициативу, отметив, что она является «детской и крайне глупой» и повторяет прежние провалившиеся программы [21. С. 425]. Глубокое недоверие к нынешней администрации Южной Кореи, вкупе с недовольством совместными американо-южнокорейскими учениями, а также подозрениями в причастности Сеула к намеренному распространению эпидемии COVID-19 на территории КНДР поставили точку в переговорах по поводу полного разоружения [22. С. 104].

В сентябре 2022 г. Северная Корея опубликовала документ под названием «Закон о стратегии КНДР в отношении ядерных вооруженных сил», в котором еще раз признала свой статус ядерной державы и отказалась от проведения денуклеаризации. Согласно закону Пхеньян оставляет себе право применять ядерное оружие в ответ на внешнюю агрессию [23]. Кроме того, в 2022 г. после почти двух лет затишья Северная Корея произвела рекордное количество запусков ракет. В декабре 2022 г. произошел инцидент, обостривший отношения между странами, когда в ответ на американо-южнокорейские учения КНДР запустила на территорию РК беспилотники, после чего Сеул поднял в небо истребители и боевые вертолеты. В ходе перехвата один из южнокорейских штурмовиков КА-1 разбился. В случившемся власти Южной Кореи обвинили Север. Юн Сок Ёль заявил, что КНДР не представляет для них угрозы и подчеркнул необходимость ответных действий в случае повторной агрессии со стороны соседа [24].

В 2023 г. не было предпринято активных действий для решения вопроса денуклеаризации Корейского полуострова и стабилизации межкорейских отношений. В своей инаугурационной речи президент Республики Корея Юн Сок Ёль отметил, что будут предприняты мирные действия для решения проблемы на Корейском полуострове и обеспечения безопасности во всем мире. Было также объявлено о готовности привлекать другие государства, а в особенности — США как главного военного партнера [25]. Одновременно с этим, действия Южной Кореи и США заставляют усомниться в стремлении двух государств стабилизировать обстановку в регионе. Так, например, в январе 2023 г. были проведены переговоры РК–США об организации

совместных учений с участием американских ядерных сил. Также было создано управление по противодействию ядерному оружию и другому ОМУ, которое будет нести ответственность за противодействие угрозам со стороны КНДР [26. С. 7]. В ноябре 2023 г. Республика Корея и США приняли обновленную стратегию сдерживания КНДР под названием «Адаптированная стратегия сдерживания 2023», которая включила в себя меры по противодействию угрозе, исходящей от северного соседа. Помимо этого, Юн Сок Ёль заявил, что РК в ближайшей перспективе рассматривает размещение тактического ядерного оружия другого государства на своей территории, готова создать собственное, в случае ухудшения ситуации на Корейском полуострове из-за северокорейской ядерной программы, а также после резкого увеличения ракетных испытаний в начале 2022 г., и публично выступил за превентивный удар по Пхеньяну в случае появления признаков того, что ракеты КНДР направлены на Юг [27].

КНДР, в свою очередь, заявила о готовности в любой момент активизировать ракетные пуски в Тихий океан несмотря на то, что данные запускаются достаточно редко. За 2023 г. Северная Корея неоднократно осуществляла запуски ракет, испытания подводных беспилотников и других видов вооружений, что постоянно вызывало обеспокоенность США, РК, Японии и других государств. Например, только в период с января по сентябрь многократно были запущены такие ракеты, как «Хвасал-2», «Хвасон-15», «Хвасон-17», «Хвасон-18» и др. [28. Р. 35–36].

Важно также отметить увеличение числа учений РК, проводимых совместно с США и Японией в 2023 г. Были проведены следующие учения: учения ВВС со стратегическим бомбардировщиком и совместные учения в Японском море (РК, США, Япония), командно-штабные учения «Freedom Shield», основанные на компьютерной симуляции, учения по высадке морского десанта Ssangyong, учения с боевыми стрельбами, трехсторонние учения ВМС с авианосцем (РК, США, Япония), первые испытания вооружения истребителя KF-21, трехсторонние морские учения (РК, США, Япония), учения военных и гражданской обороны «Хваран», учебное моделирование отражения угроз из космоса, учения ВВС с привлечением около 110 самолетов в Кванджу, совместные военные учения в честь 75-летия со дня основания вооруженных сил Республики Корея и 70-летия альянса РК-США, совместные командно-штабные учения по сценариям ядерных ударов с США, вторые учения авиации со стратегическим бомбардировщиком США и др. [29. Р. 55–64].

Необходимо отметить, что на данный момент президентство Юн Сок Ёля все еще продолжается, однако уже можно увидеть кардинальные изменения межкорейской политики по сравнению с предыдущим президентом Южной Кореи. Во многом данные изменения связаны с усилением сотрудничества с США и их партнерами в регионе.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что за период 2012–2023 гг. большую роль в отношениях между КНДР и РК сыграл американский фактор. Во время президентства Трампа произошло резкое ухудшение отношений между двумя Кореями, закончившееся ракетным кризисом 2017–2018 гг. Однако благодаря усилиям Мун Чжэ Ина межкорейский диалог постепенно нормализовался, что способствовало частичному восстановлению сотрудничества в различных областях. Однако кардинального улучшения не произошло в связи с тем, что стороны так и не смогли прийти к согласию по поводу гарантий безопасности друг друга. Влияние на межкорейские отношения в большей мере оказала политика США и отказ американского правительства признавать значимыми предпринятые шаги северокорейской стороны.

Изменения в политике Республики Корея после прихода к власти Юн Сок Ёля в 2022 г. быстро накалили трехсторонние отношения РК, Северной Кореи и США. События 2022–2023 гг. подтверждают факт того, что при правлении нынешнего южнокорейского президента улучшения отношений между Кореями не ожидается. Напротив, отсутствие диалога и проведение постоянных учений Южной Кореи с США и Японией только усугубляют их. Присутствие американского фактора в отношениях Север-Юг на данный момент не способствует стабилизации межкорейского диалога и препятствует решению вопроса о денуклеаризации Корейского полуострова.

Библиографический список

1. White Paper on Korean Unification 2014 // Ministry of Unification: [сайт]. URL: https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/news/Publications/whitepaper/ (accessed 23.10.2023).
2. The Constitution of the Democratic People's Republic of Korea 2012 // The National Committee on North Korea (NCNK): [сайт]. URL: https://www.ncnk.org/sites/default/files/content/resources/publications/DPRK_Constitution_2012.pdf (accessed 25.10.2023).
3. *Milani M.* Korean Peninsula 2016: The never-ending crisis // *Asia Maior*. 2016. Vol. 27. P. 89–119.
4. S/RES/2270 (2016) // United Nations Security Council: [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/s/res/2270-%282016%29> (accessed 23.10.2023).
5. *Асмолов К.В., Захарова Л.В.* Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012—2021). М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.
6. *Син Г.* Двойная заморозка и дорожная карта: роль российско-китайской инициативы в урегулировании корейского кризиса // Валдай: [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dvoynaya-zamorozka-dorozhnaya-karta/> (дата обращения 22.10.2023).
7. *Panda A.* Kim Jong Un and the bomb: Survival and deterrence in North Korea. Oxford: Oxford University Press, 2020. 397 p.
8. *Кукла М.П.* Экономика Республики Корея. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. 246 с.

9. *Лобов Р.Н.* Политика Республики Корея в области межкорейских отношений в период нахождения у власти администрации Мун Чжэ Ина (2017–2022 гг.) // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 6 (75). С. 296–323.
10. S. Korea, US hold joint missile drills against N. Korea // The Korea Times: [сайт]. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2017/07/113_232441.html (accessed 21.10.2023).
11. *Захарова Л.В.* Межкорейское «потепление» 2018 г. и перспективы возобновления экономических отношений Севера и Юга // Корейский полуостров в поисках мира и процветания. Т. 1. / под ред. А.З. Жебин, К.В. Асмолов, Л.В. Захарова и др. М.: ИКСА РАН, 2019. С. 289–303.
12. *Хлопов О.А.* Влияние и политика США по ядерной проблеме Корейского полуострова // Colloquium-journal. 2019. № 8 (32). С. 58–61.
13. S. Korea likely to resume humanitarian aid, civilian exchanges with N. Korea // The Korea Times: [сайт]. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2017/07/113_232441.html (accessed 24.10.2023).
14. Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea: [сайт]. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130 (accessed 22.10.2023).
15. Pyongyang Joint Declaration of September 2018 // The National Committee on North Korea (NCNK): [сайт]. URL: <https://www.ncnk.org/node/1633> (accessed 22.10.2023).
16. *Мишин В.Ю., Симоненко А.В.* Никто не хотел уступать. К итогам саммита лидеров США и КНДР в Ханое // У карты Тихого океана. 2019. № 3 (254). С. 1–6.
17. Remarks by President Trump in Press Conference. Hanoi, Vietnam // The White House: [сайт]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-conference-hanoi-vietnam/> (accessed 25.10.2023).
18. Глава МИД КНДР провел экстренный ночной брифинг в резиденции Ким Чен Ына // ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6172493?utm_referrer=https:%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial (дата обращения 25.10.2023).
19. Sang-yoon Ma. South Korea's Foreign Policy in Changing Times: Reversing Course? // Institute for Security and Development Policy / Issue Brief. 2022. 8 p.
20. Audacious Initiative // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea: [сайт]. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_25501/contents.do (accessed 24.10.2023).
21. *Kwon E.* North Korean Nuclear Crisis from Contending Theoretical Perspectives // Pacific Focus. 2022. Vol. 37. № 3. P. 408–435.
22. *Foster-Carter A.* Drones in a darkening sky, tactical nuke talk: Pyongyang's provocations escalate // Comparative Connections: A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations. 2023. Vol. 24. № 3. P. 101–114.
23. Опубликование Закона о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных // Центральное телеграфное агентство КНДР: [сайт]. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/eee198c241efe434ca56af3e30dd3c29440e443660ec40ab74e00f128623b13ca666dda1282180e0ee1b4427b0574ae7.kcmsf> (дата обращения 22.10.2023).
24. *Nishioka T.* Looming Local Clash and Famine on Korean Peninsula // Japan Institute for National Fundamentals. 11.01.2023. URL: <https://en.jinf.jp/weekly/archives/10085> (accessed: 12.12.2023).
25. Full text of President Yoon's inaugural address // The Korea Times: [сайт]. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/11/113_328841.html (accessed: 09.11.2023).
26. *Yun S., Galas J.V.* The evolution of South Korea's new southern policy (NSP-K): the Moon and Yoon administrations // Asian Affairs. 2023. № 2. P. 1–14.
27. 55th Security Consultative Meeting Joint Communique // The United States Department of Defense: [сайт]. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3586522/55th-security-consultative-meeting-joint-communique/> (accessed 12.11.2023).

28. *Davenport K.* North Korea Tests Missiles in Response to Military Exercises // *Arms Control Today*. 2023. Vol. 53. № 3. P. 35–38.

29. *Richey M.* Nuclear New Year // *Comparative Connections: A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*. 2023. Vol. 25. № 1. P. 47–64.

Информация об авторах:

Каткова Евгения Юрьевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения и африканистики; старший преподаватель кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), e-mail: katkova_eyu@rfur.ru

Глуценко Анна Игоревна — магистрант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов (Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), e-mail: annaglushchenko@inbox.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-226-239

EDN: FSRMNI

Научная статья / Research article

Украинский фактор в международной политике: позиция Китая

И. Се

Яньаньский университет, Яньань, провинция Шэньси,
Китайская Народная Республика

✉ xieyiping@yau.edu.cn

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена текущей ситуацией на территории Украины, отличающейся необычайной напряженностью и противостоянием России и стран Запада. Целью является определение украинского фактора в международной политике и позиции Китайской Народной Республики. Данная работа основана на делопроизводственных, статистических и публицистических источниках. Основными выводами проведенного исследования являются установление основных причин возникновения украинских кризисов, начиная с первых лет независимости государства, определение Украины как важного форпоста США и их союзников в регионе Восточной Европы, выявление влияния украинского кризиса 2022 г. на международные отношения в целом и конкретные страны, обнаружение осуществления процесса перехода от однополярного мироустройства во главе с США к многополярному, выявление причин невмешательства в конфликт на территории Украины, к которым можно отнести оценку северного Причерноморья со стороны КНР как региона, отвечающего сугубо экономическим интересам; характеристика специальной военной операции как аспекта, форсировавшего процесс изменения геополитической конъюнктуры.

Ключевые слова: Россия, Украина, СВО, международные отношения, США, коллективный Запад

История статьи: Поступила в редакцию: 03.11.2023. Принята к публикации: 19.02.2024.

Для цитирования: Се И. Украинский фактор в международной политике и позиция Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 226–239. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-226-239>

Финансирование: Исследование проведено при поддержке гранта Яньаньского университета № 2023 JBSK -005.

© Се И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Chinese view on the Ukrainian factor in the international policy

Yiping Xie

Yan'an, Shaanxi, People's Republic of China

✉ xieyiping@yau.edu.cn

Abstract. The relevance of the research topic is due to the current situation on the territory of Ukraine, which is characterized by extraordinary tension and confrontation between Russia and the countries of the collective West. The purpose of the study is to determine the Ukrainian factor in international policy and the position of the People's Republic of China. This work is based on clerical, statistical and journalistic sources. This study is based on the theory of political realism, suggesting constant competition of states defending their national interests. In the process of research the author widely uses institutional, analytical and problem-chronological methods. The main conclusions of the study are the establishment of the main causes of the emergence of the Ukrainian crises, starting from the first years of independence of the state, the identification of Ukraine as an important outpost of the USA and its allies in the region of Eastern Europe, identifying the impact of the Ukrainian crisis of 2022 on international relations in general and specific countries, discovering the implementation of the process of transition from a unipolar world order led by the USA to a multipolar, identifying the reasons for non-interference in the conflict on the territory of Ukraine, which include the assessment of the northern Black Sea Region by the People's Republic of China as a region meeting strictly economic interests, characterization of the special military operation as an aspect that forced the process of changing the geopolitical situation.

Keywords: Russia, Ukraine, SMO, international relations, USA, collective West

Article history: Received: 03.11.2023. Accepted: 19.02.2024.

For citation: Xie Yiping. The Chinese view on the Ukrainian factor in the international policy *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):226–239. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-226-239>

Funding: The research was carried out at the expense of the Yan'an University Grant No. 2023 JBSK -005

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена текущей ситуацией на территории Украины, отличающейся необычайной напряженностью и прямым противостоянием России и стран Запада. Государства НАТО и их союзники занимают антироссийскую позицию, выраженную в усилении санкционного давления, искусственном дипломатическом коллапсе, поставками летального вооружения на территорию Украины.

История украинских кризисов

Украинский кризис, произошедший в ноябре 2013 — феврале 2014 гг., является логическим продолжением тех кризисных обстоятельств, произошедших в стране с момента получения независимости после распада Советского Союза. Украина, являвшаяся одной из республик-основательниц СССР, обладает выгодным географическим и геополитическим положением, обширными запасами природных ископаемых, значительным человеческим ресурсом, однако подобное историческое «везение» никаким образом не сказалось на политическом или экономическом успехе после обретения независимости: переход от плановой экономике к рыночной, проблемы административно-территориального устройства и т.д. приводили лишь к замедлению или снижению темпов экономического роста и уровня жизни граждан. На основании данных «Всемирного банка (англ. The World Bank)» ВВП Украины в 1992 г. составлял 73.95 млрд долларов США, однако уже в 1999 г. — 31.58 млрд долларов США¹. Таким образом, реформы Л.М. Кравчука и Л.Д. Кучмы привели лишь к снижению ВВП страны в более чем 2 раза. Более того, индекс человеческого развития (англ. HDI) на Украине за все время президентства Кравчука и Кучмы деградировал: в 1992 г. HDI составлял 0.715 единиц (42 место)², а в 1999 г. — 0.698 (60 место)³. Следовательно, появление протестных настроений у населения было лишь вопросом времени.

Первый украинский кризис произошел в 1994 г. ввиду ряда нерешенных вопросов: экономических, социальных и политических [1]. Постепенный переход от плановой экономики к рыночной, приведший к затяжному экономическому кризису, расслоение общества, обусловленное перераспределением материальных благ, и политическая нестабильность наряду с поляризацией государства привели к президентству Л.Д. Кучмы, политика которого заводила Украину в еще более глубокую кризисную ситуацию [2]. Под поляризацией государства подразумевается фактическое разделение Украины на западную и восточную⁴. Судить о данном явлении помогают результаты выборов президента Украины в 1994 г., когда население восточной Украины (Черниговская область, Сумская область, Полтавская область, Харьковская область, Луганская область, Донецкая

¹ GDP (current US\$) — Ukraine // The World Bank [Электронный ресурс] // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA> (дата обращения: 19.04.2023)

² Human Development Ranking 1992 // Human Development Index — HDI [Электронный ресурс] // URL: <https://countryeconomy.com/hdi?year=1992> (дата обращения: 19.04.2023)

³ Human Development Ranking 1999 // Human Development Index — HDI [Электронный ресурс] // URL: <https://countryeconomy.com/hdi?year=1999> (дата обращения: 19.04.2023)

⁴ Забытый кризис. Как Украина впервые оказалась на пороге распада // Украина. ру [Электронный ресурс] // URL: <https://ukraina.ru/20220512/1033943374.html> (дата обращения: 19.04.2023)

область, Днепропетровская область, Запорожская область, Херсонская область, Николаевская область, Одесская область и АР Крым) проголосовало преимущественно за Л.Д. Кучму, в то же время жители западной Украины (Закарпатская область, Львовская область, Волынская область, Ровненская область, Житомирская область, Киевская область, г. Киев, Черкасская область, Винницкая область, Хмельницкая область, Тернопольская область, Черновицкая область, Ивано-Франковская область) отдали свои голоса за Л.М. Кравчука⁵. Более того, жители регионов, отдавшие свои голоса в основном за Л.Д. Кучму, используют для своего общения русский язык⁶.

В 2004 г. протесты вспыхнули снова. Так называемая «Оранжевая революция», возникшая из-за непризнания населением результатов выборов президента, вскрыла уже давно назревшую проблему раскола страны на Запад и Восток. Население юго-восточных регионов страны преимущественно отдало свои голоса за В.Ф. Януковича, выступавшего за сближение с Россией, а жители западной и центральной Украины проголосовали за прозападного В.А. Ющенко⁷. Результатом протестов стал пересмотр итогов голосования, в котором де-юре победу одержал В.Ф. Янукович. По итогам перевыборов (третьего тура) пост президента занял прозападный кандидат В.А. Ющенко.

Безусловно, самым масштабным кризисом украинского государства стал государственный переворот 21 ноября 2013 г. — 22 февраля 2014 г. Поводом к наступлению данного кризиса послужил отказ Кабинета Министров от подписания соглашения об ассоциации с ЕС и намерение восстановить экономические связи с Россией, однако причина противостояния заключалась в давней проблеме: политическое разделение Украины на западную и восточную. Восточные и юго-восточные регионы страны желали тесного сотрудничества с Россией в виду культурных, исторических и экономических связей⁸.

Протесты, поначалу имевшие мирный характер, привели к свержению действующего режима и приходу к власти радикальной оппозиции. Безусловно, далеко не все население поддерживало политику новых элит,

⁵ Президентские выборы 1994 // Электоральная география 2.0 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraine-presidential-election-1994.html> (дата обращения: 20.04.2023)

⁶ Пятый всеукраинский муниципальный опрос 6 сентября — 10 октября 2019 // Center for insights in survey research [Электронный ресурс] // URL: https://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/fifth_municipal_survey_september_2019_ua_final_12-5-2019.pdf (дата обращения: 20.04.2023)

⁷ Результаты голосования 21.11.2004 // ЦИК Украины [Электронный ресурс] // URL: www.cvk.gov.ua (дата обращения: 20.04.2023)

⁸ История воссоединения Крыма с Россией // ТАСС [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/info/6222164> (дата обращения: 20.04.2023)

поэтому протесты против последних вспыхивали один за одним в юго-восточных регионах страны. Резкая радикализация элит и населения центральной и восточной Украины привели к росту идей отделения в юго-восточных областях и Автономной Республике Крым⁹. Как итог, население Крыма приняло решение воссоединиться с Российской Федерацией, в Харьковской, Одесской, Донецкой и Луганской областях вспыхнули народные восстания против нового политического режима. Харьков и Одесса свои позиции отстоять не смогли, Донецк и Луганск начали вести вооруженное противостояние [3].

События 2013–2014 гг. привели к резкому ухудшению отношений между Украиной и Российской Федерацией, упадку социально-экономического положения, началу вооруженного противостояния и потере значительных территорий со стороны Украины.

Более того, украинское правительство начало курс по сближению с западным миром: улучшение отношений с НАТО, сближение с Европейским Союзом. Сотрудничество с НАТО являлось одним из основных направлений политики Украины с момента обретения суверенитета, еще в 1992 г. Украина вступила в Совет североатлантического сотрудничества НАТО, в 2006 г. представители украинской армии прошли службу в составе тренировочной миссии НАТО в Ираке и многое другое [4]. Украинское правительство предпринимало и продолжает предпринимать попытки по интеграции с НАТО, что, безусловно, сказывается на отношениях с Россией, которая не желает видеть на своих границах государство-член НАТО с населением более 40 млн человек¹⁰.

Планомерная политика Украины по вступлению в НАТО, постепенная радикализация элит и населения страны, вооруженное столкновение на территории государства, необходимость защиты русскоговорящего населения и прямая угроза Российской Федерации привели к признанию суверенитета Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР)¹¹ и началу специальной военной операции (СВО) на территории Украины, датируемой 24 февраля 2022 г.¹² Данные события можно рассматривать в контексте четвертого украинского кризиса.

⁹ Украина: путь на Запад // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс] // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ukraina-put-na-zapad/> (дата обращения: 20.04.2023)

¹⁰ Population, total — Ukraine // The World Bank [Электронный ресурс] // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=UA> (дата обращения: 21.04.2023)

¹¹ Россия признала независимость ДНР и ЛНР: причины и последствия // РБК [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/02/2022/6213a9339a794737fb19f793> (дата обращения: 21.04.2023)

¹² Брифинг официального представителя Минобороны России // Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России) [Электронный ресурс] // URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/news/more.htm?id=12410575@egNews (дата обращения: 21.04.2023)

Влияние украинского кризиса 2022 г. на международные отношения

Безусловно, украинский кризис 2022 г. оказал существенное влияние на международные отношения. Украина являлась и продолжает являться камнем преткновения в отношениях между Россией и коллективным Западом. Специальная военная операция, начатая Россией в 2022 г., обрушила планы украинского правительства на силовое решение проблемы в регионах Донбасса и Крыма, прервала евро- и североатлантическую интеграцию.

Украина, обладая выгодным географическим положением, является важным форпостом США и НАТО в целом. Фактически весь регион Причерноморья контролируется либо членами НАТО (Румыния, Болгария, Турция)¹³, либо союзниками США и Альянса (Украина, Грузия). Невыгодным актором причерноморского региона для США остается только Россия [5].

Как уже ранее было сказано, Украина является «камнем преткновения» в отношениях между Россией и Западом, посему с началом СВО отношения между двумя полюсами резко усложнились [6]:

1. Российская Федерация получила санкционное давление со стороны стран Запада и их союзников (на момент 20 февраля 2023 г. количество санкций против России составило 14 022 единицы. До 22 февраля количество санкций составляло лишь 2 695 единиц)¹⁴;
2. Значительное количество стран западного мира выслали российских дипломатов (Швеция, Молдавия, Германия, Норвегия, Нидерланды, Австрия, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Черногория, Румыния, Болгария, Италия, Испания и др.)¹⁵;
3. Давлению подверглись российские деятели искусства, спортсмены и ученые;
4. Представители западного бизнеса начали покидать российский рынок, продавая свои активы российским бизнесменам¹⁶.

Однако не только Российская Федерация ощутила на себе изменения внешнеполитических отношений со странами коллективного Запада и их союзниками. Республика Беларусь также получила значительное санкционное давление со стороны стран Запада ввиду тесного экономического, политического и военного сотрудничества с РФ, белорусские дипломаты были подвергнуты давлению, высланы или объявлены персонами нон-грата и многое

¹³ NATO member countries // North Atlantic Treaty Organization [Электронный ресурс] // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/nato_countries.htm (дата обращения: 21.04.2023)

¹⁴ В ЕС раскрыли детали 10-го пакета санкций против России // РБК [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/02/2023/63f9d0fd9a794746b1d2a5b2> (дата обращения: 21.04.2023)

¹⁵ Высылка российских дипломатов // Известия [Электронный ресурс] // URL: <https://iz.ru/story/vysylka-rossiiskikh-diplomatov> (дата обращения: 21.04.2023)

¹⁶ Только 8,5% западных компаний смогли уйти из России до конца 2022 г. // Forbes [Электронный ресурс] // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/483977-tol-ko-8-5-zapadnyh-kompanij-smogli-ujti-iz-rossii-do-konca-2022-goda> (дата обращения: 21.04.2023)

другое. Давление на Беларусь во многом схоже с давлением на Российскую Федерацию.

Более того, давлению подвергся и ряд других государств, прямо или косвенно сотрудничавший с Российской Федерацией: Сирийская Арабская Республика, Исламская Республика Иран, Сербия, КНДР [7], Куба и Китай.

Специальная военная операция стала эффективным рычагом для пересмотра устоявшегося однополярного глобализирующегося мира, государства, несогласные с неоспоримой гегемонией США во многих аспектах, находят альтернативу американскому влиянию путем сокращения использования доллара в международной торговле, налаживания связей со странами, продвигающими трансформацию международной конъюнктуры в лице России и Китая, выхода из международной опалы и развития крепких доверительных отношений с новыми игроками [8].

Украинский кризис 2022 г. не является сиюминутным явлением, он представляет собой следствие давно назревшего политического кризиса — господства США на мировой арене, выраженного в экономической, политической и военной экспансии по всему миру. Российская Федерация, Китайская Народная Республика и их союзники в условиях роста напряжения создают новый «полюс» в мировом устройстве.

Внешнеполитическая стратегия Китая с учетом влияния украинского кризиса и СВО

Внешнеполитическая стратегия Китайской Народной Республики после окончания Холодной войны строится на противостоянии с Соединенными Штатами Америки, заполучившими в свои руки статус монополиста на международной арене, став единственной сверхдержавой после распада СССР.

Противоборство США и КНР за мировое господство получило отражение в «теории транзита власти» (англ. power transition theory), строящейся на анализе «новой биполярности» в отношениях между США и КНР после окончания Холодной войны. Специалисты, изучающие данный аспект внешнеполитических отношений, сходятся во мнении, что период «транзита власти» ограничивается 2010–2020 гг. и строится на недовольстве государствами статусом-кво в ключевых сферах.

Как отмечают в своей статье Д.А. Дегтерев, М.С. Рамич, А.В. Цвык, Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика уже находятся в состоянии паритета силы, а период «властного транзита» уже начался [9].

Китайская Народная Республика, являясь «локомотивом» международной трансформации и ликвидации статус-кво, обладает безусловным экономическим, политическим и военным потенциалом, способным соперничать с потенциалом США. КНР стремится к обретению необходимого уровня

международного влияния, для чего используются различные инструменты: мягкая сила (Институты Конфуция) и экономический потенциал, выраженный в «принуждении к торговле».

Китай в настоящее время является крупнейшим производителем и поставщиком товаров и услуг в мире. Согласно данным Всемирного Банка (англ. The World Bank), ВВП КНР в 2022 г. составил порядка 18 млрд долларов США¹⁷, в то же время ВВП США оценивается в 25,4 млрд долларов¹⁸. КНР является ключевым торговым партнером для более чем 120 государств¹⁹. В то же время Китайская Народная Республика является производственным центром, аккумулирующим на своей территории «цеха» большей части ключевых производств. Промышленный индекс деловой активности (англ. Manufacturing Purchasing Managers' Index — PMI) КНР, начиная с 2012 г. колеблется в диапазоне 49–55 пунктов с кратковременным понижением до 40 пунктов в 2020 г. и на момент начала 2023 г. составляет 51 пункт²⁰. В то же время Manufacturing PMI США подвержен более значительным колебаниям: достигнув своего пика в 2021 г. в 55 пунктов, показатели PMI США лишь снижались, достигнув на момент начала 2023 г. 47 пунктов²¹.

Основываясь на ранее приведенных данных, можно сделать вывод, что Китай является сейчас крупнейшим торговым партнером для большей части государств мира, аккумулируя на своей территории значительные производственные мощности. Подобное положение КНР позволяет Поднебесной активно влиять на третьи страны, буквально принуждая их к торговле с собой.

Ключевым инструментом реализации доминирования КНР в товарном секторе и построения собственной модели глобализма является инициатива «Один пояс и один путь», предложенная Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Данная инициатива заключается в построении двух торговых маршрутов, соединяющих КНР и государства Европы: Экономический пояс Нового Шелкового пути (англ. New Silk Road Economic Belt) (сухопутный) и Морской Шелковый путь XXI в. (англ. 21st Century Maritime Silk Road) [10].

¹⁷ GDP (current US\$) — China // The World Bank [Электронный ресурс] // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN> (дата обращения: 16.01.2024)

¹⁸ GDP (current US\$) — United States // The World Bank [Электронный ресурс] // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=US> (дата обращения: 16.01.2024)

¹⁹ China Is the Top Trading Partner to More Than 120 Countries // Wilson Center [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/china-top-trading-partner-more-120-countries> (дата обращения: 16.01.2024)

²⁰ China Caixin Manufacturing PMI // Trading Economics [Электронный ресурс] // URL: <https://tradingeconomics.com/china/manufacturing-pmi> (дата обращения: 16.01.2024)

²¹ United States Manufacturing PMI // Trading Economics [Электронный ресурс] // URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/manufacturing-pmi> (дата обращения: 16.01.2024)

Китайская Народная Республика рассматривает регион Причерноморья, к которому относится Украина, сугубо с точки зрения реализации инициативы «Один пояс и один путь», поэтому не принимает участия в регулярно возникающих на территории региона конфликтах, к которым можно отнести и кризис на Украине [11]. По причине географической выгоды региона Причерноморья КНР стремится обезопасить свои торговые маршруты, протекающие как по сухопутному коридору по территории республик бывшего СССР, так и по самому Черному морю.

С началом кризиса на Украине 2013–2014 гг. на полях Организации Объединенных Наций неоднократно принимались различные резолюции, посвященные кризисным событиям на Украине. 27 марта 2014 г. была принята первая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (A/RES/68/262)²², посвященная вопросу территориальной целостности последней. По итогам голосования 100 государств проголосовали «за», 11 государств (Армения, Беларусь, Боливия, Венесуэла, Куба, КНДР, Зимбабве, Никарагуа, Россия, Сирия, Судан) — «против», воздержались 58 государств, среди которых можно выделить и КНР.

Резолюция ГА ООН (A/RES/71/205)²³, посвященная «положению в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе (Украина)», была принята 19 декабря 2016 г. По итогам голосования 70 государств проголосовали «за», 26 (Ангола, Армения, Беларусь, Боливия, Бурунди, Камбоджа, КНР, Коморы, Куба, КНДР, Эритрея, Индия, Иран, Казахстан, Никарагуа, Филиппины, Россия, Сербия, ЮАР, Южный Судан, Судан, Сирия, Уганда, Узбекистан, Венесуэла, Зимбабве) — «против», воздержались 77 государств.

Резолюция ГА ООН (A/RES/72/190)²⁴, также посвященная вопросу «прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе», была принята 19 декабря 2017 г. В резолюции присутствует следующий фрагмент: «осуждая также зафиксированные серьезные нарушения и злоупотребления, совершаемые в отношении жителей Крыма, в частности внесудебные убийства, похищения, насильственные исчезновения, политически мотивированные преследования, дискриминацию, притеснение, запугивание, насилие (в том числе сексуальное), произвольные задержания,

²² Territorial Integrity of Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/767883?ln=en> (дата обращения: 17.01.2024)

²³ Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol (Ukraine): resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/855181?ln=en> (дата обращения: 17.01.2024)

²⁴ Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1327572?ln=en> (дата обращения: 17.01.2024)

пытки и жестокое обращение, в частности с целью добиться признательных показаний, и помещение в психиатрический стационар, и их перемещение или депортацию из Крыма в Российскую Федерацию, а также зафиксированные посягательства на другие основные свободы, включая свободу выражения мнений, свободу религии или убеждений, свободу ассоциации и право на мирные собрания». Позиция ООН по отношению к Российской Федерации была поддержана 70 государствами, среди которых можно выделить США, Великобританию, Украину, Швейцарию, Польшу и др. В то же время Китайская Народная Республика проголосовала против данной антироссийской резолюции.

Резолюция ГА ООН (A/RES/73/263)²⁵ от 22 декабря 2018 г. была также посвящена вопросу «прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе». КНР проголосовала против данной резолюции.

Резолюция ГА ООН (A/RES/73/194)²⁶ от 17 декабря 2018 г. была посвящена «проблеме милитаризации Автономной Республики Крым и города Севастополь, Украина, а также районов Черного и Азовского морей». В соответствии с данной резолюцией Генеральная Ассамблея ООН «настоятельно призывает Российскую Федерацию как оккупирующую державу вывести свои вооруженные силы из Крыма и незамедлительно прекратить временную оккупацию территории Украины». Данная резолюция была поддержана 70 государствами. Против высказались представители 26 государств, воздержались 76. Китайская Народная Республика воздержалась от голосования.

В 2019 г. ГА ООН было принято 2 резолюции по вопросу Украины: (A/RES/74/168)²⁷ — «Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, Украина» и (A/RES/74/17)²⁸ — «Проблема милитаризации Автономной Республики Крым и города Севастополь, Украина, а также районов Черного и Азовского морей». Обе резолюции были отклонены Китайской Народной Республикой.

²⁵ Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1657118?ln=en> (дата обращения: 17.01.2024)

²⁶ Problem of the militarization of the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine, as well as parts of the Black Sea and the Sea of Azov: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1656124?ln=en> (дата обращения: 18.01.2024)

²⁷ Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3840117?ln=en> (дата обращения: 18.01.2024)

²⁸ Problem of the militarization of the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine, as well as parts of the Black Sea and the Sea of Azov: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3838477?ln=en> (дата обращения: 18.01.2024)

В 2020 г. ГА ООН было принято 2 резолюции по уже ранее обозначенным вопросам: права человека в Крыму — (A/RES/75/192)²⁹ и милитаризация Крыма — (A/RES/75/29)³⁰. Обе резолюции были отклонены КНР.

На протяжении 2021–2023 гг. резолюции ГА ООН (A/RES/76/179)³¹, (A/RES/76/70)³², (A/RES/77/229)³³, (A/RES/78/221)³⁴ охватывали уже ранее обозначенные вопросы. По всем резолюциям КНР проголосовала против.

Таким образом, можно сделать вывод, что Китайская Народная Республика проголосовала против 12 резолюций ГА ООН по Украине из 13 предложенных.

Что касается резолюций СБ ООН, то внимание стоит уделить лишь документу под номером 2623³⁵, по которому вопрос начала специальной военной операции РФ на территории Украины передавался в ведение специальной сессии Генеральной Ассамблеи, на которой была принята резолюция ГА ООН (A/RES/ES-11/1)³⁶. КНР воздержалась от голосования как на полях СБ ООН, так и ГА ООН наравне с Индией.

Основываясь на ранее приведенных данных, можно сделать вывод, что на полях Организации Объединенных Наций Китайская Народная Республика начиная с 2014 г. сохраняла активную антизападную позицию, выраженную в голосе «против» резолюций, направленных против Российской Федерации.

²⁹ Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3894858?ln=en> (дата обращения: 18.01.2024)

³⁰ Problem of the militarization of the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine, as well as parts of the Black Sea and the Sea of Azov: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3893734?ln=en> (дата обращения: 18.01.2024)

³¹ Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3951458?ln=en> (дата обращения: 19.01.2024)

³² Problem of the militarization of the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine, as well as parts of the Black Sea and the Sea of Azov: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3950789?ln=en> (дата обращения: 19.01.2024)

³³ Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3997713?ln=en> (дата обращения: 19.01.2024)

³⁴ Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4030715?ln=en> (дата обращения: 19.01.2024)

³⁵ Security Council resolution 2623 (2022) [on convening an emergency special session of the General Assembly on Ukraine] // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3958818?ln=en> (дата обращения: 19.01.2024)

³⁶ Aggression against Ukraine : resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Digital Library [Электронный ресурс] // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3959039?ln=en> (дата обращения: 19.01.2024)

Стоит отметить, что КНР также неоднократно воздерживалась от голосования по резолюциям как в СБ ООН, так и на ГА ООН, что свидетельствует о явном нежелании ухудшения отношений с Российской Федерацией и прямого участия в конфликте.

Подобная «пророссийская» политика КНР основывается на двух факторах: переустройство существующей конъюнктуры международных отношений, заключающейся в главенстве Соединенных Штатов Америки, и экономическая выгода.

Переустройство нынешней конъюнктуры международных отношений было рассмотрено ранее при анализе «теории транзита власти». Что же касается экономической выгоды, то тут стоит отметить, что торговые отношения между РФ и КНР стремительно развиваются, особенно после начала СВО на территории Украины: КНР совместно с Российской Федерацией наращивает объемы двусторонней торговли в национальных валютах (юань и рубль). Товарооборот между двумя государствами вырос на 29,3 % по сравнению с 2022 г. до 190 млрд долларов США³⁷.

После начала специальной военной операции Китайская Народная Республика приступила к форсированному созданию объединения государств коллективного не-Запада, подтверждением чему могут служить усилия Председателя КНР Си Цзиньпина в налаживании отношений с государствами «Глобального Юга».

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что Китайская Народная Республика, являясь крупнейшим производственным центром нашей планеты, стремится к построению оптимальных торговых маршрутов для сбыта собственной продукции, поэтому КНР рассматривает регион северного Причерноморья сугубо с точки зрения экономического интереса ввиду его выгодного географического положения, позволяющего крупному производителю в лице КНР выйти на рынки стран Европейского Союза. Именно по этой причине Китай не принимает прямого участия в конфликте на Украине, однако в ходе развития кризисной ситуации на территории Украины КНР придерживалась антизападной позиции, что отчетливо видно по результатам голосования на полях Организации Объединенных Наций. С свою же очередь специальная военная операция Российской Федерации на территории Украины форсировала уже происходящее переустройство конъюнктуры международных отношений, на что указывает укрепление двусторонних отношений между РФ и КНР и развитие системы во главе с КНР, объединяющей государства коллективного не-Запада.

³⁷ Товарооборот РФ и КНР по итогам I квартала 2023 г. вырос на 38,7 % // Известия [Электронный ресурс] // URL: <https://iz.ru/1497770/2023-04-13/tovarooborot-rf-i-knr-po-itogam-i-kvartala-2023-goda-vyros-na-387> (дата обращения: 21.04.2023)

Заключение

Украинский кризис 2022 г. не представляет из себя сиюминутное явление, не имеющее объективных причин, кризисные ситуации в молодой республике начали возникать с момента распада Советского Союза и происходили с некой периодичностью. Основными причинами волнений и беспорядков становились экономические потрясения, ухудшение уровня жизни граждан и много другое, однако основной причиной являлся политический раскол населения страны, заключающийся в делении на Запад и Восток. Более того, Украина являлась и продолжает являться сферой интересов как стран коллективного Запада во главе с США, так и Российской Федерации.

Украинский кризис 2022 г. оказал значительное влияние на международные отношения, выявив собой давно назревавший конфликт между государствами коллективного Запада и странами, относящимися к коллективному не-Западу.

Китайская Народная республика, являясь одним из ключевых игроков на международной арене, не принимает прямого участия в конфликте на Украине, однако в ходе развития кризисной ситуации на территории Украины КНР придерживалась антизападной позиции, что отчетливо видно по результатам голосования на полях Организации Объединенных Наций. Причиной подобной политики Поднебесной является стремления к построению оптимальных торговых маршрутов для сбыта собственной продукции на рынки стран Европейского Союза по причине аккумуляции значительных производственных мощностей на своей территории, что можно рассматривать в контексте «теории транзита власти», заключающейся анализе «новой биполярности» в отношениях между США и КНР.

Специальная военная операция и весь украинский кризис 2022 г. в целом стали стимулом для переустройства мира. Государства, прямо или косвенно конфликтующие с Западом, находящейся под глубочайшим санкционным давлением и в политической изоляции, начинают процесс объединения с целью построения более справедливого мирового порядка.

Библиографический список

1. *Белащенко Д.А., Войнов А.А.* Влияние Евромайдана и его последствий на политический режим Украины // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. 2019. С. 205–211.
2. *Надтока Т.Б., Матвеев Н.В.* Коэффициент Джини в контексте оценки уровня и качества жизни населения // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики. 2016. С. 34–36.
3. *Дробышева Т.В.* Украинский конфликт: истоки и динамика // Политика и общество. 2018. № 3. С. 59–68.
4. *Аладын Н.В.* Политика Украины по вступлению в НАТО // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 2. С. 54–61.

5. Kuimova A., Siemon T.W. Russia and Black Sea security // Stockholm International Peace Research Institute. 2018.
6. Курьлев К.П. Фактор Украины в обеспечении международной безопасности: региональный и глобальный уровни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 2. С. 12–22.
7. Воронцов А.В. Позиция КНДР в отношении специальной военной операции России на Украине // Восточная аналитика. 2022. № 13 (2). С. 32–35.
8. Кули А., Нексон Д. Как заканчивается гегемония // Россия в глобальной политике. 2020. № 18 (5 (105)). С. 137–152.
9. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. № 2. С. 210–231.
10. Ли Н. Фактор КНР в меняющейся геополитической реальности (1991–2022 гг.) // Международные отношения. 2023. № 3. С. 47–61.
11. Лю С. Политика Китайской Народной Республики в Причерноморье (1976–2022 гг.) // Международные отношения. 2023. № 1. С. 20–31.

References

1. Belaschenko DA, Voinov AA. Influence of Euromaidan and its consequences on the political regime of Ukraine. *Development of political institutions and processes: foreign and national experience*. 2019;205–211.
2. Nadtoka TB, Matveev NV. Gini coefficient in the context of the assessment of the level and quality of life. *Development of Territorial Socio-Economic Systems: Theory and Practice*. 2016;34–36.
3. Drobysheva TV. The Ukrainian Conflict: Origins and Dynamics. *Politics and Society*. 2018;(3):54–61.
4. Aladyina NV. Ukrainian policy towards NATO joining. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2008;(2):54–61.
5. Kuimova A, Siemon TW. Russia and Black Sea security. *Stockholm International Peace Research Institute*. 2018.
6. Kurylev KP. The Ukraine factor in international security: regional and global levels. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2014;(2):12–22.
7. Vorontsov AV. The DPRK's position on Russia's special military operation in Ukraine. *Institute of Oriental Studies RAS*. 2022;(13):32–35.
8. Cooley A, Nexon D. How Hegemony Ends. *Russia in global affairs*. 2020;(18):137–152.
9. Degterev DA, Ramich MS, Tsvyk AV. “Power transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”. *Vestnik RUDN. International relations*. 2021;(2):210–231.
10. Li N. Chinese Factor in Changing Geopolitical Reality (1991–2022). *International relations*. 2023;(3):47–61.
11. Liu X. Policy of the People's Republic of China in the Black Sea Region (1976–2022). *International relations*. 2023;(1):20–31.

Информация об авторе:

Се Ипин — кандидат исторических наук, старший преподаватель, исторический факультет, Яньаньский университет (716000, Китайская Народная Республика, г. Яньань, провинция Шэньси, район Баота), e-mail: xieyiping@yau.edu.cn

Information about the author:

Yiping Xie — Ph.D in history, senior lecturer of the faculty of history, Yan'an University, (716000, People's Republic of China, Yan'an, Shaanxi Province, Baota District), e-mail: xieyiping@yau.edu.cn

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORIOGRAPHICAL STUDY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259

EDN: FPLMXP

Научная статья / Research article

Развитие концепции приграничного сотрудничества в российской и зарубежной историографии

А.С. Тарасова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
✉ nastya91938@mail.ru

Аннотация. Несмотря на актуальность приграничного сотрудничества как объекта изучения в социально-гуманитарных науках, малое число исследований комплексно и целенаправленно изучает его генезис, развитие и трансформацию в историографии. Таким образом, цель исследования — рассмотреть развитие концепции приграничного сотрудничества в трудах российских и зарубежных исследователей. Основываясь на принципе историзма, а также используя методы сравнительного, системного и контент анализа, автор выявляет особенности эволюции приграничного сотрудничества в научной мысли. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что начиная с XX века проблематика приграничного сотрудничества активно изучалась в теориях интеграции, парадипломатии, многоуровневого управления. В российской и европейской историографии приграничное сотрудничество понимается как 1) согласованные действия, направленные на укрепление добрососедства и развитие приграничных территорий; 2) сотрудничество органов власти соседних государств; 3) форма международных отношений. Различаются отечественные и зарубежные подходы тем, что в российском законодательстве субъектами приграничного сотрудничества выступают государственные акторы, а в европейском — территориальные сообщества. В российском праве закрепился термин «приграничное сотрудничество», а в праве ЕС также встречаются термины «трансграничное сотрудничество» и «транснациональное сотрудничество». В работах российских авторов приграничное сотрудничество рассматривается как международная деятельность регионов России, а в европейских источниках также анализируется сотрудничество внутри ЕС.

Ключевые слова: внешняя политика, Российская Федерация, Европейский Союз

История статьи: Поступила в редакцию: 27.11.2023. Принята к публикации: 15.02.2024.

© Тарасова А.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Тарасова А.С. Развитие концепции приграничного сотрудничества в российской и зарубежной историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 240–259. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259>

Evolution of the Concept of Cross-Border Cooperation in Russian and Foreign Historiography

Anastasiia S. Tarasova

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation

✉ nasty91938@mail.ru

Abstract. Despite cross-border cooperation being an object of study in the socio-humanitarian sciences, few studies comprehensively and purposefully overview its genesis, development, and transformation in historiography. Therefore, the purpose of this article is to examine the evolution of the concept of cross-border cooperation in the works of Russian and foreign researchers. Based on the principle of historicism, as well as using the methods of comparative, systemic, and content analysis, the author identifies the features of the transformation of cross-border cooperation in scientific thought. The research found that since the 20th century, the issue of cross-border cooperation has been actively studied in integration theories, paradiplomacy, and multilevel governance. In Russian and European historiography, cross-border cooperation is understood as (1) concerted actions aimed at strengthening good neighborliness and the development of border territories; (2) cooperation of authorities of neighboring states; and (3) a form of international relations. Russian and foreign approaches differ in the fact that in Russian legislation, the subjects of cross-border cooperation are state actors, while in European legislation, they are territorial communities. Russian law uses the term “cross-border cooperation,” and in EU law there are also notions of “transboundary cooperation” and “transnational cooperation.” The works of Russian authors consider cross-border cooperation as an international activity of Russian regions, while European sources also analyze cooperation within the EU.

Keywords: foreign policy, Russian Federation, European Union

Article history: Received: 27.11.2023. Accepted: 15.02.2024.

For citation: Tarasova AS. Evolution of the concept of cross-border cooperation in Russian and foreign historiography. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):240–259. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259>

Введение

Начиная с XX века вопросы развития приграничных территорий и приграничного сотрудничества вызывают активный исследовательский интерес историков, политологов, социологов, экономистов. В первой половине прошлого века концепция приграничного сотрудничества развивается в трудах североамериканских авторов в контексте внешнеэкономического

сотрудничества регионов. В Европе внимание к взаимодействию соседствующих территорий возрастает в послевоенное время в рамках теорий европейской интеграции. Всплеск интереса к приграничному сотрудничеству на внешних границах Евросоюза приходится на 1990–2000-е гг. В результате присоединения Финляндии к ЕС в 1995 г. появляется первая сухопутная непосредственная граница между Евросоюзом и Россией, протяженность которой увеличивается после вступления в ЕС Польши, Эстонии, Литвы и Латвии в 2004 г.. Данные события стали катализатором выработки европейских инструментов приграничного сотрудничества с новыми соседями. В этот период в российской научной среде также появляются работы, посвященные развитию приграничных территорий, что было вызвано динамичным ростом субнациональных международных контактов, особенно в европейской части страны.

В настоящий момент несмотря на значительное количество исследований, посвященных проблематике приграничного сотрудничества, в научной литературе практически отсутствуют работы комплексного и системного историографического обзора данного вопроса. Более того, малое число исследований целенаправленно изучает зарождение, развитие и трансформацию концепции приграничного сотрудничества. Некоторые авторы рассматривают историографию проблемы международных связей регионов, концентрируясь на выделении тематических и методологических направлений исследований [1–4]. Часть работ посвящена теоретическому анализу термина «приграничное сотрудничество», однако в них обзор предыдущих научных изысканий проводится с целью подкрепления своих авторских определений приграничного сотрудничества [5, 6]. Таким образом, цель данной статьи — изучить развитие концепции приграничного сотрудничества в российской и зарубежной литературе.

При анализе историографии автор руководствовался принципом историзма, который требовал соблюдения ряда условий. Первое условие предполагало рассмотрение исторической концепции в ее развитии и с учетом конкретного исторического контекста. Второе условие заключалось в оценке исторической концепции в сравнении с предшествующим состоянием исторической науки, что позволило отследить преемственность в развитии научной мысли [7. С. 55–56]. Так, при рассмотрении концепции приграничного сотрудничества особое внимание было уделено внутреннему и внешнему политическому контексту. В частности, в анализе прослеживается как европейская интеграция XX века повлияла на рост интереса ученых к данному вопросу, а развитие программ Тасис, Интеррег и ФАРЕ в 1990–2000-х гг. привело к новому этапу изучения взаимодействия на внешних границах ЕС. В российской академической среде интерес к приграничному сотрудничеству также усиливается в 1990-х гг. в связи с интенсификацией трансграничных контактов с европейскими регионами и реализацией указанных программ.

Данная статья относится к исследованиям проблемно-тематической историографии, которая призвана изучать «процесс складывания системы представлений о рассматриваемых событиях и явлениях в исторической науке» [8. С. 501–502]. Для проблемно-тематической историографии интерес представляет дисциплинарная история и предметно-содержательные результаты. Поэтому в работе рассмотрены исследования, непосредственно содержащие авторские подходы к интерпретации приграничного сотрудничества и позволяющие проследить его развитие в различных теоретических направлениях.

В работе использовались общенаучные методы исследования: метод контент анализа, а также методы сравнительного и системного анализа. Так как цель данной статьи связана с обзором историографии по вопросу приграничного сотрудничества, контент анализ стал ключевым методом данного исследования. Он позволил выделить определения приграничного сотрудничества в текстах российских и зарубежных авторов, интерпретировать их и сущностно изучить. С помощью метода сравнительного анализа стало возможным выделить общее и различное в понимании приграничного сотрудничества в российских и зарубежных подходах, а также в различных теоретических течениях. Метод системного анализа помог структурировать полученные данные и целостно рассмотреть их.

Развитие приграничного сотрудничества в теоретических подходах

В XX веке вопросы приграничного сотрудничества рассматривались в теориях европейской интеграции, в частности, в рамках функционалистского и федералистского подходов. Теоретики функционализма полагали, что для успешной интеграции первично выстраивание экономического и инфраструктурного сотрудничества, а только затем политического. Главенство государства в некоторой степени сменяется принципом транснационального решения общих вопросов, разделенных по функциональным областям: транспорт, связь, финансы и т. д. В итоге границы становятся «бессмысленными» ввиду усиления взаимозависимости, роста транснациональных связей и создания общих административных учреждений [9. С. 26–27]. Приверженцы федералистского направления в свою очередь делали акцент на политическом сотрудничестве и изначальной передаче полномочий на наднациональный уровень. По их мнению, единство политического управления способно скрепить государства, а создание надевропейских структур позволит усилить общую безопасность [10. С. 280]. Таким образом, в функционализме приграничное сотрудничество понималось как инструмент выстраивания первичных институтов сотрудничества, в то время как в федерализме приграничное сотрудничество являлось последовательным этапом развития межрегиональных связей в результате успешной политической интеграции [11].

Приграничное сотрудничество активно изучалось в рамках теории парадипломатии [12–15]. Исследования североамериканских ученых Духачека И. и Солдатоса П. были первыми работами, в которых описывалось, как территориальные сообщества достигают экономические и политические цели посредством международного сотрудничества. Введенное ими в научный оборот понятие «парадипломатия» означает «деятельность субгосударственных акторов (субъектов федераций, регионов, урбанистических сообществ, городов), параллельная, дополняющая, скоординированная, и, зачастую, входящая в противоречие с традиционной межправительственной дипломатией» [15]. В рамках этого подхода приграничное сотрудничество рассматривается как элемент внешней деятельности страны, то есть как один из аспектов ее внешней политики. В 1990-х гг. развивается европейская школа парадипломатии, представители которой занимались прикладными исследованиями, изучая европейские кейсы парадипломатии в свете идей регионализации и глобализации [16–18]. Под парадипломатией подразумевалось установление контактов между нецентральными правительствами с государственными или частными структурами соседнего государства, в том числе и с помощью приграничного взаимодействия [16. С. 40]. В России школа парадипломатии возникает в 1990-х гг., что было вызвано ростом международных контактов приграничных регионов с зарубежными партнерами, в частности, в рамках программ Тасис и Интеррег. Представители данного течения рассматривают вопросы развития региональной дипломатии [19–24] и выделяют приграничное сотрудничество как один из ее видов, который включает в себя взаимодействие региональных и муниципальных властей, расположенных по обе стороны границы [19].

В 1990–2000-х гг. в Европейском Союзе актуальным подходом к изучению границ становится многоуровневое управление. Многоуровневое управление изначально появилось как новая теория европейской интеграции в ответ на конкурирующие в тот момент теории неофункционализма и интерговернментализма. Под ним подразумевается «способность к коллективным действиям, в которых участвует широкий круг субъектов и институтов, а также неформальная и формальная деятельность на различных административных уровнях» [25]. В процессе развития концептуальных положений многоуровневого управления изменялось и понимание роли приграничного сотрудничества. Оно трансформировалось от инструмента создания взаимосвязанного европейского сообщества к способу выстраивания отношений со странами, не входящими в Евросоюз [26–33]. Примером является российско-европейский тип приграничного сотрудничества, базирующийся на программах Европейской политики соседства (ранее — Европейский инструмент соседства и партнерства). Привлечение на равной основе государственных и негосударственных партнеров позволяет теоретикам многоуровневого

управления рассматривать приграничные связи Евросоюза и России в контексте данного теоретического подхода [32. 33].

Таким образом, приграничное сотрудничество в контексте различных научных школ и течений рассматривается как:

- инструмент выстраивания первичных институтов сотрудничества (функционализм);
- итог развития межрегиональных связей в результате политической интеграции (федерализм);
- элемент внешней политики (парадипломатия);
- инструмент создания и поддержания горизонтальных и вертикальных, формальных и неформальных связей (многоуровневое управление).

Приграничное сотрудничество в нормативно-правовой базе России и Евросоюза

Прежде чем перейти к анализу приграничного сотрудничества в работах российских и зарубежных авторов, необходимо рассмотреть правовой терминологический аппарат. В случае изучения приграничного сотрудничества законодательство — это некий концептуальный фундамент, на основе которого формировались академические определения.

В Концепции приграничного сотрудничества Российской Федерации (2001 г.), как и в Европейской конвенции (1980 г.), приграничное сотрудничество понимается как *согласованные действия, направленные на укрепление добрососедства и развитие приграничных территорий* [34. 35]. В более поздних российских и европейских документах фокус направлен на приграничное сотрудничество, как на *часть внешней политики или международных отношений* [36. 37]. Таким образом, признается роль приграничного сотрудничества как инструмента реализации внешней политики [38. С. 47] и определяется его место в более широком контексте внешнеполитической деятельности государств. Интересно и то, что в Федеральном законе «Об основах приграничного сотрудничества» (2017 г.) приграничное сотрудничество рассматривается как *формат общения*, которое позволяет установить сотрудничество в различных сферах: экономической, научно-технической, гуманитарной и других [36]. Такой формат общения предполагает диалог заинтересованных сторон с учетом интересов не только государства в целом, но и его регионов и муниципалитетов. Данный взгляд на приграничное сотрудничество послужил основой для создания и развития новых подходов к управлению сотрудничеством приграничных регионов (например, стейкхолдерский подход [39] или многоуровневое управление [26]).

Несмотря на схожесть понимания приграничного сотрудничества в российском и европейском законодательстве, стоит обратить внимание на некоторые особенности.

Во-первых, различия наблюдаются в субъектности приграничного сотрудничества. В российском законодательстве ведущую роль играют государственные акторы — муниципальные образования, субъекты федерации, федеральные органы власти. В европейском подходе субъектами приграничного сотрудничества выступают территориальные сообщества. Можно предположить, что они включают в себя не только органы власти, но и неправительственные акторы, которые представляют гражданское общество приграничных регионов.

Во-вторых, в российском законодательстве закрепился только термин «приграничное сотрудничество», в то время как в ЕС встречаются термины «приграничное сотрудничество», «трансграничное / межтерриториальное сотрудничество», «трансграничное сотрудничество», «трансграничное сотрудничество». Так, согласно заключению Комитета регионов (2002 г.), приграничное сотрудничество осуществляется на географически сопредельных территориях, трансграничное сотрудничество допускает взаимодействие на несопредельных зонах, а трансграничное сотрудничество охватывает более обширные сопредельные территории [40].

Определение приграничного сотрудничества: российские подходы

Стоит сразу отметить, что в российской научной литературе нет единого подхода к разграничению понятий «приграничное» и «трансграничное сотрудничество». Зачастую данные термины используются как синонимичные понятия [21], в то время как часть исследователей предлагает свои авторские подходы к пониманию данных категорий [4. 19]. Как было отмечено выше, в российском законодательстве закреплён только термин «приграничное сотрудничество», поэтому далее будут рассмотрены работы, оперирующие именно этим понятием.

Значительная часть исследователей придерживается мнения, что приграничное сотрудничество можно определить как согласованные действия государственных органов сопредельных территорий [6. 41–46]. Например, Дубровина О.Ю. и Плотникова О.В., опираясь на правовую базу России и Евросоюза, предлагают понимать под ним «согласованные действия сопредельных регионов государств, направленные на укрепление отношений между соседними регионами, находящимися под юрисдикцией разных государств» [41. С. 100]. Главная цель данного сотрудничества будет заключаться в установлении связей между приграничными территориями и решении схожих проблем на базе имеющихся международных соглашений [41]. Тарасов С.Б. и Межевич Н.М. предлагают схожее определение: приграничное сотрудничество — это «совокупность согласованных действий: органов государственной власти всех уровней, находящихся на сопредельных территориях, местного

самоуправления, хозяйствующих субъектов, общественных организаций, научных и учебных учреждений» [6. С. 10]. В данном определении участники приграничного сотрудничества конкретизируются. Если у Дубровиной О.Ю. и Плотниковой О.В. в качестве акторов приграничного сотрудничества выделяются регионы, то Тарасов С.Б. и Межевич Н.М. говорят об участии гос. органов всех уровней, а также бизнеса и негосударственных организаций.

Решение общих вопросов как главную цель приграничного сотрудничества выделяют и исследователи Яровой Г.О. и Белокурова Е.В. Приграничное сотрудничество, согласно их мнению, это «сотрудничество между непосредственно прилегающими к государственной границе местными властями, направленное на решение узкого круга специфических проблем приграничных территорий» [47. С. 185]. Участие местных властей как важнейшая характеристика приграничного сотрудничества отражена и в определении Цветковой О.В. По ее словам, приграничное сотрудничество понимается как «процесс, происходящий между непосредственно прилегающими к государственной границе местными властями» [48. С. 280]. Подобное определение, однако с акцентом на роли еще и региональных властей, предлагает Кузьмин В.М.: приграничное сотрудничество — это «сотрудничество между региональными и местными властями по разные стороны границы во всех сферах жизнедеятельности, вовлекающее в свою деятельность различных акторов» [49. С. 14–15].

По словам Тарасова С.Б. и Межевича Н.М., приграничным сотрудничеством является допускаемое государствами сотрудничество органов местного самоуправления соседних государств при их соприкосновении через границу. Под «допускаемым» сотрудничеством понимается, то, что на федеральном уровне могут «сознательно «закрывать глаза» на неформальные контакты и незначительные нарушения внутреннего законодательства» [6. С. 10], если они приводят к улучшению качества жизни в приграничных регионах. Схожего мнения придерживается и Бурцева Е., по словам которой данное сотрудничество не обязательно действует в правовых рамках международной дипломатии и политики, а контакты устанавливаются не только официальным путем, но и через неофициальные каналы межкультурной коммуникации [50. С. 12].

Болотов Д.А. предлагает понимать приграничное сотрудничество как особую форму международных отношений, где ключевыми участниками являются не государства, а органы местного самоуправления, которые «действуют в значительной мере самостоятельно и обладают правом инициативы» [5]. Действительно, наличие институциональных механизмов, правовой базы и высокая степень контактов российских и европейских регионов позволяют говорить о приграничном сотрудничестве как об отдельной форме взаимодействия. Как одну из форм взаимодействия приграничное сотрудничество рассматривают и Севастьянов С.В., Лайне Ю., Киреев А.А., определяя

его как «устойчивую и взаимовыгодную форму приграничных отношений» [51. С. 418]. Схожей позиции придерживается и часть исследователей, которые рассматривают приграничное сотрудничество как «особую разновидность сотрудничества между регионами» [52. С. 5; 53. С. 177], которая определена соседством приграничных территорий. Такой особый вид взаимодействия складывается в результате установления прямых связей административно-территориальных единиц, что усиливает развитие межгосударственных контактов и интеграционных процессов.

Итак, в российских научных исследованиях можно выделить несколько категорий понимания приграничного сотрудничества:

- приграничное сотрудничество как согласованные действия сопредельных территорий [6. 41–46];
- приграничное сотрудничество как сотрудничество властей соседних государств (допускается участие бизнеса, НГО, образовательных учреждений) [6. 47–49];
- приграничное сотрудничество как форма международных / приграничных отношений [6. 51].

Определение приграничного сотрудничества: европейские подходы

Опираясь на Европейскую конвенцию, Де Соуса Л. [54] и ряд других ученых [55–58] определяют приграничное сотрудничество как «любой вид согласованных действий между государственными и/или частными учреждениями приграничных регионов двух (или более) государств, обусловленных географическими, экономическими, культурными/идентичными, политическими/лидерскими факторами, с целью укрепления (добрососедских) отношений, решения общих проблем или совместного управления ресурсами между сообществами через любые доступные механизмы совместной деятельности» [54. С. 8–9].

Согласно подходу Де Соуса Л., сотрудничество может быть направлено на: 1) повышение осведомленности и выстраивание добрососедских отношений; 2) взаимопомощь (сотрудничество служб экстренного реагирования); 3) функциональное сотрудничество (например, программы Интеррег); 4) совместное управление государственными ресурсами и услугами [54. С. 6–7]. Как правило, приграничные инициативы имеют не только функциональную основу, но и политическую составляющую. Их успех или неудача зависят от качества выстроенных связей [59. С. 181]. Некоторые контакты остаются неформальными и спорадическими, в то время как другие формы взаимодействия выходят на более высокий уровень политической консолидации [54].

Как отмечает Перкманн М., приграничное сотрудничество — это «более или менее институционализированное сотрудничество между

сопредельными субнациональными органами власти через национальные границы» [60. С. 156–157]. Растущее значение приграничного сотрудничества приводит к усилению автономии региональных и местных органов власти, которые управляют частью внешней политики на местном уровне [61]. Пиком такого сотрудничества является создание институциональных органов, направленных на вертикальную и горизонтальную координацию политики и конкретных действий [62. С. 24]. Схожего определения, но с акцентом на сотрудничество регионов, придерживается и Жуковски А. По его словам, приграничное сотрудничество можно определить как «соседское сотрудничество сопредельных приграничных регионов» [63. С. 16]. Такое сотрудничество возникает не в результате интенсивных торговых отношений, а в результате политики «низкого уровня», которая объединяет субнациональные власти, некоммерческие организации и частный сектор в координационные механизмы, ориентированные на решение общих проблем [60].

Перкманн М. предлагает следующие критерии для определения приграничного сотрудничества:

- 1) приграничное сотрудничество должно быть включено в сферу государственной политики, так как его главными участниками являются государственные органы;
- 2) приграничное сотрудничество предполагает взаимодействие субнациональных органов власти, которые не являются юридическими субъектами международного права, поэтому приграничное сотрудничество часто основывается на неформальных договоренностях;
- 3) в содержательном плане, приграничное сотрудничество в первую очередь занимается решением практических проблем, которые касаются повседневной жизни;
- 4) приграничное сотрудничество приводит к стабилизации трансграничных контактов, что в последствии приводит к институциональному строительству [60. С. 156].

Исследователь Скотт Дж. полагает, что приграничное сотрудничество можно определить как политические проекты, осуществляемые частными, государственными и третьими субъектами с целью извлечения выгоды из совместных инициатив в экономических, социальных, экологических и политических областях. Предполагается, что благодаря новым формам политического и экономического взаимодействия, как институционального, так и неформального, можно добиться большей экономической эффективности [64. С. 33]. Если рассматривать приграничное сотрудничество как реализацию политических проектов, то оно становится частью внешней политики [63. 64], что перекликается с российскими и европейскими правовыми определениями.

Таким образом, в европейских научных исследованиях выделяется несколько подходов к определению приграничного сотрудничества:

- приграничное сотрудничество как согласованные действия акторов приграничных регионов [54–58];
- приграничное сотрудничество как сотрудничество между сопредельными субнациональными органами власти [60. 63];
- приграничное сотрудничество как политические проекты [64] и часть внешней политики [15. 63].

Результаты исследования

Вопросы приграничного сотрудничества начали широко изучаться в западной академической мысли начиная с XX века в рамках теорий интеграции, парадипломатии, многоуровневого управления. Непосредственно в европейской историографии приграничное сотрудничество рассматривается сперва в контексте европейских интеграционных проектов, а затем в рамках внешнеполитических инструментов ЕС, где оно видится механизмом по выстраиванию отношений с соседними странами. В российской исследовательской среде активный интерес к приграничному сотрудничеству возникает в 1990–2000-х гг., когда происходит увеличение и стабилизация международных связей регионов Российской Федерации с зарубежными партнерами, в частности с Евросоюзом в контексте программ приграничного сотрудничества Тасис, Интеррег, а затем Европейской политики соседства.

Анализ российской и европейской историографии позволяет говорить об общем понимании приграничного сотрудничества как согласованных действий, направленных на укрепление добрососедства и развитие приграничных территорий [6. 41–46; 54–58]. Кроме того, приграничное сотрудничество рассматривается как сотрудничество органов власти соседних государств [6. 47–49; 60; 63], что воспринимается как часть международных отношений и внешней политики [6. 51]. Признается возможность участия в нем бизнеса, негосударственных акторов, образовательных учреждений [6]. В европейской литературе под приграничным сотрудничеством понимаются и политические проекты, например, в рамках Европейской политики соседства [64].

Однако можно выделить черты, различающие российские и зарубежные подходы к приграничному сотрудничеству.

Во-первых, как в нормативно-правовых документах, так и в научной литературе взгляды на субъектность приграничного сотрудничества отличаются. Например, Скотт Дж. [64] и Де Соуза Л. [54] в качестве ключевых акторов выделяют государственные и частные институты, в то время как российские ученые хоть и признают роль НГО [6], но акцент делают на органах местного самоуправления или региональных властях [5. 47–49].

Во-вторых, в европейской литературе наблюдается более четкое разделение на «приграничное» и «трансграничное» сотрудничество, которое закрепилось как в академических кругах, так и в правовой среде. Приграничное

сотрудничество представляет собой сотрудничество региональных и локальных субъектов на приграничных территориях, в то время как трансграничное сотрудничество связано с более крупными проектами на несопредельных регионах [40]. В теоретических подходах российских исследователей наблюдается плюрализм взглядов: часть ученых использует данные термины как синонимы [21], в то время как другая часть предлагает авторское понимание их различий [4. 19].

В-третьих, часть европейских исследований приграничного сотрудничества проводятся в рамках проблематики внутриевропейской региональной политики. Это обусловлено историческим контекстом и первоначальным развитием концепции приграничного сотрудничества в русле теорий европейской интеграции [9. 10] и внутрисоюзных управленческих моделей (например, многоуровневого управления [25]). В российской же историографии исследования носят международный характер, при этом значимая доля работ посвящена непосредственно российско-европейскому типу сотрудничества как одному из самых институционализированных и эффективных [32. 65; 66].

Заключение

Таким образом, обзор отечественной и зарубежной историографии продемонстрировал, что подходы к пониманию приграничного сотрудничества эволюционировали как в нормативно-правовых документах, так и во взглядах российских и зарубежных ученых. Как российские, так и европейские исследователи сходятся в сущностном понимании приграничного сотрудничества, в то же время сохраняются различия в понимании субъектности приграничного сотрудничества, соотношении терминов «приграничное» и «трансграничное» сотрудничество и географии изучения вопроса.

Библиографический список

1. Дубровина О.Ю. Региональное измерение внешней политики: историография проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 144–147.
2. Плотникова О.В. Международные связи регионов государств: актуальность и степень исследования проблемы // Власть. 2011. № 4. С. 147–151.
3. Грибова С.Н. Приграничное сотрудничество: теоретические и правовые истоки изучения // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 1. С. 15–20.
4. Изотов Д.А., Юн С.Е. Приграничное сотрудничество как объект исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4 (19). С. 8–21.
5. Болотов Д.А. Приграничное сотрудничество как особая форма международных отношений: На примере отношений Российской Федерации и Европейского Союза : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.04 / С.-Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2003. 22 с.
6. Тарасов С.Б., Межевич Н.М. Приграничное сотрудничество как инновационная стратегия управления социально-экономическим развитием территории // Экономика и управление. 2009. № 2. С. 67–74.

7. Камынин В.Д. Методологические основания современных историографических исследований // История науки и техники в современной системе знаний. Екатеринбург, 2011. С. 54–56.
8. Инполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 13 (3–2). С. 501–509.
9. Mitrany D. A Working Peace System an Argument for the Functional Development of International Organization. London, Oxford University Press, 1943.
10. Bednar J., Ferejohn J., Garrett G. The politics of European federalism // International Review of Law and Economics. № 16 (3). 1996. P. 279–294.
11. Клюев А.В., Пастарнакова О.А. Приграничное сотрудничество в контексте государственной политики: теоретические и прикладные аспекты // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. № 2 (36). С. 282–291.
12. Lecours A. Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World. Clingendael Institute, 2008.
13. Duchacek I. Perforated sovereignties: towards a typology of new actors in international relations // Federalism and international relations: the role of subnational units. 1990. № 2 (1). P. 1–33.
14. Michelmann H.J., Soldatos P. European Integration: theories and approaches. University Press of America, 1994.
15. Soldatos P. Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World // States and Provinces in the International Economy, edited by Fry E., Brown D. Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, 1993. P. 112–135.
16. Cornago N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Co-Operation // Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Subnational Governments. London, Routledge, 1999. P. 40–57.
17. Hocking B. Foreign relations and federal states. Leicester: Leicester University Press, 1993.
18. Keating M. Paradiplomacy and regional networking. URL: //www.forumfed.org/libdocs/ForRelCU01/924FRCU0105-eu-keating.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
19. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М.; Волгоград, 2002. 572 с.
20. Яровой Г.О. Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 28–41.
21. Яровой Г.О. Трансграничное сотрудничество России и Евросоюза между (де-) секьюритизацией и парадипломатией: в поисках новых подходов к cross-border governance // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. № 2. С. 156–182.
22. Благодатских В.Г., Керимов А.А. Концепт парадипломатии в политологическом дискурсе: сущность и основные направления исследований // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 31–36.
23. Kuznetsov A.S. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments // International Affairs. New York, Routledge, 2015. 184 p.
24. Джорухова В.Л. Концептуальные основы для исследования парадипломатии // IN SITU. 2022. № 1. С. 49–54.
25. Marks G. Structural Policy and Multi-Level Governance in the EC // The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond. Boulder, Colorado, Lynne Rienner, 1993. P. 391–411.
26. Scott J.W. European politics of borders, border symbolism and cross-border cooperation // A companion to border studies. 2012. P. 83–99.
27. Wallis A.D. New regionalism // Encyclopaedia of Urban Studies, edited by R. Hutchinson. London: Sage, 2010. P. 546–548.

28. *Van Houtum H.* Borders of Comfort: Spatial Economic Bordering Processes in the European Union // *New Borders for a Changing Europe*. Routledge, 2004. С. 37–59.
29. *Browning C.S., Joenniemi P.* The European Union's Two Dimensions: The Eastern and the Northern // *Security Dialogue*. 2003. № 34 (4). P. 463–478.
30. *Tassinari F.* The European Sea: Lessons from the Baltic Sea Region for security and cooperation in the European Neighbourhood // *Journal of Baltic Studies*. 2005. № 36 (4). P. 387–407.
31. *Mölder H.* The cooperative security dilemma in the Baltic Sea Region // *Journal of Baltic Studies*. 2008. № 42 (2). P. 143–168.
32. *Sebentsov A.B.* Institutional dimension of cross-border cooperation in the Russian border area // *Regional studies*. 2008. № 61 (3) P. 66–75.
33. *Koch K.* The role of territoriality in the European Union multi-level governmental cooperation framework of Finnish–Russian cross-border cooperation // *European Urban and Regional Studies*. 2017. № 26.
34. Распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 N 196-П «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12121979/#friends> (дата обращения: 20.01.2024).
35. European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities, Concile of Europe, European Treaty Series — No. 106, Madrid, 21.V.1980. URL: <https://rm.coe.int/1680078b0c> (дата обращения: 20.01.2024)
36. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71630188/> (дата обращения: 20.01.2024).
37. European Council. Programming of the European neighbourhood instrument (ENI) — 2014– 2020. Programming document for EU support to ENI cross-border cooperation (2014–2020). 2014. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/cbc_2014_2020_programming_document_en.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
38. *Витулъева Т.А.* Анализ нормативно-правовой базы внешней политики и приграничного сотрудничества в России // *Экономика. Право. Общество*. 2021. № 3. С. 45–53. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-45-53>
39. *Зотов В.В.* Стейкхолдерский подход в международном сотрудничестве приграничных регионов // *Общественная дипломатия и гражданское общество приграничных регионов: коллективная монография* — Белгород: ООО «Эпицентр». 2021. С. 37–45.
40. Opinion 2002/C 192/09 of the Committee of the Regions on strategies for promoting cross-border and inter-regional cooperation. Brussels, 13 March, 2002. URL: http://www.cvce.eu/obj/opinion_2002_c_192_09_of_the_committee_of_the_regions_on_strategies_for_promoting_cross_border_and_inter_regional_cooperation_brussels_13_march_2002-en-2f295070-0980-4def-83cd-22d8855db87f.html (дата обращения: 20.01.2024).
41. *Дубровина О.Ю.* Приграничное сотрудничество как форма межрегионального взаимодействия и регионализации // *Власть*. 2018. № 8. С. 97–102. <https://doi.org/https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6051>
42. *Сапожникова С.М.* Приграничная торговля как важная часть приграничного сотрудничества и развития Смоленской области // *Экономика и право: сборник научных статей по итогам международной заочной научной конференции среди преподавателей и магистрантов высших учебных заведений, Смоленск, 25 декабря 2015 года*. Смоленск: «Российский университет кооперации», Смоленский филиал. 2015. С. 117–121.
43. *Вардомский Л.Б.* Новые факторы приграничного сотрудничества стран СНГ // *Конкурентоспособность и модернизация экономики*. 2004. С. 263–274.
44. *Бильчак М.В.* Приграничное сотрудничество в свете современных интеграционных процессов // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2014. № 1. С. 11–20.

45. *Ярошенко Д.К.* Приграничное сотрудничество и возможности преодоления эксклавности Калининградской области // Материалы научно-практической конференции молодых ученых географов, Москва, 28–29 марта 2018 года. Москва: Издательство «Перо», 2018. С. 214–217.
46. *Ткачев С.А., Болотов Д.А., Межевич Н.М.* Приграничное сотрудничество в региональном социально-экономическом развитии: теория, российская практика // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 63 (1) С. 87–93.
47. *Яровой Г.О., Белокурова Е.В.* Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. Санкт-Петербург: Норма, 2012. 368 с.
48. *Цветкова О.В.* Территории приграничного сотрудничества: состояние и перспективы развития Калининградской области // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 278–289.
49. *Кузьмин В.М.* Приграничное и трансграничное сотрудничество Калининградской области в регионе Балтийского моря в новых геополитических условиях // Политическая наука. 2010. № 3. С. 14–28.
50. *Burtceva E.* Barriers to the Implementation of the EU-Russia Cross-Border Cooperation Programs (Cases of ENPI Programs “South-East Finland — Russia“ and “Estonia-Latvia-Russia”). Working Papers WP 2014–03. Centre for German and European Studies (CGES). Bielefeld / St. Petersburg, 2014. № 3.
51. Введение в исследования границ / под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. 426 с.
52. *Осадчая О.П., Ремизов Д.В.* Основные формы организации приграничного сотрудничества // Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2013. 155 с.
53. *Шайкин А.С., Кроленко М.С.* Мировой опыт организации сотрудничества приграничных регионов // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 октября 2017 года. Пенза: «Наука и Просвещение», 2017. С. 177–179.
54. *Sousa L.D.* Understanding European cross-border cooperation: A framework for analysis // Journal of European Integration. 2013. № 35 (6). С. 1–19. <https://doi.org/10.1080/07036337.2012.711827>
55. *Koch K.* Geopolitics of Cross-Border Cooperation at the EU’s External Borders: Discourses of de-and re-bordering, territorial perceptions and actor relations within the Finnish-Russian ENI cooperation network // Nordia Geographical publications. 2018. № 47 (1), С. 1–126.
56. *Rogut A., Welter F.* Cross-border cooperation within an enlarged Europe. 2012.
57. *Noferini A. et al.* Cross-border cooperation in the EU: Euroregions amid multilevel governance and re-territorialization // European planning studies. 2020. № 1 (28). С. 35–56.
58. *Howaniec H., Lis M.* Euroregions and local and regional development—Local perceptions of cross-border cooperation and euroregions based on the euroregion Beskydy // Sustainability. 2020. № 18 (12). <https://doi.org/10.3390/su12187834>
59. *Keating M.* The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. Cheltenham, UK: E. Elgar, 1998.
60. *Perkmann M.* Cross-border regions in Europe: Significance and drivers of regional cross-border co-operation. European Urban and Regional Studies. 2003. № 10 (2). P. 153–171.
61. *Grix J.* Towards a theoretical approach to the study of cross-border cooperation // Perspectives. 2001. № 17. С. 5–13.
62. *Oliveras X., Durà A., Perkmann M.* Las regiones transfronterizas: Balance de la regionalización de la cooperación transfronteriza en Europa (1958–2007) // Documents D’Anàlisi Geogràfica. 2010. № 56. P. 21–40.
63. *Zukowski A.* The contemporary borderlands and the idea of cross-border cooperation and paradiplomacy: some reflections for the post-Soviet states // Scientific Artsakh. 2020. № 1 (4). P. 13–20.

64. Scott J.W. Bordering, border politics and cross-border cooperation in Europe // *Neighbourhood policy and the construction of the European external borders*. 2015. P. 27–44.
65. Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России // *Евразийская экономическая интеграция*. 2008. № 1 (1). С. 90–108.
66. Рустамова Л.Р. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества еврорегионов с участием России // *Регионоведение*. 2019. № 4 (109). С. 711–733.

References

1. Dubrovina OYu. Regional'noe izmerenie vneshej politiki: istoriografiya problem. [Regional dimension of foreign policy: historiography of the problem]. *Vlast'*. 2014;11:144–147. (In Russ.).
2. Plotnikova OV. Mezhdunarodnye svyazi regionov gosudarstv: aktual'nost' i stepen' issledovaniya problem. [International relations of the regions of the states: the relevance and degree of research of the problem]. *Vlast'*. 2011;(4):147–153. (In Russ.).
3. Gribova SN. Prigranichnoe sotrudnichestvo: teoreticheskie i pravovye istoki izucheniya. [Border cooperation: theoretical and legal origins of the study]. *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006;1:15–20. (In Russ.).
4. Izotov DA., Yun SE. Prigranichnoe sotrudnichestvo kak ob'ekt issledovaniya [Border cooperation as an object of research]. *Otkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2011;4(19):8–21. (In Russ.).
5. Bolotov DA. Prigranichnoe sotrudnichestvo kak osobaya forma mezhdunarodnyh otnoshenij: Na primere otnoshenij Rossijskoj Federacii i Evropejskogo Soyuza. [Cross-border cooperation as a special form of international relations: The example of relations between the Russian Federation and the European Union] [Dissertation]: 23.00.04 / S.-Peterb. gos. un-t. Sankt-Peterburg; 2003. 22 p. (In Russ.).
6. Tarasov SB., Mezhevich NM. Prigranichnoe sotrudnichestvo kak innovacionnaya strategiya upravleniya social'no-ekonomicheskim razvitiem territorii. [Border cooperation as an innovative strategy for managing the socio-economic development of the territory]. *Ekonomika i upravlenie*. 2009;2:67–74. (In Russ.).
7. Kamynin VD. Metodologicheskie osnovaniya sovremennyh istoriograficheskikh issledovanij. [Methodological foundations of modern historiographical research]. *Istoriya nauki i tekhniki v sovremennoj sisteme znaniy*. Ekaterinburg; 2011, p. 54–56. (In Russ.).
8. Ippolitov GM. Klassifikaciya istochnikov v problemno-tematicheskikh istoriograficheskikh issledovaniyah i nekotorye metodologicheskie podhody k ih analizu. [Classification of sources in problem-thematic historiographical research and some methodological approaches to their analysis]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2011;13(3–2):501–509. (In Russ.).
9. Mitrany D. *A Working Peace System an Argument for the Functional Development of International Organization*. London, Oxford University Press; 1943.
10. Bednar J., Ferejohn J., Garrett G. The politics of European federalism. *International Review of Law and Economics*. 1996;16(3):279–294.
11. Klyuev AV., Pastarnakova OA. Prigranichnoe sotrudnichestvo v kontekste gosudarstvennoj politiki: teoreticheskie i prikladnye aspekty. [Cross-border cooperation in the context of public policy: theoretical and applied aspects]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2007;9–2(36):282–291. (In Russ.).
12. Lecours A. *Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World*. Clingendael Institute; 2008.
13. Duchacek I. Perforated sovereignties: towards a typology of new actors in international relations. *Federalism and international relations: the role of subnational units*. 1990;2(1):1–33.
14. Michelmann HJ., Soldatos P. *European Integration: theories and approaches*. University Press of America; 1994.

15. Soldatos P. Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World. *States and Provinces in the International Economy*, edited by Fry E., Brown D. Berkeley: Institute of Governmental Studies Press; 1993, p. 112–135.
16. Cornago N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Co-Operation. *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Subnational Governments*. London, Routledge; 1999, p. 40–57.
17. Hocking B. *Foreign relations and federal states*. Leicester: Leicester University Press; 1993.
18. Keating M. Paradiplomacy and regional networking. Available from: www.forumfed.org/libdocs/ForRelCU01/924FRCU0105-eu-keating.pdf [accessed on 20.01.2024].
19. Vardomskiy LB., Golunov SV. *Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novyh granic Rossii*. [Security and International Cooperation in the Belt of New Borders of Russia]. M.; Volgograd; 2002;572p. (In Russ.).
20. Yarovoj GO. Paradiplomatičeskaya deyatel'nost' kak instrument regional'nogo razvitiya: k postanovke voprosa. [Paradiplomatic activity as a tool for regional development: to the statement of the question]. *Studia Humanitatis Borealis*. 2013;1:8–41. (In Russ.).
21. Yarovoj GO. Transgranichnoe sotrudnichestvo Rossii i Evrosoyuza mezhdru (de-)sek'yuritizaciej i paradiplomatiej: v poiskah novyh podhodov k cross-border governance. [Cross-border cooperation between Russia and the European Union between (de-)securitization and paradiplomacy: in search of new approaches to cross-border governance]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021;2:156–182. (In Russ.).
22. Blagodatskih VG., Kerimov AA. Koncept paradiplomatii v politologičeskom diskurse: sushchnost' i osnovnye napravleniya issledovanij. [Concept of paradiplomacy in political science discourse: essence and main directions of research]. *Social'no-politicheskie nauki*. 2017;6:31–36. (In Russ.).
23. Kuznetsov AS. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments. *International Affairs*. New York, Routledge; 2015. 184 p.
24. Dzhoruhova VL. Konceptual'nye osnovy dlya issledovaniya paradiplomatii [Conceptual framework for the study of paradiplomacy]. *IN SITU*. 2022;(1):49–54. (In Russ.).
25. Marks G. Structural Policy and Multi-Level Governance in the EC. *The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond*. Boulder, Colorado, Lynne Rienner; 1993: 391–411.
26. Scott JW. European politics of borders, border symbolism and cross-border cooperation. *A companion to border studies*. 2012, p. 83–99.
27. Wallis AD. New regionalism. *Encyclopaedia of Urban Studies*, edited by R. Hutchinson. London: Sage; 2010, p. 546–548.
28. Van Houtum H. Borders of Comfort: Spatial Economic Bordering Processes in the European Union. *New Borders for a Changing Europe*. Routledge; 2004:37–59.
29. Browning CS., Joenniemi P. The European Union's Two Dimensions: The Eastern and the Northern. *Security Dialogue*. 2003;34(4):463–478.
30. Tassinari F. The European Sea: Lessons from the Baltic Sea Region for security and cooperation in the European Neighbourhood. *Journal of Baltic Studies*. 2005;36(4):387–407.
31. Mölder H. The cooperative security dilemma in the Baltic Sea Region. *Journal of Baltic Studies*. 2008;42(2):143–168.
32. Sebestov AB. Institutional dimension of cross-border cooperation in the Russian border area. *Regional studies*. 2008;61(3):667–675.
33. Koch K. The role of territoriality in the European Union multi-level governmental cooperation framework of Finnish–Russian cross-border cooperation. *European Urban and Regional Studies*. 2017; p. 26.
34. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 09.02.2001 N 196-R «Ob utverzhdenii Konceptii prigranichnogo sotrudnichestva v Rossijskoj Federacii». [Order of the Government of the Russian Federation from 09.02.2001 N 196-R “On Approval of the Concept

- of cross-border cooperation in the Russian Federation”]. Available from: <https://base.garant.ru/12121979/#friends> [accessed on 20.01.2024]. (In Russ.).
35. European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities, Concile of Europe, European Treaty Series — No. 106, Madrid, 21.V.1980. Available from: <https://rm.coe.int/1680078b0c> [accessed on 20.01.2024].
 36. Federal’nyj zakon ot 26 iyulya 2017 g. № 179-FZ «Ob osnovah prigranichnogo sotrudnichestva». [Federal Law No. 179-FZ dated July 26; 2017 “On the Basics of Cross-Border Cooperation”]. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71630188/> [accessed on 20.01.2024]. (In Russ.).
 37. European Council. Programming of the European neighbourhood instrument (ENI) — 2014–2020. Programming document for EU support to ENI cross-border cooperation (2014–2020). 2014. Available from: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/cbc_2014-2020_programming_document_en.pdf [accessed on 20.01.2024].
 38. Vitul’eva TA. Analiz normativno-pravovoj bazy vneshnej politiki i prigranichnogo sotrudnichestva v Rossii. [Analysis of the normative-legal base of foreign policy and cross-border cooperation in Russia]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*. 2021;3: 45–53. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-45-53> (In Russ.).
 39. Zotov VV. *Stejkkholderskij podhod v mezhdunarodnom sotrudnichestve prigranichnyh regionov. Obshchestvennaya diplomatiya i grazhdanskoe obshchestvo prigranichnyh regionov*. [Stakeholder approach in international cooperation of border regions. Public diplomacy and civil society of border regions]. Belgorod: «Epicentr». 2021, p. 37–45. (In Russ.).
 40. Opinion 2002/C 192/09 of the Committee of the Regions on strategies for promoting cross-border and inter-regional cooperation. Brussels, 13 March; 2002. Available from: http://www.cvce.eu/obj/opinion_2002_c_192_09_of_the_committee_of_the_regions_on_strategies_for_promoting_cross_border_and_inter_regional_cooperation_brussels_13_march_2002-en-2f295070-0980-4def-83cd-22d8855db87f.html [accessed on 20.01.2024].
 41. Dubrovina OYu. Prigranichnoe sotrudnichestvo kak forma mezhdunarodnogo vzaimodejstviya i regionalizacii. [Border cooperation as a form of interregional interaction and regionalization]. *Vlast’*. 2018;8: С. 97–102. <https://doi.org/https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.605> (In Russ.).
 42. Sapozhnikova SM. Prigranichnaya trgovlya kak vazhnaya chast’ prigranichnogo sotrudnichestva i razvitiya Smolenskoj oblasti. [Border trade as an important part of cross-border cooperation and development of the Smolensk region]. *Ekonomika i pravo: sbornik nauchnyh statej po itogam mezhdunarodnoj zaochnoj nauchnoj konferencii sredi prepodavatelej i magistrantov vysshih uchebnyh zavedenij*, Smolensk; 2015. Smolensk: «Rossijskij universitet kooperacii», Smolenskij filial. 2015, p. 117–121. (In Russ.).
 43. Vardomskiy LB. Novye faktory prigranichnogo sotrudnichestva stran SNG. [New factors of cross-border cooperation of the CIS countries]. *Konkurentosposobnost’ i modernizaciya ekonomiki*. 2004, p. 263–274. (In Russ.).
 44. Bil’chak MV. Prigranichnoe sotrudnichestvo v svete sovremennyh integracionnyh processov. [Border cooperation in the light of modern integration processes]. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*. 2014;(1):11–20. (In Russ.).
 45. Yaroshenko DK. Prigranichnoe sotrudnichestvo i vozmozhnosti preodoleniya eksklavnosti Kaliningradskoj oblasti. [Border cooperation and opportunities to overcome the exclavness of the Kaliningrad region]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenykh geografov*, Moscow, 28–29 marta 2018, Izdatel’stvo «Pero»; 2018: 214–217. (In Russ.).
 46. Tkachev SA., Bolotov DA., Mezhevich NM. Prigranichnoe sotrudnichestvo v regional’nom social’no-ekonomicheskom razviti: teoriya, rossijskaya praktika. [Cross-border cooperation in regional socio-economic development: theory, Russian practice]. *Regional’nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2016;63(1):87–93. (In Russ.).

47. Yarovoj GO., Belokurova EV. *Evropejskij Soyuz dlya regionov: chto mozžno i nuzžno znat' rossijskim regionam o ES*. [European Union for the regions: what Russian regions can and need to know about the EU]. Sankt-Peterburg: Norma; 2012: 368 p. (In Russ.).
48. Cvetkova OV. Territorii prigranichnogo sotrudnichestva: sostoyanie i perspektivy razvitiya Kaliningradskoj oblasti. [Territories of cross-border cooperation: the state and prospects of development of the Kaliningrad region]. *Politicheskaya nauka*. 2017: 278–289. (In Russ.).
49. Kuz'min VM. Prigranichnoe i transgranichnoe sotrudnichestvo Kaliningradskoj oblasti v regione Baltijskogo morya v novyh geopoliticheskikh usloviyah. [Border and transboundary cooperation of the Kaliningrad region in the Baltic Sea region in the new geopolitical conditions]. *Politicheskaya nauka*. 2010;3:14–28. (In Russ.).
50. Burtceva E. *Barriers to the Implementation of the EU-Russia Cross-Border Cooperation Programs (Cases of ENPI Programs "South-East Finland — Russia" and "Estonia-Latvia-Russia")*. Working Papers WP 2014–03. Centre for German and European Studies (CGES). Bielefeld / St. Petersburg; 2014;3.
51. Sevast'yanov SV., Lajne YU., Kireev AA. *Vvedenie v issledovaniya granic*. [Introduction to Frontier Studies]. Vladivostok: Dal'nauka; 2016: 426 p. (In Russ.).
52. Osadchaya OP., Remizov DV. *Osnovnye formy organizacii prigranichnogo sotrudnichestva*. [Main forms of organization of cross-border cooperation]. Rubcovsk: Rubcovskij industrial'nyj institut; 2013. 155 p. (In Russ.).
53. Shajkin AS., Krolenko MS. Mirovoj opyt organizacii sotrudnichestva prigranichnyh regionov. [World experience in organizing cooperation of border regions]. *Sovremennaya ekonomika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: Sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Penza, 25 oktyabrya 2017. Penza: «Nauka i Prosveshchenie»; 2017:177–179. (In Russ.).
54. Sousa LD. Understanding European cross-border cooperation: A framework for analysis. *Journal of European Integration*. 2013;35(6):1–19. <https://doi.org/10.1080/07036337.2012.711827>
55. Koch K. Geopolitics of Cross-Border Cooperation at the EU's External Borders: Discourses of de- and re-bordering, territorial perceptions and actor relations within the Finnish-Russian ENI cooperation network. *Nordia Geographical publications*. 2018;47(1):1–126.
56. Rogut A., Welter F. *Cross-border cooperation within an enlarged Europe*. 2012.
57. Noferini A. et al. Cross-border cooperation in the EU: Euroregions amid multilevel governance and re-territorialization. *European planning studies*. 2020;1(28):35–56.
58. Howaniec H., Lis M. Euroregions and local and regional development—Local perceptions of cross-border cooperation and euroregions based on the euroregion Beskydy. *Sustainability*. 2020;18(12). <https://doi.org/10.3390/su12187834>
59. Keating M. *The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change*. Cheltenham, UK: E. Elgar, 1998.
60. Perkmann M. Cross-border regions in Europe: Significance and drivers of regional cross-border co-operation. *European Urban and Regional Studies*. 2003;10(2):153–171.
61. Grix J. Towards a theoretical approach to the study of cross-border cooperation. *Perspectives*. 2001;17: 5–13.
62. Oliveras X., Durà A., Perkmann M. Las regiones transfronterizas: Balance de la regionalización de la cooperación transfronteriza en Europa (1958–2007). *Documents D'Analisi Geografica*. 2010;(56):21–40.
63. Zukowski A. The contemporary borderlands and the idea of cross-border cooperation and paradiplomacy: some reflections for the post-Soviet states. *Scientific Artsakh*. 2020;1(4):13–20.
64. Scott JW. *Bordering, border politics and cross-border cooperation in Europe. Neighbourhood policy and the construction of the European external borders*. 2015: 27–44.

65. Vardomskij LB. Prigranichnoe sotrudnichestvo na «novyh i staryh» granicah Rossii. [Border cooperation on the “new and old” borders of Russia]. *Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya*. 2008;1(1):90–108. (In Russ.).
66. Rustamova LR. Problemy i perspektivy prigranichnogo sotrudnichestva evroregionov s uchastiem Rossii. [Problems and prospects of cross-border cooperation of Euroregions with the participation of Russia]. *Regionologiya*. 2019;4(109):711–733. (In Russ.).

Информация об авторе:

Тарасова Анастасия Сергеевна — аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9), e-mail: nastya91938@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9316-2217

Information about the author:

Anastasiia S. Tarasova — PhD student, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University (7–9 Universitetskaya Embankment St, St Petersburg, 199034, Russian Federation), e-mail: nastya91938@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9316-2217

ДЛЯ ЗАМЕТОК
